

Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті
Казахский национальный педагогический университет имени Абая
Abai Kazakh National Pedagogical University

ХАБАРШЫ

«Юриспруденция» сериясы
Серия «Юриспруденция»
Series «Jurisprudence»
№ 2 (84), 2026

Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті

ХАБАРШЫ
«Юриспруденция» сериясы
№2(84), 2026

Бас редактор:
Б.А. ТАЙТОРИНА – з.ғ.д., профессор

Бас редактордың орынбасары:
Б.Х. Төлеубекова – з.ғ.д., проф.

Ғылыми редактор
Балгимбекова Г.У. – PhD, профессор,
Академик Е.А.Бөкетов атындағы
Қарағанды университеті

Жауапты хатшы:
Н.Б. Калкаева – з.ғ.д., қ.проф.
Техникалық хатшы:
Қ.Тұрлыханқызы – PhD

Редакциялық алқа мүшелері:
Бурбаев Е.А. – з.ғ.д., профессор,
І.Жансүгіров атындағы Жетісу
университетінің ректоры (Қазақстан)
Сабикенов С.Н. – з.ғ.д., ҚР ҰҒА академигі,
проф. (Қазақстан)

Цепелев В.Ф. – з.ғ.д., РФ ПМ академиясы
профессоры (Ресей)
Муратова Н.Г. – з.ғ.д., профессор, Казан
мемлекеттік университетінің Қылмыстық
іс жүргізу кафедрасының меңгерушісі
(Ресей)

Мухамеджанов О.З. – з.ғ.д., Ташкент
мемлекеттік заң университетінің
профессоры (Өзбекстан)

Хлус А.М. – з.ғ.к., Беларусь мемлекеттік
университетінің, (Беларусь)

Самарин В.И. – з.ғ.к., Беларусь
мемлекеттік университетінің доценті
(Беларусь)

Жатқанбаева А.Е. – з.ғ.д., профессор
(Қазақстан)

Хамзина Ж.А. – з.ғ.д., профессор
(Қазақстан)

Шелухин С.И. – PhD, Джон Джэй
Нью-Йорк университетінің профессоры
(АҚШ)

Элван О.Д. – құқық докторы,
Джеррахпаша Стамбул университетінің
профессоры (Түркия)

© Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті, 2026

Қазақстан Республикасының
мәдениет және ақпарат министрлігінде
2009 жылы мамырдың 8-де тіркелген
№ 10111 – Ж

Басуға 26.06.2026. қол қойылды.
Пішімі 60x84^{1/8}. Көлемі 15,0 е.б.т.
Тапсырыс 763

050010, Алматы қаласы,
Достық даңғылы, 13.
Абай атындағы ҚазҰПУ

Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университетінің
«Ұлағат» баспасы

МАЗМУНЫ
СОДЕРЖАНИЕ
CONTENT

МЕМЛЕКЕТ ЖӘНЕ ҚҰҚЫҚТЫҢ ЖАЛПЫ ТЕОРИЯСЫ.
МЕМЛЕКЕТ ЖӘНЕ ҚҰҚЫҚ ТАРИХЫ
ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА.
ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
GENERAL THEORY OF STATE AND LAW.
HISTORY OF STATE AND LAW

Жанузакова Л.Т., Бейсенова А.У. Трансформация принципов организации государственной власти в условиях развития современного государства..... 5
Жанузакова Л.Т., Бейсенова А.У. Қазіргі мемлекеттердің дамуы жағдайында мемлекеттік билікті ұйымдастыру қағидаларын трансформациялау
Zhanuzakova L.T., Beisenova A.U. Transformation of the principles of the organization of state power in the context of the development of the modern state

Yuldoshev A.E. Legal aspects of public opinion research by civil society institutions in the prevention of corruption..... 14
Юлдошев А.Э. Правовые аспекты изучения общественного мнения институтами гражданского общества в области предупреждения коррупции
Юлдошев А.Э. Сыбайлас жемқорлықтың алдын алу саласындағы азаматтық қоғам институттарының қоғамдық пікірді зерделеуінің құқықтық аспектілері

КОНСТИТУЦИЈАЛЫҚ ҚҰҚЫҚ.
ӘКІМШЛІК ҚҰҚЫҚ ЖӘНЕ ПРОЦЕСС
КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО.
АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС
CONSTITUTIONAL LAW.
ADMINISTRATIVE LAW AND PROCESS

Alain A.B., Bizhanova A.R. Legal aspects of countering information manipulation in the digital media space..... 25
Әлен А.Б., Бижанова А.Р. Сандық медиа кеңістігінде ақпараттық манипуляцияға қарсы тұрудың құқықтық аспектілері
Ален А.Б., Бижанова А.Р. Правовые аспекты противодействия информационным манипуляциям в цифровом медиaprостранстве

Мурат С. Парламентское расследование как институциональный механизм конституционного контроля: сравнительная модель эффективности и пределы парламентской автономии..... 35
Мурат С. Парламенттік тергеу конституциялық бақылаудың институционалдық механизмі ретінде: тиімділіктің салыстырмалы моделі және парламенттік автономияның шегі
Murat S. Parliamentary investigation as an institutional mechanism of constitutional control: a comparative model of effectiveness and the limits of parliamentary autonomy

Тайторина Б.А., Алимбетова А.Р. Территориальная адаптивность систем повышения квалификации государственных служащих как фактор эффективности государственного управления..... 44

Казахский национальный педагогический университет имени Абая

ВЕСТНИК
Серия «Юриспруденция»
№2(84), 2026

Главный редактор:
ТАЙТОРИНА Б.А.
д.ю.н., профессор

Зам. главного редактора:
Толубекова Б.Х. – д.ю.н., проф.

Научный редактор
Балгимбекова Г.У. – PhD, профессор,
Карагандинский университет имени
академика Е.А. Букетова;

Ответ. секретарь:
Калкаева Н.Б. – к.ю.н., асс. проф.

Тех.секретарь:
Тұрлыханқызы Қ. – PhD

Члены редколлегии:
Бурибаев Е.А. – д.ю.н., профессор, ректор
Жетысуского университета имени
И.Жансугурова (Казахстан)

Сабикиенов С.Н. – д.ю.н., профессор,
академик НАН РК (Казахстан)

Цепелев В.Ф. – д.ю.н., профессор Академии
МВД (Россия)

Муратова Н.Г. – д.ю.н., профессор,
заведующая кафедрой Уголовного процесса
Казанского государственного
университета (Россия)

Мухамеджанов О.З. – д.ю.н., профессор,
Ташкентского государственного
юридического университета (Узбекистан)

Хлус А.М. – к.ю.н., доцент Белорусского
государственного университета (Беларусь)

Самарин В.И. – к.ю.н., доцент,
Белорусского государственного
университета (Беларусь)

Жатқанбаева А.Е. – д.ю.н., профессор
(Казахстан)

Хамзина Ж.А. – д.ю.н., профессор
(Казахстан)

Шелухин С.И. – PhD, профессор Нью-
Йоркского университета Джона Джея
(США)

Элван О.Д. – доктор права, профессор
Стамбульского университета
Джеррахпаши (Турция)

© Казахский национальный педагогический университет
им. Абая, 2026

Зарегистрировано в Министерстве
культуры и информации
Республики Казахстан
8 мая 2009 г. № 10111 – Ж

Подписано в печать 26.06.2026.
Формат 60x84 1/8. Объем 15,0 уч.-изд.л.
Заказ 763

050010, г. Алматы, пр. Достык, 13.
КазНПУ им. Абая
Издательство «Ұлагат»

Казахского национального педагогического
университета имени Абая

Тайторина Б.А., Алимбетова А.Р. Мемлекеттік басқару тиімділігінің факторы ретінде мемлекеттік қызметшілердің біліктілігін арттыру жүйелерінің аумақтық бейімделгіштігі
Taitorina B.A., Alimbetova A.R. Territorial adaptability of civil servants' professional development systems as a factor of public administration effectiveness

АЗАМАТТЫҚ ҚҰҚЫҚ ЖӘНЕ ПРОЦЕСС.
ЕҢБЕК ҚҰҚЫҒЫ. БІЛІМ БЕРУ ҚҰҚЫҒЫ
ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС. ТРУДОВОЕ
ПРАВО. ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРАВО
CIVIL LAW AND PROCESS. LABOR LAW.
EDUCATIONAL LAW

Baisymakova D.S., Belkhozhayeva D.Zh. Contemporary concepts of law enforcement in the context of modernizing labor relations theory

Байсымакова Д.С., Белхожаева Д.Ж. Еңбек қатынастары теориясын жаңғырту контекстіндегі құқық қолданудың заманауи тұжырымдамалары..... 58

Байсымакова Д.С., Белхожаева Д.Ж. Современные концепции правоприменения в контексте модернизации теории трудовых отношений

Umarova K.U., Gulimov A.B. Environmental health law in post-soviet Central Asia: lessons from the Aral sea crisis for international patient rights protection..... 66

Умарова К.У., Гулимов А.Б. Посткеңестік Орталық Азияда денсаулық сақтаудың экологиялық құқығы: пациенттердің құқықтарын халықаралық қорғауға арналған Арал дағдарысының сабақтары

Умарова К.У., Гулимов А.Б. Экологическое право охраны здоровья в постсоветской Центральной Азии: уроки аральского кризиса для международной защиты прав пациентов

ҚЫЛМЫСТЫҚ ҚҰҚЫҚ ЖӘНЕ ПРОЦЕСС.
КРИМИНОЛОГИЯ. КРИМИНАЛИСТИКА
УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС.
КРИМИНОЛОГИЯ. КРИМИНАЛИСТИКА
CRIMINAL LAW AND PROCESS. CRIMINOLOGY.
FORENSICS

Apparova S.Z., Bizhanova A.R. The use of artificial intelligence in the investigation of crimes: legal risks and prospects in the Republic of Kazakhstan..... 77

Аппарова С.З., Бижанова А.Р. Қылмыстарды тергеуде жасанды интеллектті қолдану: Қазақстан Республикасындағы құқықтық тәуекелдер мен перспективалар

Аппарова С.З., Бижанова А.Р. Использование искусственного интеллекта при расследовании преступлений: правовые риски и перспективы в Республике Казахстан

Moldagaliyev K.B., Kambarov A.K. Цифровые следы как объект судебной компьютерно-технической экспертизы..... 88

Молдағалиев К.Б., Камбаров А.К. Цифрлық іздер сот компьютерлік-техникалық сараптама нысаны ретінде
Moldagaliyev K.B., Kambarov A.K. Digital footprints as an object of forensic computer-technical examination

Kazakh National Pedagogical university
after Abai

BULLETIN
Series of «Jurisprudence»
№2(84), 2026

Editor in chief:
TAITORINA B.A.
doctor of law, professor

Executive Editor:
Toleubekova B.Kh. – *doctor of law, professor*

Science Editor
Balgimbekova G.U. – *PhD, professor,*
Karaganda University named after
academician E.A. Buketov;

Answer. secretary:
Kalkayeva N.B. – *candidate of law.,*
associate professor

Technical Secretary:
Turlykhankyzy K. – *PhD*

The editorial board members:

Buribaev E.A. – *Doctor of Law, Professor,*
Rectop of Zhetysu University named after I.
Zhansugurov (Kazakhstan)

Sabikenov S.N. – *Doctor of Law, Professor,*
Academician of NAS RK (Kazakhstan)

Tsepelev V.F. – *Doctor of Law, Professor of*
Academy of the Ministry of Internal Affairs
(Russia)

Muratova N.G. – *Doctor of Law, Professor of*
Kazan State University (Russia)

Mukhamedzhanov O.Z. – *Doctor of Law,*
Professor of Tashkent State Law University
(Uzbekistan)

Khlus A.M. – *Candidate of Law, Associate*
Professor of Belarusian State University
(Belarus)

Samarin V.I. – *Candidate of Law, Associate*
Professor of Belarusian State University
(Belarus)

Zhatkanbaeva A.E. – *Doctor of Law,*
Professor (Kazakhstan)

Khamzina Zh.A. – *Doctor of Law, Professor*
(Kazakhstan)

Shelukhin S.I. – *PhD, professor at New York*
University John Jay (USA)

Elvan O.D. – *Doctor of Law, Professor of*
Istanbul Jerrahpash University (Turkey)

© Kazakh National Pedagogical university
after Abai, 2026

The journal is registered by the Ministry of
Culture and Information RK
8 May 2009. № 10111 – Ж

Signed to print 26.06.2026
Format 60x84 1/8
Volume 15,0 publ.literature
Order 763.

050010, Almaty, Dostyk ave., 13.
KazNPU after Abai

Publishing house «Ulagat»
Kazakh National Pedagogical university
after Abai

Толубекова Б.Х. Трансформационная модель принципов
уголовного судопроизводства в контексте новой Конституции
Республики Казахстан..... 96

Толубекова Б.Х. Қазақстан Республикасының жаңа
Конституциясы контекстінде қылмыстық процесстік қағидалардың
трансформациялық моделі

Toleubekova B.Kh. A transformational model of the principles of
criminal procedure in the context of the new Constitution of the
Republic of Kazakhstan

Авторлар туралы мәлімет..... 107

Сведения об авторах.

Information about authors.

МЕМЛЕКЕТ ЖӘНЕ ҚҰҚЫҚТЫҢ ЖАЛПЫ ТЕОРИЯСЫ.
МЕМЛЕКЕТ ЖӘНЕ ҚҰҚЫҚ ТАРИХЫ
ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА. ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
GENERAL THEORY OF STATE AND LAW. HISTORY OF STATE AND LAW

МРНТИ 10.07.01
УДК 321.01

<https://doi.org/10.51889/2959-6181.2026.84.2.001>

Л.Т.Жанузакова^{1*} , А.У.Бейсенова²

¹ Университет «Туран», Институт законодательства и правовой информации
Республики Казахстан, Каспийский общественный университет

² Каспийский общественный университет
(e-mail: *zhanleila@mail.ru, aimkhan@mail.ru)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРИНЦИПОВ ОРГАНИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ
В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА

Аннотация

В статье исследуются закономерности трансформации принципов организации государственной власти в условиях развития современного государства. На основе историко-правового и теоретико-правового подходов рассматривается эволюция представлений о народном суверенитете, разделении властей, парламентаризме и политическом представительстве в контексте классических политико-правовых учений и современных процессов конституционного развития. Цель исследования заключается в выявлении особенностей адаптации традиционных государственно-правовых концепций к современным условиям функционирования публичной власти, а также в оценке влияния современных тенденций на функционирование государственного механизма и эффективность государственного управления.

Методологическую основу составили формально-юридический, историко-правовой, сравнительно-правовой и системный методы исследования. Установлено, что современная трансформация государственной власти не связана с отказом от классических принципов государственности, а выражается в изменении институциональных форм и механизмов их реализации. Сделан вывод о сохранении фундаментального значения народного суверенитета и разделения властей как базовых категорий государственно-правовой организации общества при одновременной модернизации способов их практического воплощения.

Ключевые слова: государственная власть, суверенитет, парламентаризм, государственность, конституционализм, разделение власти, представительство.

Л.Т. Жанузакова¹, А.У. Бейсенова²

¹ «Туран» университеті, Қазақстан Республикасы

Заңнама және құқықтық ақпарат институты, Каспий қоғамдық университеті

² Каспий қоғамдық университеті

ҚАЗІРГІ МЕМЛЕКЕТТЕРДІҢ ДАМУЫ ЖАҒДАЙЫНДА МЕМЛЕКЕТТІК БИЛІКТІ
ҰЙЫМДАСТЫРУ ҚАҒИДАЛАРЫН ТРАНСФОРМАЦИЯЛАУ

Аңдатпа

Мақалада қазіргі мемлекеттің дамуы жағдайында мемлекеттік билікті ұйымдастыру принциптерінің өзгеру заңдылықтары зерттелген. Тарихи-құқықтық және теориялық-құқықтық тәсілдер негізінде халықтық егемендік, биліктің бөлінуі, парламентаризм және саяси өкілдік

туралы идеялардың эволюциясы классикалық саяси-құқықтық ілімдер мен конституциялық дамудың қазіргі процестері тұрғысынан қарастырылады. Зерттеудің мақсаты-дәстүрлі мемлекеттік-құқықтық тұжырымдамалардың қоғамдық биліктің қазіргі жағдайына бейімделу ерекшеліктерін анықтау, сондай-ақ қазіргі тенденциялардың мемлекеттік механизмнің жұмысына және Мемлекеттік басқарудың тиімділігіне әсерін бағалау. Әдістемелік негіз ресми-құқықтық, тарихи-құқықтық, салыстырмалы-құқықтық және жүйелік зерттеу әдістері болды. Мемлекеттік биліктің қазіргі заманғы трансформациясы мемлекеттіліктің классикалық принциптерінен бас тартумен байланысты емес, оларды жүзеге асырудың институционалдық формалары мен тетіктерінің өзгеруімен көрінеді. Халықтық егемендіктің іргелі маңыздылығын сақтау және биліктің қоғамның мемлекеттік-құқықтық ұйымының негізгі категориялары ретінде бөлінуі, сонымен бірге оларды іс жүзінде жүзеге асыру тәсілдерін жаңғырту туралы қорытынды жасалды.

Түйін сөздер: мемлекеттік билік, егемендік, парламентаризм, мемлекеттілік, конституционализм, биліктің бөлінуі, өкілдік.

L.T. Zhanuzakova¹, A.U. Beisenova²

*¹Turan University, Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan,
Caspian Public University*

²Caspian Public University

TRANSFORMATION OF THE PRINCIPLES OF THE ORGANIZATION OF STATE POWER IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF THE MODERN STATE

Abstract

The article examines the patterns of transformation of the principles of the organization of state power in the context of the development of the modern state. Based on historical-legal and theoretical-legal approaches, the evolution of ideas about national sovereignty, separation of powers, parliamentarism and political representation in the context of classical political and legal doctrines and modern processes of constitutional development is considered. The purpose of the study is to identify the peculiarities of adaptation of traditional state-legal concepts to modern conditions of functioning of public authority, as well as to assess the impact of modern trends on the functioning of the state mechanism and the effectiveness of public administration. The methodological basis was formed by formal-legal, historical-legal, comparative-legal and systematic research methods. It is established that the modern transformation of state power is not associated with the rejection of classical principles of statehood, but is expressed in a change in institutional forms and mechanisms of their implementation. The conclusion is made about the preservation of the fundamental importance of national sovereignty and separation of powers as the basic categories of the state-legal organization of society, while simultaneously modernizing the ways of their practical implementation.

Key words: state power, sovereignty, parliamentarism, statehood, constitutionalism, separation of powers, representation.

Введение

Историческая ретроспектива теоретических оснований организации государственной власти показывает, что сформулированные в трудах мыслителей Нового времени принципы являются базисом влияния на формирование государственных институтов современного государства. Актуальные тенденции эволюции государственной власти в контексте классических концепций показывают уровень трансформации таких фундаментальных принципов организации государственной власти как народный суверенитет, разделение власти, парламентаризм, верховенство закона и политическое представительство. Любое современное государство на определенном этапе развития в силу объективных и субъективных причин осуществляет кардинальные реформы в сфере государственной и общественной

жизни, включая модернизацию системы государственного управления, обновление действующего законодательства и даже принятие новой Конституции.

Первая Конституция независимого Казахстана была принята в 1993 г. Ее главными достоинствами стали провозглашение народа единственным источником государственной власти, установление демократической системы правления с закреплением принципа разделения власти, признание человека, его жизни, свободы и прав высшей ценностью государства¹.

В то же время в первые годы независимости, наряду с укреплением государственных институтов, параллельно проводились кардинальные социально-экономические реформы, которые сопровождалась распадом прежних хозяйственных связей, ликвидацией производств, инфляцией, резким падением уровня жизни населения. Это привело к масштабному политическому кризису 1993-1995 гг., когда произошел массовый самороспуск местных Советов, закончившийся в декабре 1993 г. самороспуском Верховного Совета 12 созыва, решением Конституционного Суда от 6 марта 1995 г. признаны нелегитимными выборы в Верховный Совет 13 созыва, на основе которого последний был распущен Президентом с одновременным получением законодательных полномочий. В итоге все это закончилось разработкой нового проекта Конституции и ее принятия 30 августа 1995 г. на республиканском референдуме².

Конституция Республики 1995 г. значительно укрепила статус и полномочия Президента, создала двухпалатный Парламент, ввела новый институт конституционного контроля – Конституционный Совет, заменивший Конституционный Суд. В дальнейшем в 1998, 2007, 2011, 2017, 2019 гг. в Конституцию вносились поправки, которые в большей степени усилили статус Президента и ослабили роль Парламента.

В последние несколько лет в Казахстане неоднократно поднимались вопросы о необходимости проведения политических реформ в стране с кардинальной перестройкой действующих механизмов власти. Январские события 2022 г. стали тем триггером, который привел к конституционной реформе, в результате которой в июне - на республиканском референдуме и в сентябре 2022 г. - Парламентом в Конституцию были внесены изменения и дополнения. Наиболее важными из них стали:

- исключение нормы об особом статусе Первого Президента;
- изменение срока полномочий действующего Президента с 5 до 7 лет с одновременным установлением однократного пребывания в должности;
- введение избрания 30% депутатов Мажилиса по одномандатным территориальным избирательным округам на основе мажоритарной системы;
- воссоздание Конституционного Суда³.

В 2025 г. главой государства вновь была инициирована конституционная реформа, в результате которой 15 марта 2026 г. на республиканском референдуме принята новая Конституция Казахстана⁴.

Целью настоящего исследования является анализ основных направлений трансформации принципов организации государственной власти в современных условиях, выявление особенностей реализации идей народного суверенитета, разделения властей и политического представительства, а также оценка их влияния на функционирование государственного механизма и эффективность государственного управления.

---

¹ Конституция Республики Казахстан. Принята Верховным Советом РК 28 января 1993 г. (утр.силу) // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K930001000> (дата обращения 03.03.2026)

² Конституция Республики Казахстан. Принята 30 августа 1995 г. на республиканском референдуме. С изменениями и дополнениями (утр.силу с 1 июля 2026 г.) // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000> (дата обращения 03.03.2026)

³ Конституция Республики Казахстан. Принята 30 августа 1995 года на республиканском референдуме. С изменениями и дополнениями (утр.силу с 1 июля 2026 г.) // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000> (дата обращения 03.03.2026)

⁴ Конституция Республики Казахстан. Принята 15 марта 2026 г. на республиканском референдуме // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2600000000> (дата обращения: 16.03.2026)

Материалы и методы

Теоретическая база настоящего исследования представлена научными трудами классиков и ученых современности по теории и истории государства и права, создавших фундамент представлений и трансформации таких принципов организации государственной власти как народный суверенитет, разделение власти, парламентаризм, верховенство закона и политическое представительство. Нормативную основу исследования составили тексты Конституций, конституционных и иных законов. Использование формально-юридического метода позволило осуществить анализ нормативно-правовых актов, регулирующих порядок формирования и организации государственной власти. Историко-правовой метод применен для выявления всего процесса эволюции и трансформации представлений о народном суверенитете и разделения государственной власти. Метод компаративистики позволил сопоставить разные модели формирования и организации государственной власти. Большое значение для решения поставленных в исследовании цели и задач имеет системный метод, позволивший рассмотреть государственную власть как целостный механизм взаимосвязанных институтов. Таким образом, осуществлена попытка обеспечить комплексный анализ закономерностей трансформации основ государственной власти в современных реалиях.

Результаты и обсуждение

Идея Общественного договора, как известно, принадлежит философу и мыслителю эпохи Просвещения Ж.-Ж.Руссо. В основе этой правовой теории лежит мысль о суверенитете как осуществлении «общей воли» народа и его неделимости, всякий акт суверенитета имеет в основе Общественный договор - соглашение граждан страны о правилах и принципах государственного управления [1].

Это условие должно составлять главную особенность государственной власти в современном демократическом обществе. Оно нашло отражение во Всеобщей декларации прав человека, ст.21 которой провозглашает современное понимание народного суверенитета в международном праве: «Воля народа должна быть основой власти правительства...»⁵.

Первоначально разработанная мыслителями Нового времени теория разделения власти была направлена на обоснование необходимости ограничения абсолютной монархической власти и только затем стала использоваться как теоретическая и идеологическая основа борьбы против всяких форм диктатуры, узурпации власти одним лицом или группой лиц.

Необходимость разделения власти отстаивал английский философ Джон Локк. Верховной властью является законодательная власть, именно она представляет народ, который ее избирает из числа своих представителей. Никто не имеет права оказывать давление на нее - она независима, подчинена Конституции и воле избравшего ее народа [2].

Главная форма деятельности законодательной власти в любом государстве - принятие законов от имени народа. В этом выражается принцип народного суверенитета.

Классическую теорию разделения властей развил Ш.Л. Монтескье. По его мнению, власть должна принадлежать разным органам государства, сосредоточение властных полномочий в руках одного органа или лица недопустимо. Злоупотребление неограниченной властью неминуемо ведет к деспотизму. Передача законодательной властью своих полномочий другим органам нарушает принцип разделения властей [3].

Современные исследователи считают, что доктрина разделения властей - это институциональная реализация народного суверенитета, часть механизмов, в которых выражается воля народа [4, р.261-262; 5, с.72].

В развитых демократических государствах первое место среди ветвей государственной власти отводится законодательной власти. Она рассматривается как выражение воли всего

---

⁵ *Всеобщая декларация прав человека . Принята резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 217 А от 10 декабря 1948 г. //<https://www.un.org/ru/about-us/universal-declaration-of-human-rights> (дата обращения 03.03.2026)*

народа, его интересов, народного суверенитета. Исполнительная и судебная власти, хотя и имеют сферу своей деятельности, действуют от имени и во исполнение закона.

Подобно другим научным идеям, концепции разделения властей, народного суверенитета и верховенства законодательной власти применяются при устройстве системы власти во многих демократических странах, обогащаясь успешным социально-экономическим и государственно-политическим опытом их развития.

Реальное и равноправное взаимодействие ветвей государственной власти создает эффективное государственное управление и начинает материализоваться тогда, когда создаются предпосылки для активного участия широких слоев общества в формировании органов государственной власти. В таких условиях торжествует полноценный политический и идеологический плюрализм, а в среде интеллектуальных слоев общества постоянно поддерживается требование закрепить в Конституции и других законах надежные гарантии политических, гражданских и иных прав и свобод личности, которые являются фундаментом народного суверенитета и условием справедливой и эффективной государственной власти.

Новая Конституция, провозгласив народ единственным носителем суверенной власти, допускает возможность ее осуществления непосредственно (через выборы и всенародный референдум) и путем делегирования ее государственным органам. Поэтому любое изменение структуры, полномочий, способа формирования законодательной и других органов власти являются прерогативой народа. В Конституции это положение нашло отражение в ст.92, согласно которой внесение в нее изменений и дополнений возможно только на всенародном референдуме⁶.

Президент и Курултай, избираемые непосредственно гражданами, являются его высшими представителями в государстве. В этой связи они наделяются правом выступать от имени народа и государства, тогда как другие государственные органы представляют только государство.

Парламент как представительный орган не вправе передавать свои исключительные полномочия другим органам, это нарушает принцип народного суверенитета. При этом верховенство законодательной власти и народный суверенитет не должны противопоставляться идее сильного конституционного государства, возглавляемого избранным народом главой государства, который представляет страну в мире и осуществляет общее руководство страной.

Одним из результатов конституционной реформы и модернизации системы государственного управления стало укрепление института Президента посредством расширения его полномочий, касающихся формирования государственных органов и назначения высших должностных лиц государства. Разработчики проекта основного закона объясняют это воплощением концепции - Сильный Президент, Влиятельный Парламент (Курултай) и Ответственное Правительство. При этом третья, не менее важная ветвь государственной власти - судебная, в данной триаде даже не упоминается. А ведь независимый суд - это едва ли не самая главная гарантия против узурпации власти, произвола в правоприменении.

Исходя из классических основ теории разделения власти, Президент является главой государства и главой исполнительной власти. В конституционной реальности Республики Казахстан Президент формально выведен за пределы трех традиционных ветвей власти. Между тем в Декларации о государственном суверенитете Казахской Республики, Президент назван главой Республики, который обладает высшей исполнительно-распорядительной властью⁷, а в тексте Конституции 1993 года. Было зафиксировано, что Президент возглавлял «единую систему исполнительной власти республики»⁸. В соответствии со ст.42 Конституции

⁶ Конституция Республики Казахстан. Принята 15 марта 2026 г. на республиканском референдуме // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2600000000> (дата обращения: 16.03.2026)

⁷ Декларация о государственном суверенитете Казахской Советской Социалистической Республики. Постановление Верховного Совета Казахской ССР от 25 октября 1990 г. № 307-XII // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/B900001700> (дата обращения: 02.03.2026)

⁸ Конституция Республики Казахстан. Принята Верховным Советом РК 28 января 1993 г. (утр.силу) // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K930001000> (дата обращения: 26.02.2026)

Президент является высшим должностным лицом государства, обеспечивает согласованное и беспрепятственное функционирование всех ветвей государственной власти, ответственность органов власти перед народом⁹. Такая конструкция заимствована из Конституции Франции 1958 года.

Президентская республика, равно как и парламентская, - это разновидности республиканской формы правления, для которой характерны выборность высших органов власти и ограниченность срока их полномочий. Конкретный же вид республики зависит от способа формирования, характера и степени распределения властных полномочий высших органов власти.

Данный вопрос является очень важным в контексте того, что некоторые конституционные нормы не подлежат изменениям. Среди них и норма о форме правления. В этой связи становится невозможным переход к парламентской республике, как это предлагалось рядом ученых и общественных деятелей. По крайней мере, речь идет о легитимном способе пересмотра – путем внесения изменений и дополнений в Конституцию. Так, Конституция Казахстана существенно расширила полномочия Президента не только за счет его влияния на формирование практически всех структур власти, но и посредством введения новых норм, укрепляющих статус главы государства в системе власти.

Двухпалатный законодательный орган в Казахстане в результате конституционной реформы трансформировался в однопалатный Курултай. Как отмечают исследователи, роль современного парламента в системе разделения властей заключается, в основном, в осуществлении законотворческой функции [6, р.31; 7, р.175-176; 8, р.119-120].

При этом законотворческая деятельность парламента оказывает большое влияние на политику, в большей степени является политическим процессом, нежели воплощением народного суверенитета [9, р.110; 10, с.36]. В более общей интерпретации законотворчество – это политический процесс осознания обществом общественно значимой проблемы, поиск решения и его реализация [10, с.36]. Такой подход позволяет понять, как важно претворение «общей воли» населения в законы, учитывая, что кроме политических и экономических проблем, в постоянном фокусе законодательной власти должны оставаться насущные вопросы уровня жизни населения, доступности образования, медицинских услуг, соблюдения трудовых и иных прав и др.

Работа избранных депутатов в современном парламенте предполагает дискуссии, дебаты по наиболее острым проблемам общества, выявление и учет разных мнений, различных интересов, их последующее согласование в процессе законотворческой работы. При этом не исключается «усреднение», компромиссность при принятии отдельных законов или некоторых его положений, затрагивающих интересы отдельных групп населения.

Среди главных факторов, влияющих на эффективность законодательной деятельности, называют репрезентативность парламента - законодательно обеспеченная возможность различным общественным силам быть делегированными в законодательный орган; его независимость от внешнего давления при принятии законов; доступ к законотворческому процессу независимых экспертов по общественно значимым проблемам и транспарентность деятельности парламента для медиа и гражданских наблюдателей. Все это позволит - решать социально-экономические проблемы в соответствии с ожиданиями населения [10, с.86].

С точки зрения теории правовой науки в демократическом государстве, в котором сформировалось полноценное гражданское общество, в законах, для их соблюдения, важно закрепить некую «общую меру» значимых для населения интересов по разным вопросам общественной жизни. Законодатель, как представитель всего народа и выразитель его «общей

---

⁹ Конституция Республики Казахстан. Принята 15 марта 2026 г. на республиканском референдуме // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2600000000> (дата обращения: 16.03.2026)
(дата обращения: 16.03.2026)

воли», должен суметь удержаться от ориентации лишь на интересы государства или интересы отдельных социальных групп и слоев.

В этой связи порядок формирования государственных органов должен обеспечивать условия для свободного выбора гражданами своих представителей в органы власти. Закрепленный в Конституции и избирательном законе принцип формирования парламента исключительно по партийным спискам, целым рядом экспертов критикуется как недемократичный, нарушающий конституционные права большого количества беспартийных граждан не только избирать, но и быть избранными в органы государственной власти.

Важно, чтобы партия была чувствительна к интересам большого числа граждан, а ее программные цели отражают потребности разных социальных групп, составляют ее социальную базу и дают электоральную ренту [11, с.158-159].

Очень важным на современном этапе является решение проблемы, которая оказывает огромное влияние на правоприменительную практику. Это определение субъекта официального толкования законов. Несмотря на длительную дискуссию по этому вопросу в среде ученых и предложений по возложению данной функции на тот или иной орган [12; 13, с.344], вопрос остается открытым. Трудность выявления "общей воли" по отдельным вопросам может объясняться различиями потребностей и интересов разных этнических и социальных групп, их опасения быть ущемленными по языку и в иных правах. Эти разногласия должны преодолеваются разумной социальной и национальной политикой государства. В нашем случае предполагается возложить эту задачу на создаваемый общенациональный консультативный орган - Қазақстан Халық Кеңесі, который наделен правом законодательной инициативы. Очевидно, что он призван стать некоей заменой депутатов, избираемых по мажоритарной системе, в целях более полного представления возможностей граждан по участию в управлении делами государства. По мнению Э.Б. Мухамеджанова, Халық Кеңесі мог бы занять ведущее место в системе государственного механизма в случае, если бы его компетенция и контингент были бы близки правовому положению и составу Съезда народных депутатов СССР – института поздней советской эпохи [14].

Заключение

Исследование трансформации принципов организации государственной власти в условиях развития современного государства верифицирует гипотезу о том, что эволюция государства характеризуется не столько отказом от классических принципов формирования и организации государственной власти, сколько закономерным изменением форм и механизмов их реализации. Сохранение фундаментального значения таких фундаментальных принципов организации государственной власти как народный суверенитет, разделение власти, парламентаризм, верховенство закона и политическое представительство сопровождается процессом влияния на их эволюцию новых политических, социально-экономических и технологических факторов. Действительно, классические теории не утратили своей теоретической ценности, создавая ориентиры государственного строительства. Вместе с тем современная государственность демонстрирует закономерный отход от классических моделей в сторону более сложных институциональных конструкций, сочетающих элементы представительной демократии, усиленной исполнительной власти и новых форм общественного участия в осуществлении государственной политики.

Народный суверенитет и разделение властей следует рассматривать не как статичные конституционные конструкции, а как динамические категории, содержание которых изменяется вместе с эволюцией государства и общества. В связи с этим дальнейшее развитие государственно-правовой науки требует переосмысления традиционных представлений о системе государственной власти с учетом современных тенденций конституционного развития, цифровизации публичного управления, усложнения механизмов политического представительства и возрастания роли институтов общественного участия.

Вклад авторов

Жанузакова Л.Т. осуществила разработку концепции исследования, определила цель и задачи работы, сформулировала методологическую основу исследования, участвовала в интерпретации полученных результатов и подготовке выводов.

Бейсенова А.У. осуществила анализ теоретико-правовых и историко-правовых основ исследования, участвовала в изучении трансформации принципов организации государственной власти в контексте развития государственно-правовой мысли, подготовке разделов, посвященных народному суверенитету, разделению властей и политическому представительству, а также в структурировании статьи, научном редактировании и формировании итоговых выводов по проблематике теории и истории государства и права.

Информация о финансировании. Данная статья подготовлена в рамках гранта финансирования научных исследований Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан № BR34636726 Конституционно-правовое и институциональное моделирование перехода к однопалатному Парламенту Республики Казахстан.

Список использованной литературы:

1 Руссо Ж.-Ж. *Об общественном договоре, или принципы политического права.* - Электронный ресурс - URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Russo.O_dogovore.pdf (дата обращения 01.03.2026)

2 Локк Дж. *Два трактата о правлении.* - Электронный ресурс - URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Lokk.Traktaty_1.pdf (дата обращения 01.03.2026)

3 Монтескье Ш.Л. *О духе законов.* - Электронный ресурс: URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Monteskye.O_dukhe.pdf (дата обращения 01.03.2026)

4 Bicktrton C. *Conflicts of sovereignty in contemporary Europe: a framework //Comparative European Politics.* - 2022. - Vol 20. - № 3. - P.257-274 - <https://doi.org/10.1057/s41295-022-00269-6> (date of access: 05.03.2026)

5 Michael T. *The Separation of Powers and Principles of State Policy // International Journal of Law in Changing World/* - 2025. - Vol.4. - № 1.- P.66-87 - <https://doi.org/10.54934/ijlcw.v4i1.126> (date of access: 05.03.2026)

6 Hossain A. *Role of Parliament and Governance in Bangladesh: Problems and Prospects //Journal of Public Policy and Administration.* - 2023.- Vol.8 - № 1. - P.31-48 - <https://doi.org/10.47604/jppa.1791> (date of access: 04.03.2026)

7 Gava R., Jaquet J.M., & Sciarini P. *Legislating or rubber-stamping? Assessing parliament's influence on law-making with text reuse // European Journal of Political Research.* - 2026. - Vol.60. - № 1.- P.175-198 - <https://doi.org/10.1111/1475-6765.12395> (date of access: 04.03.2026)

8 Turchynov K. *The role of the legislative branch in establishing and coordinating the functioning of other branches of government //Actual Problems of Law.* - 2023. - № 4. - P.119-122 - <https://doi.org/10.35774/app2023.04.119> (date of access: 06.03.2026)

9 Turchynov K. *Structure and Powers of the Parliament of Kazakhstan in the Context of the Separation of Powers // Actual Problems of Law.* - 2024. - №3. - P.110-116 - <https://doi.org/10.35774/app2024.03.110> (date of access: 06.03.2026)

10 Шульман Е. *Законотворчество как политический процесс.* - М.: Московская школа гражданского просвещения, 2014. - 184 с.

11 Асфацатурова М., Дзахоева Л., Стаценко И. *Партийная конкуренция и партийная иерархия: от классических интерпретаций до современных российских кейсов //Государственное и муниципальное управление. Ученые записки.* - 2023. - № 3. - С.153-161 - <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-153-161>(дата обращения 07.03.2026)

12 Мухамеджанов Э.Б. Реформирование Парламента любой ценой недопустимо // <https://exclusive.kz/reformirovanie-parlamenta-ljuboj-cennoj-nedopustimo/> (дата обращения: 06.03.2026)

13 Абдрасулов Е.Б. Толкование закона и норм Конституции: теория, опыт, процедура. – Алматы: Өркениет, 2002. – 400 с.

14 Мухамеджанов Э.Б. Право, природа, история: новые смыслы Конституции, которые не заметили // <https://exclusive.kz/pravo-priroda-istorija-novye-smysly-konstitucii-kotorye-ne-zametili/> (дата обращения: 06.03.2026)

References:

1 Russo Zh.-Zh. Ob obshhestvennom dogovore, ili principy politicheskogo prava. - Jelektronnyj resurs - URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Russo.O_dogovore.pdf (data obrashhenija 01.03.2026)

2 Lokk Dzh. Dva traktata o pravlenii. - Jelektronnyj resurs - URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Lokk.Traktaty_1.pdf (data obrashhenija 01.03.2026)

3 Montes'k'e Sh.L. O duhe zakonov. - Jelektronnyj resurs: URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Monteskye.O_dukhe.pdf (data obrashhenija 01.03.2026)

4 Bicktrton C. Conflicts of sovereignty in contemporary Europe: a framework // *Comparative European Politics*. - 2022. - Vol 20. - № 3. - P.257-274 - <https://doi.org/10.1057/s41295-022-00269-6> (date of access: 05.03.2026)

5 Michael T. The Separation of Powers and Principles of State Policy // *International Journal of Law in Changing World/* - 2025. - Vol.4. - № 1.- P.66-87 - <https://doi.org/10.54934/ijlcw.v4i1.126> (date of access: 05.03.2026)

6 Hossain A. Role of Parliament and Governance in Bangladesh: Problems and Prospects // *Journal of Public Policy and Administration*. – 2023.- Vol.8 - № 1. - P.31-48 - <https://doi.org/10.47604/jppa.1791> (date of access: 04.03.2026)

7 Gava R., Jaquet J.M., & Sciarini P. Legislating or rubber-stamping? Assessing parliament's influence on law-making with text reuse // *European Journal of Political Research*. - 2026. - Vol.60. - № 1.- P.175-198 - <https://doi.org/10.1111/1475-6765.12395> (date of access: 04.03.2026)

8 Turchynov K. The role of the legislative branch in establishing and coordinating the functioning of other branches of government // *Actual Problems of Law*. - 2023. - № 4. - P.119-122 - <https://doi.org/10.35774/app2023.04.119> (date of access: 06.03.2026)

9 Turchynov K. Structure and Powers of the Parliament of Kazakhstan in the Context of the Separation of Powers // *Actual Problems of Law*. - 2024. - №3. - P.110-116 - <https://doi.org/10.35774/app2024.03.110> (date of access: 06.03.2026)

10 Shul'man E. Zakonotvorchestvo kak politicheskij process. - M.: Moskovskaja shkola grazhdanskogo prosveshhenija, 2014. - 184 s.

11 Asfacaturova M., Dzahoeva L., Stacenko I. Partijnaja konkurencija i partijnaja ierarhija: ot klassicheskikh interpretacij do sovremennyh rossijskikh kejsov // *Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski*. - 2023. - № 3. - S.153-161 - <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-153-161> (data obrashhenija 07.03.2026)

12 Muhamedzhanov Je.B. Reformirovanie Parlamenta ljuboj cennoj nedopustimo // <https://exclusive.kz/reformirovanie-parlamenta-ljuboj-cennoj-nedopustimo/> (data obrashhenija: 06.03.2026)

13 Abdrasulov E.B. Tolkovanie zakona i norm Konstitucii: teorija, opyt, procedura. – Almaty: Өrkeniet, 2002. – 400 s.

14 Muhamedzhanov Je.B. Pravo, priroda, istorija: novye smysly Konstitucii, kotorye ne zametil // <https://exclusive.kz/pravo-priroda-istorija-novye-smysly-konstitucii-kotorye-ne-zametili/> (data obrashhenija: 06.03.2026)

A.E. Yuldoshev ^{1*}

¹Tashkent State University of Law
(e-mail: *azizjonyuldoshev237@gmail.com)

LEGAL ASPECTS OF PUBLIC OPINION RESEARCH BY CIVIL SOCIETY INSTITUTIONS IN THE PREVENTION OF CORRUPTION

Abstract

The article examines Uzbekistan's legislation, practices, international standards, and foreign experiences regarding the study of public opinion by civil society institutions in the prevention of corruption. The research aims to improve the legal framework of this process and eliminate existing shortcomings. The study reveals that the concept of "public opinion research" in national legislation requires refinement, noting that its forms and tools are often applied inaccurately. Using analytical, functional, structural, comparative, and formal-legal methods, the author analyzes perspectives, practices, and legislative acts concerning public opinion. As a result, the essence of public opinion and its research methodology are clarified. The author justifies the need to establish general rules for this process within national legislation, including the mandatory disclosure of information to assess the quality and objectivity of such research. Furthermore, the author proposes assigning the development of methodological recommendations for public opinion research to the Association of Sociologists of Uzbekistan and the Central Election Commission, while tasking election commissions with monitoring compliance with these recommendations and legal norms.

Key words: corruption, public control, public participation, public opinion, research methods, prevention, methodological support.

А.Э. Юлдошев¹

¹Ташкент мемлекеттік заң университеті

СЫБАЙЛАС ЖЕМҚОРЛЫҚТЫҢ АЛДЫН АЛУ САЛАСЫНДАҒЫ АЗАМАТТЫҚ ҚОҒАМ ИНСТИТУТТАРЫНЫҢ ҚОҒАМДЫҚ ПІКІРДІ ЗЕРДЕЛЕУІНІҢ ҚҰҚЫҚТЫҚ АСПЕКТІЛЕРІ

Аңдатпа

Мақалада Өзбекстанның сыбайлас жемқорлықты болдырмау саласындағы заңнамасы, практикасы, халықаралық стандарттары және азаматтық қоғам институттарының қоғамдық пікірді зерделеу саласындағы шетелдік тәжірибесі қаралады. Зерттеудің мақсаты осы процестің құқықтық базасын жетілдіру және орын алған кемшіліктерді жою болып табылады. Зерттеу ұлттық заңнамадағы «қоғамдық пікірді зерттеу» тұжырымдамасы нақтылауды талап ететінін көрсетеді, өйткені оның нысандары мен құралдары жиі дұрыс қолданылмайды. Автор талдамалық, функционалдық, құрылымдық, салыстырмалы және формальды-заңдық әдістерді пайдалана отырып, қоғамдық пікірге қатысты перспективаларды, практиканы және заңнамалық актілерді талдайды. Нәтижесінде қоғамдық пікірдің мәні мен оны зерттеудің әдіснамасы анықталады. Автор осындай зерттеулердің сапасы мен объективтілігін бағалау үшін ақпаратты міндетті түрде ашуды қоса алғанда, ұлттық заңнама шеңберінде осы процесс үшін жалпы қағидаларды белгілеу қажеттігін негіздейді. Бұдан басқа, автор Өзбекстан әлеуметтанушылар қауымдастығы мен Орталық сайлау комиссиясына қоғамдық пікірді

зерделеу бойынша әдіснамалық ұсынымдар әзірлеуді, ал сайлау комиссияларына осы ұсынымдар мен құқықтық нормалардың сақталуын бақылауды тапсыруды ұсынады.

Түйін сөздер: сыбайлас жемқорлық, қоғамдық бақылау, жұртшылықтың қатысуы, қоғамдық пікір, зерттеу әдістері, алдын алу, әдіснамалық қамтамасыз ету.

А.Э. Юлдошев ¹

¹Ташкентский государственный юридический университет

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ ИНСТИТУТАМИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ОБЛАСТИ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КОРРУПЦИИ

Аннотация

В статье рассматриваются законодательство, практика, международные стандарты и зарубежный опыт Узбекистана в области изучения общественного мнения институтами гражданского общества в области предотвращения коррупции. Целью исследования является совершенствование правовой базы этого процесса и устранение существующих недостатков. Исследование показывает, что концепция "исследования общественного мнения" в национальном законодательстве требует уточнения, поскольку ее формы и инструменты часто применяются неточно. Используя аналитический, функциональный, структурный, сравнительный и формально-юридический методы, автор анализирует перспективы, практику и законодательные акты, касающиеся общественного мнения. В результате проясняется сущность общественного мнения и методология его исследования. Автор обосновывает необходимость установления общих правил для этого процесса в рамках национального законодательства, включая обязательное раскрытие информации для оценки качества и объективности таких исследований. Кроме того, автор предлагает поручить разработку методологических рекомендаций по изучению общественного мнения Ассоциации социологов Узбекистана и Центральной избирательной комиссии, а избирательным комиссиям - контроль за соблюдением этих рекомендаций и правовых норм.

Ключевые слова: коррупция, общественный контроль, участие общественности, общественное мнение, методы исследования, профилактика, методологическое обеспечение.

Introduction

In the process of deepening democratic reforms in Uzbekistan, public opinion research has been established as a specific form of public oversight. This empowerment of public oversight subjects serves to effectively achieve the prevention of corruption and resolve other socio-political issues. However, the relatively passive state of public opinion research indicates a necessity to study its legal frameworks and law enforcement practices, aiming to eliminate identified shortcomings in light of international standards and foreign experience.

Clause 10 of the Decree of the President of the Republic of Uzbekistan No. UP-270, dated December 30, 2025, incorporates public oversight by civil society institutions-including public hearings, monitoring, and public opinion research-into the system of measures implemented within the framework of the corruption prevention system. Consequently, the implementation of these activities has acquired significant relevance.

The right of civil society institutions, namely non-governmental non-profit organizations (NGOs), citizens' self-government bodies (*mahallas*), and the mass media, to conduct public opinion research was granted by Law No. ZRU-474 on April 12, 2018. Nevertheless, the process of public opinion research by both civil society institutions and state bodies remains unregulated in national legislation.

Article 30 of the Law of the Republic of Uzbekistan No. ZRU-419, dated January 3, 2017, stipulates that state bodies, in cooperation with citizens' self-government bodies, NGOs, other organizations, mass media, and citizens, shall conduct sociological and other types of research on a permanent basis to study the state, nature, scale, dynamics, and trends of corruption, as well as the effectiveness of state policy in combating corruption.

Furthermore, taking public opinion into account is one of the fundamental principles of the activities of the Legislative Chamber, the Senate of the Oliy Majlis, and the local Councils. In general, information services of state and economic management bodies are tasked with studying public opinion. Although such information services have been established within the chambers of the Oliy Majlis and other state bodies, the specific procedure for public opinion research is not legally regulated.

In addition to the above, existing norms regarding public opinion research utilize inaccurate terminology. For instance, Article 16 of Law No. ZRU-60, dated October 11, 2006, grants the subject of legislative initiative the right to study public opinion with the participation of representatives of civil society institutions and research institutions before submitting a draft law to the Legislative Chamber. Most importantly, it grants the right to independently determine the procedure and "form" of such research. However, this right has not been realized by subjects of legislative initiative, and legal discourse has overlooked the fact that the concept of "forms of public opinion research" does not exist in scientific theory.

The fifth paragraph of the first part of Article 23 of Law No. ZRU-682, dated April 20, 2021, defines the tools for identifying public opinion rather than its forms. According to this article, when preparing a draft regulatory legal act, the developer summarizes and utilizes proposals from individual citizens, mass media materials, consultations, and recommendations from scientific and other organizations, scientists, and specialists, as well as data from other tools for identifying public opinion.

It is evident from the aforementioned that the forms, tools, and procedures for public opinion research are not detailed in national legislation. Despite this situation being an obstacle to effective public opinion research, it has not been sufficiently explored by national researchers. The need to address these gaps underscores the relevance of this research topic.

In foreign countries, public opinion research is widely established in commerce [1, p.8294], politics [2, p.507-531], and other fields, having been studied across various disciplines. Consequently, international standards for public opinion research in the commercial sector have been developed¹, legal frameworks for conducting social polls in elections have been formed [3], and issues regarding their improvement are being extensively researched [4].

The analysis of these shortcomings, international experience, and theoretical perspectives indicates a need in Uzbekistan to define the subjects, tools, and methods for researching public opinion-not only in the fight against corruption but also regarding other public affairs. It is necessary to develop procedures for evaluating, formalizing, publishing, and reviewing the results of such research.

To justify the necessity of legal regulation for public opinion research, its concept was studied within the framework of public administration, political science, and democratic theories using comparative analysis, logic, formal-legal, structural, systemic, functional, extrapolation, and other methods.

Public opinion on public affairs expresses the will of the people and performs the function of mobilizing the population to resolve specific issues. Therefore, there is a need for legal regulation of its study concerning corruption prevention and other matters, especially regarding the publication of results. This necessity is also visible in the example of the legal regulation of public opinion research during elections, including the conduct of exit polls and social surveys. The study found that the definition of public opinion research currently provided in Uzbekistan is controversial. Through

---

¹ ICC/ESOMAR International Code on Market, Opinion and Social Research and Data Analytics // https://www.esomar.org/uploads/pdf/professional-standards/ICCESOMAR_Code_English_.pdf.

logical analysis, it is argued that "forms" of public opinion research do not exist, and elements previously referred to as "tools"-such as referendums and citizen appeals-are, in fact, the subject of the research. The author proposes approving standards for public opinion research, establishing general rules in legislation, and entrusting the Central and regional election commissions with monitoring the implementation of these rules.

Materials and Methods

The legal frameworks for conducting social surveys during the electoral process were examined using comparative analysis and formal-legal methods. Within this process, the significance of other methods of public opinion research was elucidated, providing a basis for the necessity of their legal regulation. By applying the extrapolation method, specific proposals were developed to integrate the rules of conducting social surveys in elections into the fields of combating corruption and other public sectors.

Results and discussion

For the first time in Uzbekistan, a definition of public opinion research was provided in Article 13 of Law No. ZRU-474, dated April 12, 2018. According to this article, it consists of collecting, summarizing, and analyzing information to assess the opinions of various social groups regarding draft regulatory legal acts, as well as the activities of state bodies and their officials concerning compliance with legislative requirements and ensuring the rights and legitimate interests of citizens, legal entities, and society.

The study identified the need for certain corrections to this definition. First, the listed issues constitute societal, i.e., public interests. Second, public affairs are managed not only by state bodies and officials but also by other entities. Third, it is the state of the subject of research that is evaluated, rather than the public opinion itself.

Taking these shortcomings into account, it is appropriate to define public opinion research as the collection, summarizing, and analysis of information to identify the views of various social groups regarding legislative norms, the rights and legitimate interests of citizens and legal entities, and other public affairs. This definition more objectively reflects its essence.

It is evident from the definition that public opinion research covers all forms of activity related to the realization of public interests. However, one cannot agree with legislative norms that classify referendums, public discussions, and other forms of public participation as "tools" or "forms" of public opinion research.

It is well known that "forms" of research do not exist; research is conducted using specific methods. Research is carried out through material tools (including equipment), as well as mathematical, linguistic, and other instruments. From this perspective, referendums, citizen appeals, public discussions, and other forms of public participation cannot be considered "tools" for researching public opinion [5, p.231].

Public opinion manifests in facts that are: (1) objectified in people's activities and (2) directly present in consciousness. Observation, document analysis, and practical activity analysis have been established to study the first set of facts, while survey methods are used for the second [6, p.64-65]. These methods are classified into survey and non-survey methods.

Non-survey methods, including the analysis of practical activities, are used to study both the leaders of non-governmental organizations and collective activities such as referendums, elections, public discussions, and rallies. Thus, referendums and other forms of public participation are the subject of research, not the tools for conducting it.

Since there are many facts (opinions) within consciousness that need to be identified, survey methods are employed. Survey and non-survey methods are classified based on various criteria [7, p.223-231]. For instance, they are divided into qualitative research (in-depth interviews, focus groups, document analysis) and quantitative research (questionnaires, interviews, including telephone

surveys) [8, p.79]. There is a pressing need to develop standards for applying these methods [9] and to establish legal regulations for them.

Due to the diversity and continuous evolution of public opinion research methods, establishing their rules within legislative acts is a complex task. Therefore, it is advisable for these rules to be developed as a Code of Ethics/Practice by the Association of Sociologists of Uzbekistan and approved by the Central Election Commission [10]. A similar code has already been adopted in Kazakhstan [11]. To date, several methodological manuals on public opinion research methods have been published [12, p.56].

Furthermore, it is noted that public opinion is studied by state bodies alongside NGOs, citizens' self-government bodies, and the mass media. While this is a right granted to subjects of public oversight, it is a mandatory obligation for state bodies. This obligation stems from the accountability of state bodies and officials to society and serves the effective organization of public administration.

Thus, according to current legislation, state bodies and public oversight subjects can study public opinion independently or jointly. It is appropriate to solidify this in legislation and develop general rules and standards for public opinion research.

Search results on the Internet primarily reveal information about surveys conducted by the "Ijtimoiy Fikr" Center, the "Yuksalish" National Movement, the "U-Report" portal, and the "KUN.UZ" online publication. Among these, the only information regarding state bodies is a single survey conducted by the Anti-Corruption Agency in cooperation with "U-Report" [13].

This situation necessitates the use of other research methods alongside surveys and the regulation of this process. Presenting the opinions of a few citizens as "public opinion" allows for undue influence on the activities of state bodies and the behavior of citizens. In addressing this task, the legal regulation of social surveys in foreign elections can serve as a model.

Most countries have established rules for researching and publishing results, with special bodies created to monitor compliance [14]. Although Uzbekistan has established administrative liability for violating the procedure for publishing results of public opinion polls or election/referendum forecasts², such a procedure has not yet been formally established.

Currently, Article 103 of the Electoral Code of Uzbekistan is limited to prohibiting the publication of public opinion poll results, election forecasts, and other research related to the elections on election day and one day prior. In referendums, even this prohibition does not exist.

Law No. 77-808 of France, adopted on July 19, 1977, which regulates the publication and distribution of public opinion research results in elections, is noteworthy [15]. A Commission on Public Opinion Research was established to monitor this law. No one can conduct a survey without submitting a written declaration to the Commission, otherwise, the publication and distribution of results are prohibited.

Entities conducting surveys related to elections and referendums must submit the published materials to the Commission, along with a memorandum specifying: the respondent selection method, the sample size and composition, the conditions of the survey, the full text of questions, the number of non-respondents, the limits of data processing, and any indirect methods used to obtain the results. Similar commissions exist in other countries³.

The need for legal regulation is also evident from the development of the ICC/ESOMAR International Code on Market, Opinion and Social Research and Data Analytics [3]. This code, approved by the International Chamber of Commerce and ESOMAR in 1977 and updated in 2007, consists of 12 articles. It establishes core principles, data collection and protection norms, transparency requirements, and professional/legal obligations.

---

² Ўзбекистон Республикасининг Маъмурий жавобгарлик тўғрисидаги кодексининг 51⁹-моддаси // <https://lex.uz/docs/97664>.

³ Положение о Комиссии по опросам общественного мнения при Национальной академии наук Беларуси. Утверждено Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 31 мая 2002 г. за № 707 // <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C20200707>.

A key principle of the ICC/ESOMAR Code is that researchers must always act ethically and avoid any action that could damage the reputation of social research or raise doubts about its objectivity. According to Article 8, sufficient information must be provided to the public to assess the quality and accuracy of the results [3]. Applying these rules not only to the economy but also to public administration would prevent political manipulation and other negative outcomes.

International standards and the legal mechanisms for conducting surveys during elections have proven effective. This suggests the feasibility of applying these rules to other methods of studying public opinion regarding public affairs, including the prevention of corruption, and assigning the monitoring of these rules to election commissions.

Although public opinion is recognized as a controversial concept [16, p.243-245], its inherent substance underscores the necessity of legal regulation for its research. Public opinion has been defined in various ways: as an expression of citizens' beliefs, ideologies, and moods regarding human behavior [17, p.129-133]; as reflections, observations, and views expressed by the people for the sake of the country's prosperity and future [18, p.71]; as collective consciousness [19, p.44]; and as the opinions of private individuals that a government finds it advisable to heed [20, p.193-196]. Generally, public opinion signifies the view of the majority, focusing on vital life issues, and can be classified by community, region, citizen group, age, gender, and other parameters [21, p.150-151].

Given the above, it is logical to highlight its capacity to emerge from societal needs and interests and to exert an active and direct influence on the development of socio-political processes [22, p.122]. Public opinion is expressed by public organizations, including political institutions such as parties, the mass media, and others. In this regard, mass media and communications, which represent diverse interests and provide comprehensive coverage of events, play a leading role [23, p/240]. By uniting society around common interests, they endow public opinion with the power of social compulsion.

To grasp the essence of public opinion, it is necessary to study its structure. Philosophers and sociologists identify three core elements within public opinion: (1) social evaluation, (2) emotional, and (3) volitional elements [24, p.122]. Analysis of these elements reveals that public opinion performs expressive, advisory, and decisive functions; according to its content, it serves evaluative, analytical, and constructive functions; and overall, it fulfills regulatory and mobilization functions.

It is noteworthy that the functions of public opinion are not mutually exclusive but are interconnected. For instance, a telephone survey revealed that "citizens believe that under the leadership of the President of Uzbekistan, measures taken to develop Uzbekistan... including education and healthcare, open new opportunities for realizing citizen potential and broadly involving Uzbeks in efforts related to national prosperity and well-being"⁴. This opinion not only evaluates the policy pursued by the Head of State but also mobilizes citizens to support it.

The concept of public opinion emerged during the strengthening of democracy and is based on the view that "government should rule by the consent of the governed" [25]. The expression of public opinion is considered a form of political participation [26, p.427]. This allows NGOs, mass media, and citizens' self-government bodies to justify the correctness of their actions through majority support.

Public administration is a two-way process consisting of direct information flows from public authorities to the governed and feedback loops (reverse information flows) [27, p.98]. The effectiveness of public administration depends on establishing these feedback mechanisms to obtain objective, complete, and useful information [28, p.238-239]. Since public opinion consolidates and expresses majority interests, it constitutes valuable information; thus, studying and accounting for it is a fundamental requirement of effective management and democracy [29, p.149].

While public opinion is considered the basis for political decision-making abroad [30, p.74], national researchers propose understanding it as the "people's approach" or "people's perspective"

---

⁴ *Ўзбекистон фуқаролари “мамлакат Президентининг Олий Мажлисга мурожаатномаси” тўғрисида // <https://ijtimoiyfikir.uz/iadqiqotlar/zhamiyat/ozbekiston-fuqarolari-tamlakat-prezidentining-oliy-majlisga-murojatnomasi-togrisida.htm/>*

[31, 5]. In turn, publishing the results of public opinion research is one of the most powerful ways to shape it. Shaping public opinion in a specific direction is termed political manipulation [32, p.66], which can have direct or indirect objectives.

In the competition for control and influence, elites are known to use their resources to shape public opinion and manipulate the masses [33, p.117]. Because public opinion reacts swiftly to external influences, politicians are often the first to take steps to direct it [34, p/188]. In this context, preventing the misuse of public opinion for populism, nationalism, or skewed agendas is a pressing issue [35, p.15].

Furthermore, while some researchers attempt to argue that poll results do not influence citizen choice, the majority have proven the opposite [36]. Consequently, public opinion polling is being legally regulated; for example, several countries prohibit publishing results long before election day. This blackout period is 14 days in Bulgaria and Ukraine, 8 days in Albania and Hungary, and 5 days in Russia [37, p.7].

Many countries have additional requirements for publishing research results. In Russia, for example, publications of surveys related to elections or referendums must specify the organization that conducted the survey, the timing, the number of respondents, the data collection method, the region, the exact wording of questions, the statistical margin of error, the client who commissioned the survey, and the entity that paid for the publication⁵. Such requirements ensure objectivity and increase the accountability of those publishing the results.

Public opinion, as an independent and socially significant institution, can only manifest where there is transparency (*glasnost*) and a genuine diversity of individual views [38, p.61]. Considering this, regulating the study of public opinion-not only in elections but also in the prevention of corruption and other public affairs-becomes a matter of vital importance [39, p.145].

Conclusions

As a result of the research conducted on public opinion research by civil society institutions in the prevention of corruption in Uzbekistan, the following conclusions were reached:

Since public opinion influences citizen choice and serves as a basis for government decision-making, the legal regulation of its research methods becomes a matter of vital importance. Otherwise, the failure to objectively study public opinion or its falsification creates opportunities to exert undue influence on the activities of state bodies and the behavior of citizens.

In order to regulate public opinion research, it is advisable to adopt Article 13 of the Law of the Republic of Uzbekistan No. ZRU-474, "On Public Oversight," dated April 12, 2018, in the following edition:

"Public opinion research consists of collecting, summarizing, and analyzing information to identify the views of various social groups regarding legislative norms, the rights and legitimate interests of citizens and legal entities, and other public affairs.

Public opinion may be researched by non-governmental non-profit organizations, citizens' self-government bodies, the mass media, and state bodies in accordance with the law. Methodological support for public opinion research shall be provided by the Central Election Commission of the Republic of Uzbekistan.

Along with the results of the research, the organization conducting the survey shall publish the following information necessary to assess their objectivity and accuracy: the name of the organization; the full name of the person who fully or partially financed the survey, as well as the full name of the person who received the survey results; the number and composition of the participants; the date of the survey; the justification for the chosen research method; the full text of the question(s) asked; the sampling method for participants; the justification for the sampling method; the stages of

---

⁵Пункт 2 статьи 46 Закона Российской Федерации от 12 июня 2002 года за № 67-ФЗ "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации" // <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102076507>

the sampling process; the conditions under which the survey was conducted; information on the number of non-respondents for each question; the limits of data processing; and the method used for data processing, if such a method was applied."

To objectively and accurately reflect the process of public opinion research, it is recommended to replace the word "tools" with "methods" in the fifth paragraph of the first part of Article 23 of the Law No. ZRU-682, "On Regulatory Legal Acts," dated April 20, 2021, and to state it in the following edition: "studies and takes into account public opinion through observation, the analysis of documents (mass media, reports, etc.) and practical activities (appeals, proposals of scientists and specialists, public discussions, etc.), and survey methods".

References:

- 1 Li J., Xu X., Yang Y. *Research on the Regulation of Algorithmic Price Discrimination Behaviour of E-Commerce Platform Based on Tripartite Evolutionary Game //Sustainability*. – 2023. – Т. 15. – №. 10. – С. 8294.
- 2 Ghitza Y., Gelman A. *Voter registration databases and MRP: Toward the use of large-scale databases in public opinion research //Political Analysis*. – 2020. – Т. 28. – №. 4. – С. 507-531.
- 3 *Loi n° 77-808 du 19 juillet 1977 relative à la publication et à la diffusion de certains sondages d'opinion Version consolidée au 30 janvier 2017 // <https://www.commission-des-sondages.fr/pdf/Loi77.pdf>*. (date of access: 12.03.2026)
- 4 Ferguson P. A., De Clercy C. *Regulatory compliance in opinion poll reporting during the 2004 Canadian election //Canadian Public Policy/Analyse de Politiques*. – 2005. – С. 243-257.
- 5 Хорижий мамлакатлар конституциявий (давлати) ҳуқуқи: ўқув қўлланма/ Масъул муҳаррир: доцент Д.Қ.Ахмедов. –Т.: ТДЮИ наириёти, 2006. – 231 б.
- 6 *Социология общественного мнения: учебное пособие / сост. Е.П. Селькова*. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2011. – 84 с.
- 7 Herbert F. Weisberg. *The Methodological Strengths and Weaknesses of Survey Research // The SAGE Handbook of Public Opinion Research*. – 2009. – С. 223-231.
- 8 Франц В. А. *Управление общественным мнением: учебное пособие*. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та 2016. – 161 с.
- 9 Smith T. W. *Codes of ethics and standards in survey research //The SAGE Handbook of Public Opinion Research*. – 2009. – С. 459-467.
- 10 *Ўзбекистон социологлари ассоциацияси // <http://asu-sociology.uz/>*(date of access: 12.03.2026)
- 11 *Кодекс по практике маркетинговых и социальных исследований // https://ciom.kz/upload/userfiles/files/codexs_KAPIOR.pdf*. (date of access: 12.03.2026)
- 12 Бокун И.М. и др. *Современные методы изучения общественного мнения. Проектирование и реализация онлайн-исследований: иллюстрированное учебно-методическое пособие*. – Т., РЦИОМ “Ижтимоий фикр”, 2020. – 56 с.
- 13 *Ёшлар ўртасида ўтказилган ижтимоий сўров: респондентларнинг учдан бир қисми пора беришни коррупция деб ҳисобламайди // <https://anticorruption.uz/uzc/item/2020/12/09/yoshlar-ortasida-otkazilgan-izhtimoiy-sorov-respondentlarning-uchdan-bir-qismi-pora-berishni-korrupsiya-deb-hisoblamajdi>*. (date of access: 12.03.2026)
- 14 Donsbach W., Hartung U. *The legal status of public opinion research in the world //The SAGE handbook of public opinion research*. – 2008. – С. 431-440.
- 15 *Loi n° 77-808 du 19 juillet 1977 relative à la publication et à la diffusion de certains sondages d'opinion Version consolidée au 30 janvier 2017 // <https://www.commission-des-sondages.fr/pdf/Loi77.pdf>*. (date of access: 12.03.2026)
- 16 Shawn W. Rosenberg, *Opinion Formation, Theory of, Editor(s): James D. Wright, International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences (Second Edition), Elsevier, 2015, Pages 243-245*.

- 17 Forrest D. Wright. *Researching Developing Countries*, Chandos Publishing, 2016, Pages 129-133.
- 18 Мингбаева Н. Давлат бошқарувида жамоатчилик фикрининг роли: ўтмиш ва ҳозирги кун // *Жамият ва бошқарув*, №2 (88) 2020. – Б. 71.
- 19 Рокотьянская В.В. *Управление общественным мнением в современной России // Проблемы экономики и юридической практики*, №5, 2018. – С. 44.
- 20 Larry M. Bartels, *Attitudes, Political and Public Opinion*, Editor(s): James D. Wright, *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences (Second Edition)*, Elsevier, 2015, Pages 193-196.
- 21 *Основы социологии и политологии: учебное пособие [Электронный ресурс]* / А.Н. Елсуков, А.Н. Данилов. – Минск: РИПО, 2019. – 304 с.
- 22 Little D. *A New Social Ontology of Government*. – Springer International Publishing, 2020. – P. 122.
- 23 Вейт С. М. *Сущность и структура общественного мнения // Вестник ТГУ*, №7, 2009. – С. 240.
- 24 Епархина О. В. *Социология общественного мнения: учебник*. – М.: Академия, 2013. – 239 с.
- 25 Edward P. Freeland, *Public Opinion: Social Attitudes*, Editor(s): James D. Wright, *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences (Second Edition)*, Elsevier, 2015, Pages 562-568.
- 26 *Сравнительная политология: учебное пособие для вузов* / В.В. Желтов. - М.: Академический проект, 2020. – 648 с.
- 27 Райченко А.В. *Эволюция парадигмы управления: монография*. – Москва: РУСАЙНС, 2021. – 202 с.
- 28 Тебекин А.В. *Теория управления: учебник*. – Москва: КНОРУС, 2020. – 624 с.
- 29 Yazdonov U.T. *Jamoatchilik fikri va ijtimoiy hayot*. – Samarqand: «SamDU», 2019. – 149 в.
- 30 *Современная политическая социология: учеб. пособие*. – Изд. 2, перераб. и дополн. / М.Ф. Пузиков, Н.М. Кудро. – Стер. изд. – Алматы: Қазақ университеті, 2020. – 382 с..
- 31 Ergasheva M. *Жамоатчилик фикри ва унинг жамият ижтимоий ҳаётидаги ўрни // Архив Научных Публикаций JSPI*. – 2020. – С. 5.
- 32 *Современная политическая социология: учеб. пособие*. – Изд. 2, перераб. и дополн. / М.Ф. Пузиков, Н.М. Кудро. – Стер. изд. – Алматы: Қазақ университеті, 2020. – 382 с.
- 33 Dobratz, Betty A; Waldner, Lisa K; & Buzzell, Timothy. *Power, Politics, and Society: an Introduction to Political Sociology / 2nd Edition*. – New York: Routledge, 2019. – 117 с.
- 34 Щетинина М.С. *Общественное мнение и управленческие решения // Электронный вестник Ростовского социально-экономического института*. -№4. -2016. – С. 188.
- 35 Janoski, Thomas, et al., eds. *The New Handbook of Political Sociology*. Cambridge University Press, 2020. – P. 15.
- 36 Яковлева М. Г. и др. *Опубликование социологической информации как фактор влияния на электоральное поведение граждан // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. – 2014. – №. 4-2. – С. 209-215.
- 37 Лаптева В. В. *Обнародование результатов исследований общественного мнения как объект правового регулирования // Социологические исследования*. – 1998. – №. 8. – С. 7.
- 38 *Теория государственного управления: учебное пособие* / Сансызбаева Г.Н., Мухтарова К.С., Аширбекова Л.Ж. – Алматы: Қазақ университеті, 2015. – 320 с.
- 39 Йўлдошев А.Э. *Ўзбекистон Республикаси фуқароларининг жамият ва давлат ишларини бошқаришида иштирок этиши истиқболлари: монография*. – Тошкент: ТДЮУ наириёти, 2022. – 161 б.

References:

- 1 Li J., Xu X., Yang Y. *Research on the Regulation of Algorithmic Price Discrimination Behaviour of E-Commerce Platform Based on Tripartite Evolutionary Game* // *Sustainability*. – 2023. – T. 15. – №. 10. – S. 8294.
- 2 Ghitza Y., Gelman A. *Voter registration databases and MRP: Toward the use of large-scale databases in public opinion research* // *Political Analysis*. – 2020. – T. 28. – №. 4. – S. 507-531.
- 3 *Loi n° 77-808 du 19 juillet 1977 relative à la publication et à la diffusion de certains sondages d'opinion Version consolidée au 30 janvier 2017* // <https://www.commission-des-sondages.fr/pdf/Loi77.pdf>. (date of access: 12.03.2026)
- 4 Ferguson P. A., De Clercy C. *Regulatory compliance in opinion poll reporting during the 2004 Canadian election* // *Canadian Public Policy/Analyse de Politiques*. – 2005. – S. 243-257.
- 5 *Horizhij mamlakatlar konstitucijavij (davlati) xukuki: y'qiyv q'yllanma/ Mas'ul muxarrir: docent D.Қ.Аhmedov. –Т.: TDJuI nashrijoti, 2006. – 231 b.*
- 6 *Sociologija obshhestvennogo mnenija: uchebnoe posobie / sost. E.P. Sel'kova. – Blagoveshensk: Amurskij gos. un-t, 2011. – 84 s.*
- 7 Herbert F. Weisberg. *The Methodological Strengths and Weaknesses of Survey Research* // *The SAGE Handbook of Public Opinion Research*. – 2009. – S. 223-231.
- 8 Franc V. A. *Upravlenie obshhestvennym mneniem: uchebnoe posobie. – Ekterinburg: Izd-vo Ural. un-ta 2016. – 161 s.*
- 9 Smith T. W. *Codes of ethics and standards in survey research* // *The SAGE Handbook of Public Opinion Research*. – 2009. – S. 459-467.
- 10 *Ўzbekiston sociologlari asociacijasi* // <http://asu-sociology.uz/>(date of access: 12.03.2026)
- 11 *Kodeks po praktike marketingovyh i social'nyh issledovanij* // https://ciom.kz/upload/userfiles/files/codecs_KAPIOR.pdf. (date of access: 12.03.2026)
- 12 *Bokun I.M. i dr. Sovremennnye metody izuchenija obshhestvennogo mnenija. Proektirovanie i realizacija onlajn-issledovanij: illjustrirovanoe uchebno-metodicheskoe posobie. – T., RCIOM "Izhtimoiy fikr", 2020. – 56 s.*
- 13 *Joshlar yrtasida ytkazilgan izhtimoiy syrov: respondentlarning uchdan bir qismi pora berishni korrupcija deb xisoblamajdi* // <https://anticorruption.uz/uzc/item/2020/12/09/yoshlar-ortasida-otkazilgan-izhtimoiy-sorov-respondentlarning-uchdan-bir-qismi-pora-berishni-korrupsiya-deb-hisoblamajdi>. (date of access: 12.03.2026)
- 14 Donsbach W., Hartung U. *The legal status of public opinion research in the world* // *The SAGE handbook of public opinion research*. – 2008. – S. 431-440.
- 15 *Loi n° 77-808 du 19 juillet 1977 relative à la publication et à la diffusion de certains sondages d'opinion Version consolidée au 30 janvier 2017* // <https://www.commission-des-sondages.fr/pdf/Loi77.pdf>. (date of access: 12.03.2026)
- 16 Shawn W. Rosenberg, *Opinion Formation, Theory of*, Editor(s): James D. Wright, *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences (Second Edition)*, Elsevier, 2015, Pages 243-245.
- 17 Forrest D. Wright. *Researching Developing Countries*, Chandos Publishing, 2016, Pages 129-133.
- 18 Mingbaeva N. *Davlat boshqaruvida zhamoatchilik fikrining roli: ytmish va hozirgi kun* // *Zhamijat va boshqaruv*, №2 (88) 2020. – B. 71.
- 19 Rokoťjanskaja V.V. *Upravlenie obshhestvennym mneniem v sovremennoj Rossii* // *Problemy jekonomiki i juridicheskoy praktiki*, №5, 2018. – S. 44.
- 20 Larry M. Bartels, *Attitudes, Political and Public Opinion*, Editor(s): James D. Wright, *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences (Second Edition)*, Elsevier, 2015, Pages 193-196.

21 *Osnovy sociologii i politologii: uchebnoe posobie [Jelektronnyj resurs] / A.N. Elsukov, A.N. Danilov. – Minsk: RIPO, 2019. – 304 s.*

22 *Little D. A New Social Ontology of Government. – Springer International Publishing, 2020. – R. 122.*

23 *Vejt S. M. Sushhnost' i struktura obshhestvennogo mnenija // Vestnik TGU, №7, 2009. – S. 240.*

24 *Eparhina O. V. Sociologija obshhestvennogo mnenija: uchebnik. – M.: Akademija, 2013. – 239 s.*

25 *Edward P. Freeland, Public Opinion: Social Attitudes, Editor(s): James D. Wright, International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences (Second Edition), Elsevier, 2015, Pages 562-568.*

26 *Sravnitel'naja politologija: uchebnoe posobie dlja vuzov / V.V. Zheltov. - M.: Akademicheskij proekt, 2020. – 648 s.*

27 *Rajchenko A.V. Jevoljucija paradigmy upravlenija: monografija. – Moskva: RUSAJNS, 2021. – 202 s.*

28 *Tebekin A.V. Teorija upravlenija: uchebnik. – Moskva: KNORUS, 2020. – 624 s.*

29 *Yazdonov U.T. Jamoatchilik fikri va ijtimoiy hayot. – Samarqand: «SamDU», 2019. – 149 v.*

30 *Sovremennaja politicheskaja sociologija: ucheb. posobie. – Izd. 2, pererab. i dopoln. / M.F. Puzikov, N.M. Kudro. – Ster. izd. – Almaty: Kazaq universiteti, 2020. – 382 s..*

31 *Ergasheva M. Zhamoatchilik fikri va uning zhamijat izhtimoiy xajotidagi y'rni // Arhiv Nauchnyh Publikacij JSPI. – 2020. – S. 5.*

32 *Sovremennaja politicheskaja sociologija: ucheb. posobie. – Izd. 2, pererab. i dopoln. / M.F. Puzikov, N.M. Kudro. – Ster. izd. – Almaty: Kazaq universiteti, 2020. – 382 s.*

33 *Dobratz, Betty A; Waldner, Lisa K; & Buzzell, Timothy. Power, Politics, and Society: an Introduction to Political Sociology / 2nd Edition. – New York: Routledge, 2019. – 117 s.*

34 *Shhetinina M.S. Obshhestvennoe mnenie i upravlencheskie reshenija // Jelektronnyj vestnik Rostovskogo social'no-jekonomicheskogo instituta. -№4. -2016. – S. 188.*

35 *Janoski, Thomas, et al., eds. The New Handbook of Political Sociology. Cambridge University Press, 2020. – P. 15.*

36 *Jakovleva M. G. i dr. Opublikovanie sociologicheskoy informacii kak faktor vlijanija na jelektoral'noe povedenie grazhdan //Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. – 2014. – №. 4-2. – S. 209-215.*

37 *Lapteva V. V. Obnarodovanie rezul'tatov issledovanij obshhestvennogo mnenija kak ob#ekt pravovogo regulirovanija //Sociologicheskie issledovanija. – 1998. – №. 8. – S. 7.*

38 *Teorija gosudarstvennogo upravlenija: uchebnoe posobie / Sansyzbaeva G.N., Muhtarova K.S., Ashirbekova L.Zh. – Alm-ty: Kazaq universiteti, 2015. – 320 s.*

39 *Jyldoshev A.Je. Y'zbekiston Respublikasi fuqarolarining zhamijat va davlat ishlarini boshqarishda ishtirok jetish istiqbollari: monografija. – Toshkent: TDJuU nashrijoti, 2022. – 161 b.*

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС
CONSTITUTIONAL LAW. ADMINISTRATIVE LAW AND PROCESS

IRSTI 10.15.91
UDC 342.7:004.9

<https://doi.org/10.51889/2959-6181.2026.84.2.003>

A.B.Alain¹ , A.R.Bizhanova^{1*}

¹ Abai Kazakh National Pedagogical University
(e-mail: aknur.allen@mail.ru, *Aike_74@mail.ru)

LEGAL ASPECTS OF COUNTERING INFORMATION MANIPULATION
IN THE DIGITAL MEDIA SPACE

Abstract

This article examines the specifics of the information dissemination process in Annotation. The article discusses the features of the process of information dissemination in the digital media space, the impact of information manipulation on public consciousness, information security and public relations. The rapid development of social networks and internet platforms not only increases the speed of information dissemination, but also creates conditions for the widespread spread of misinformation, disinformation and manipulative content. In this regard, the issues of ensuring information security and protecting the information rights of citizens are becoming particularly relevant.

In the course of the study, the main types of information manipulations and their impact on the formation of public opinion were analyzed, and the mechanisms of legal regulation in the field of information security in the Republic of Kazakhstan were considered. In particular, the analysis of certain provisions of the laws «on Informatization», «on mass media», «on access to information» was carried out. Foreign legal experience was also studied, including the features of the European Union Digital Services Act and the German NetzDG legislation.

As a result of the study, the need to clarify the responsibility of digital platforms, improve mechanisms for detecting false information, develop media literacy and legal culture, as well as strengthen interaction between the state and digital platforms was substantiated.

Key words: information security, digital media space, Legal Regulation, disinformation, misinformation, internet platforms, digital Law, Information Rights.

А.Б. Әлен¹, А.Р. Бижанова¹

¹ Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті
Алматы, Қазақстан

САНДЫҚ МЕДИА КЕҢІСТІГІНДЕ АҚПАРАТТЫҚ МАНИПУЛЯЦИЯҒА ҚАРСЫ
ТҰРУДЫҢ ҚҰҚЫҚТЫҚ АСПЕКТІЛЕРІ

Аңдатпа

Мақалада цифрлық медиа кеңістіктегі ақпарат тарату үдерісінің ерекшеліктері, ақпараттық манипуляциялардың қоғамдық санаға, ақпараттық қауіпсіздікке және қоғамдық қатынастарға әсері қарастырылады. Әлеуметтік желілер мен интернет-платформалардың қарқынды дамуы ақпараттың таралу жылдамдығын арттырып қана қоймай, жалған ақпараттың, дезинформацияның және манипуляциялық контенттің кең таралуына жағдай жасауда. Осыған байланысты

ақпараттық қауіпсіздікті қамтамасыз ету және азаматтардың ақпараттық құқықтарын қорғау мәселелері ерекше өзектілікке ие болып отыр.

Зерттеу барысында ақпараттық манипуляциялардың негізгі түрлері мен олардың қоғамдық пікірді қалыптастыруға ықпалы талданып, Қазақстан Республикасындағы ақпараттық қауіпсіздік саласындағы құқықтық реттеу тетіктері қарастырылды. Атап айтқанда, «Ақпараттандыру туралы», «Бұқаралық ақпарат құралдары туралы», «Ақпаратқа қол жеткізу туралы» заңдардың жекелеген ережелеріне талдау жасалды. Сонымен қатар шетелдік құқықтық тәжірибе, оның ішінде Еуропалық Одақтың Digital Services Act актісі мен Германияның NetzDG заңнамасының ерекшеліктері зерттелді.

Зерттеу нәтижесінде цифрлық платформалардың жауапкершілігін нақтылау, жалған ақпаратты анықтау тетіктерін жетілдіру, медиасауаттылық пен құқықтық мәдениетті дамыту, сондай-ақ мемлекет пен цифрлық платформалар арасындағы өзара іс-қимылды күшейту қажеттілігі негізделді.

Түйін сөздер: ақпараттық қауіпсіздік, цифрлық медиа кеңістік, құқықтық реттеу, дезинформация, жалған ақпарат, интернет-платформалар, цифрлық құқық, ақпараттық құқықтар.

А.Б. Ален¹, А.Р. Бижанова¹

¹Казахский национальный педагогический университет им. Абая

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИНФОРМАЦИОННЫМ МАНИПУЛЯЦИЯМ В ЦИФРОВОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация

В статье рассматриваются особенности процесса распространения информации в цифровом медиа пространстве, влияние информационных манипуляций на общественное сознание, информационную безопасность и общественные отношения. Стремительное развитие социальных сетей и интернет-платформ не только увеличивает скорость распространения информации, но и создает условия для широкого распространения дезинформации, дезинформации и манипулятивного контента. В этой связи особую актуальность приобретают вопросы обеспечения информационной безопасности и защиты информационных прав граждан.

В ходе исследования были проанализированы основные виды информационных манипуляций и их влияние на формирование общественного мнения, рассмотрены механизмы правового регулирования в сфере информационной безопасности в Республике Казахстан. В частности, проведен анализ отдельных положений законов «Об информатизации», «о средствах массовой информации», «о доступе к информации». Также были изучены зарубежные правовые практики, в том числе особенности закона Европейского Союза Digital Services Act и немецкого законодательства NetzDG.

В результате исследования обоснована необходимость уточнения ответственности цифровых платформ, совершенствования механизмов выявления дезинформации, развития медиаграмотности и правовой культуры, а также усиления взаимодействия между государством и цифровыми платформами.

Ключевые слова: информационная безопасность, цифровое медиа пространство, правовое регулирование, дезинформация, дезинформация, интернет-платформы, цифровое право, информационные права.

Introduction

At the present stage, information has become an integral part of social life. The rapid development of information technologies and the widespread expansion of the Internet have fundamentally changed the ways people obtain, process, and disseminate information. In particular,

the emergence of social networks has strengthened the influence of the media space and accelerated the process of information exchange more than ever before. Platforms such as Instagram, TikTok, Telegram, Facebook, and YouTube have become not only means of communication, but also important informational environments shaping public opinion.

One of the main features of the media space is the ability to disseminate information to a large audience within a very short period of time. Although this creates numerous convenient opportunities for society, it has also led to the emergence of several complex issues. Among them are informational manipulation, the spread of false information, and psychological influence on audience consciousness. In some cases, even when information is accurate, the manner of its presentation may be designed to influence people's emotions and shape a particular opinion. Informational manipulation has become one of the most pressing issues in modern society. In particular, the rapid spread of unverified information on social networks contributes to public anxiety, distrust, and the formation of distorted perceptions. Such phenomena directly affect the worldview of young people, public consciousness, and individuals' decision-making processes. Therefore, the study of information dissemination mechanisms and manipulation techniques in the media space is of particular importance today.

The relevance of the research topic is directly related to issues of information security in the digital society. The excessive increase in the flow of information may lead people to accept any data without critical analysis. In this regard, the development of media literacy, verification of information authenticity, and resistance to false information have become one of the key directions.

The issue of information manipulation is currently being widely studied in legal science. Foreign and domestic legal scholars analyze the impact of disinformation on information security, citizens' right to access information, and social stability. However, the development of digital platforms has complicated methods of spreading false information and has raised new questions regarding the effectiveness of existing legal regulatory mechanisms.

In this regard, the main scientific problem of the study is to assess the effectiveness of legal mechanisms for countering information manipulation in the digital media space and to identify ways to improve them.

The aim of the study is to identify the legal risks of information manipulation, analyze the current legislation of the Republic of Kazakhstan, and develop proposals for improving legal regulation in the field of information security.

Materials and Methods

The study is based on the analysis of scientific articles, regulatory legal acts, media materials, and internet resources dedicated to issues of information influence and media communication. Methods of publication analysis in the media space, comparative research, generalization, and content analysis were applied. In addition, cases of the spread of false information and manipulative technologies in social networks and digital media were examined.

The normative legal framework of the study consists of the Constitution of the Republic of Kazakhstan, the Laws of the Republic of Kazakhstan «On Informatization», «On Mass Media», and «On Access to Information», as well as state programs and strategic documents in the field of information security.

The research employed formal-legal, comparative-legal, systemic-structural, and legal modeling methods. The formal-legal method made it possible to analyze the norms of national legislation, while the comparative-legal method was used to study the legal experience of the European Union, Germany, and other countries in the field of information security. In addition, an analysis was conducted of the legal regulation of internet platform activities.

Results and discussions

In the modern digital society, the media space has become the primary environment where information is produced, disseminated, and consumed. It includes not only traditional mass media but also internet platforms and social networks. The development of internet technologies has

fundamentally transformed the system of information distribution. Today, people most often receive news and information about social events through platforms such as Instagram, TikTok, Telegram, YouTube, and Facebook.

One of the main characteristics of the media space is the extremely high speed of information dissemination. Any material published on the Internet can reach millions of people within minutes. In particular, on social networks, information spreads rapidly through users' sharing activities. In such conditions, the authenticity of information is not always verified. As a result, unverified or distorted information can also reach a wide audience.

Another important characteristic of the digital environment is that any individual can become a source of information dissemination. In the past, information passed through editorial filtering, whereas today, publishing content on social networks does not require special professional training or oversight. Although this has facilitated the exchange of information, it has also created conditions for the spread of false information. In particular, short and emotionally charged content tends to spread rapidly among audiences.

In the modern media space, bloggers, online pages, and Telegram channels have a significant influence on the formation of public opinion. In some cases, audiences tend to receive information from only one source and ignore alternative viewpoints. This may lead to a weakening of critical thinking skills in society. Furthermore, the growing amount of short-form videos and visual content has strengthened the tendency to consume information quickly rather than analyze it in depth.

At the same time, the media space also has a positive impact on society. The accessibility of information enables people to gain knowledge, stay informed about important news, and raise social issues. Through social networks, citizens can freely express their opinions and organize public initiatives. Therefore, the role of the media space in society is complex and multifaceted.

Informational manipulation is the process of deliberately altering and presenting information in a certain way in order to influence people's consciousness, opinions, or behavior. This phenomenon is widespread in the modern media space. In particular, algorithms in social networks contribute to the rapid dissemination of emotionally charged content.

At the present time, people consume information very quickly. Most individuals tend to pay more attention to short videos or visual materials rather than long texts. Such a situation has led to an increase in content that influences emotional reactions rather than deep thinking. In particular, materials that evoke feelings of fear, anger, or surprise spread rapidly among audiences.

Informational manipulation has a direct impact on the formation of public opinion. When a particular topic is frequently discussed on social networks, people tend to perceive it as an important issue. In some cases, emotionally charged content has a stronger influence on society than factual data. As a result, false perceptions or unfounded fears may emerge [1].

Such situations became especially evident during the pandemic period. The spread of unverified medical advice and false information on social networks caused panic among people. This demonstrated that informational manipulation can have a tangible impact on society.

Young people are considered one of the groups that are particularly vulnerable to informational manipulation. This is because most of them spend a significant amount of time in the online space and primarily consume information through social networks. In some cases, bloggers and popular online pages appear more authoritative to young audiences than official sources of information. This creates a new form of informational dependency.

Some bloggers exaggerate or present information in a sensational manner in order to attract audience attention. Emotion-driven videos and controversial opinions often increase view counts. However, not all such content is necessarily useful or truthful.

Another dangerous aspect of informational manipulation is the weakening of critical thinking skills among individuals. When people continuously accept information in a ready-made form, they tend to pay less attention to comparing and analyzing data. This may lead to increased opinion polarization in society and a rise in misunderstandings.

In the modern information society, media literacy has become one of the key competencies. Media literacy is a set of skills that enables individuals to find, analyze, compare, and evaluate information. This concept is not only a technical skill but is also closely connected to cognitive and analytical thinking systems. One of the leading Finnish scholars in the field of media literacy is Dr. Sirpa Purtilo-Nieminen from the University of Lapland. She has conducted significant research on media literacy in the context of lifelong learning, particularly focusing on educating adults and elderly people [1]. Media literacy is not merely a technical ability but an important competence based on critical thinking and analytical perception.

In Finland, media literacy has been introduced into the school curriculum from an early age and is supported by a comprehensive state policy. This country is considered one of the most resilient European states against false information [2].

The Canadian scholar Marshall McLuhan, through his concept «the medium is the message,» emphasized that not only the content of information but also the form in which it is delivered is important [3]. In the era of modern social networks, this idea has become particularly relevant. Information is now most often distributed in short, visual, and emotionally driven formats.

The American researcher Noam Chomsky, while studying the role of mass media in shaping public opinion, emphasized that information filtering mechanisms influence public consciousness [4]. According to him, the media can become a tool for forming a certain ideology.

One of the main objectives of media literacy is to verify the authenticity of information. In the current digital environment, deepfake technologies, as well as texts and video materials generated by artificial intelligence, are creating new forms of false information. Therefore, it is essential to compare multiple sources and identify the origin of information.

According to the principle of «falsifiability» proposed by the British philosopher Karl Popper, any information should be open to doubt [5]. This principle is considered one of the important methods for evaluating information in the modern media space.

UNESCO considers media literacy as one of the essential skills of the 21st century and emphasizes the importance of integrating it into the education system [6]. This is because individuals who are able to critically evaluate information are less susceptible to manipulative influence.

Informational manipulation is closely related to human psychological characteristics. In cognitive psychology, human thinking is explained through two systems: the first is fast and emotion-based perception, while the second is slow and relies on logical analysis. In most cases, people tend to rely more on the first system because it requires less time and effort.

The human psyche tends to pay special attention to threats or negative information. This evolutionary characteristic contributes to the rapid spread of false information in the modern digital environment, as emotional and negative content attracts more audience attention.

Likes, comments, and view counts on social networks influence individuals' emotional reactions. Such mechanisms can increase dependence on social media and encourage superficial consumption of information.

In the modern information environment, individuals deal with a large volume of data. Therefore, the human brain tends to prioritize information that is quick and easy to process. As a result, some materials are only perceived at the headline level without being analyzed in depth.

All of these factors increase the effectiveness of informational manipulation, as it is often directed not at a person's logical reasoning but at their emotional responses.

One of the key characteristics of the modern media environment is the widespread use of algorithms that automatically regulate information flows. Social media platforms and search engines analyze users' interests and behavioral patterns to provide content tailored to their preferences. Although such systems facilitate access to information, they also create certain risks.

American legal scholar and researcher Eli Pariser introduced the concept of the «filter bubble,» arguing that algorithms can limit individuals to information that aligns primarily with their existing beliefs and viewpoints [7]. In such circumstances, users are less likely to encounter alternative perspectives and may lose the ability to evaluate their own positions objectively. According to Pariser,

personalized information systems on the Internet gradually narrow an individual's information environment, confining them within a specific range of views and ideas. As a result, people are exposed not to the full spectrum of available information, but only to the portion selected and prioritized by algorithms.

Filter bubbles also contribute to increasing social polarization. Rather than seeking to understand opposing viewpoints, individuals often focus on reinforcing their existing beliefs. As a result, reaching consensus on social and political issues becomes increasingly difficult. Scholars refer to this phenomenon as an «echo chamber.» Within such environments, individuals are repeatedly exposed to opinions similar to their own and gradually begin to perceive them as absolute truths [8]. Although filter bubbles and echo chambers are closely related concepts, they are not identical. A filter bubble emerges primarily as a result of algorithmic personalization, whereas an echo chamber develops when individuals interact predominantly within communities that share similar views and perspectives.

Algorithms used by social media platforms are primarily designed to maximize user engagement and retain users' attention for extended periods. Consequently, they tend to promote content that elicits strong emotional responses. Research indicates that content provoking emotions such as anger, fear, or surprise receives significantly more views and shares than neutral information [9]. This environment creates favorable conditions for the rapid dissemination of false, misleading, or distorted information.

The commercial nature of information platforms also plays a significant role in this process. Since the revenue of many social media platforms depends on user engagement, algorithms are designed to keep users' attention for as long as possible. As a result, controversial, sensational, or emotionally charged content is often prioritized because it is more likely to attract audience interest. Such content is frequently valued not for its informational significance, but for its ability to generate reactions and engagement. Consequently, within the information environment, short and emotionally driven posts tend to spread more widely than high-quality analytical materials.

According to researchers, algorithmic systems also exploit certain cognitive characteristics of human behavior. Individuals tend to place greater trust in information that confirms their pre-existing beliefs and opinions. In psychology, this phenomenon is known as confirmation bias. Under such circumstances, users are more likely to ignore or question information that contradicts their views. Algorithms detect these behavioral patterns and subsequently recommend similar content more frequently. As a result, the user's information environment becomes increasingly narrow, reducing exposure to alternative perspectives. Another consequence of algorithmic selection is the transformation of the public agenda. In the past, information priorities were largely determined by professional journalists and editorial teams. Today, however, part of this responsibility has shifted to automated systems. On social media platforms, the popularity of a topic often depends on algorithmic decisions. This may lead to situations in which issues of significant public importance receive limited attention, while emotionally engaging or entertainment-oriented content gains greater visibility and prominence.

The growing popularity of short-form video platforms such as TikTok, Instagram Reels, and YouTube Shorts has also influenced the ways in which information is perceived and processed. Although short videos are highly effective at capturing users' attention, they do not always provide sufficient space for a comprehensive explanation of complex issues. As a result, audiences often receive only fragmented pieces of information rather than the full context of an event or topic. This may contribute to a superficial understanding of information and lead individuals to draw oversimplified conclusions.

The formation of filter bubbles is also particularly evident in the field of political communication. During election campaigns, citizens are more likely to encounter information that aligns with their own political preferences. As a result, society becomes divided into different informational camps, and the quality of political debate declines. Some studies suggest that such conditions may contribute to a weakening of trust in democratic institutions. This occurs because individuals become less

capable of understanding the arguments of those with opposing views and may fail to perceive ideological diversity as a normal and necessary aspect of society.

Filter bubbles are particularly evident among young people. The younger generation obtains most of its information from social media and rarely uses traditional mass media sources. Consequently, their informational agenda is largely shaped by algorithms. When a user shows interest in a specific topic, the platform continuously recommends similar content related to that subject. Over time, this may influence an individual's worldview, values, and social attitudes.

In recent years, the rapid development of artificial intelligence technologies has further strengthened the influence of algorithms. Modern systems are capable of analyzing not only what content a user views, but also how long it is viewed, what emotional reactions it triggers, and which types of content the user interacts with most frequently. Based on this data, a detailed digital profile of the individual is formed, enabling the system to recommend information that is most likely to be of interest to them. Although this approach increases the efficiency of information services, it also raises new concerns regarding individuals' informational autonomy and critical thinking abilities.

Therefore, understanding the influence of algorithms in the contemporary media environment has become an essential component of media literacy. Users need to recognize that the information presented on social media platforms and search engines is not neutral and is filtered through specific algorithmic mechanisms. To reduce the effects of filter bubbles, it is important to use diverse sources of information, engage with alternative viewpoints, and critically evaluate content. This enhances citizens' ability to resist informational manipulation and contributes to the development of a more conscious and informed information culture within society.

In recent years, the rapid development of artificial intelligence technologies has led to the emergence of new forms of information manipulation. Generative artificial intelligence enables the automatic creation of text, images, audio, and video materials. Although these technologies have produced positive outcomes in fields such as education, science, and creativity, the risk of their misuse for malicious purposes is also increasing.

Deepfake technologies require particular attention. Deepfake refers to a technology that uses artificial intelligence to realistically alter a person's appearance or voice. Such materials can make it appear as though an individual has said words they never actually said or performed actions they never carried out. According to Westerlund, deepfake technologies pose a serious threat to public trust and contribute to the emergence of a new generation of misinformation [10].

Text automatically generated through artificial intelligence can also become a tool of information manipulation. Bots and automated accounts are capable of massively disseminating specific information, creating a false impression of its popularity within society. This phenomenon is known as «astroturfing.» In other words, a particular idea or viewpoint may appear to have broad public support, while in reality it is being promoted by artificially organized networks [11].

In addition, artificial intelligence has increased the capacity for targeted informational influence by analyzing individual users' behavior. Microtargeting technologies enable the delivery of personalized content based on a person's interests, age, occupation, or social characteristics. Although these technologies are highly effective in marketing, they may pose a significant risk to society if used for political or ideological manipulation.

Information manipulation affects not only individuals but also the overall security of society. The widespread dissemination of false information can lead to a decline in public trust in state institutions. If citizens lose confidence in official sources of information, social stability and cohesion may be significantly weakened. At the present stage, information security is regarded as an essential component of national security. A number of states have adopted special strategies to combat misinformation and are implementing media literacy programs. In the European Union's digital policy documents, disinformation is recognized as a factor that poses a threat to the stability of democratic institutions [12].

Information manipulation becomes particularly evident during periods of crisis. Natural disasters, epidemics, or social tensions can trigger widespread panic among the population when false

information spreads. In such situations, the prompt and transparent dissemination of information by official authorities plays a crucial role. According to researchers, when an information vacuum emerges, it is often filled by rumors and unverified data [13].

In the context of Kazakhstan, the development of media literacy and the strengthening of information security remain highly relevant issues. Although the widespread use of the Internet and social media has increased citizens' access to information, it has also intensified the spread of misinformation and manipulative influence. Therefore, the integration of media literacy components into the education system, the formation of fact-checking culture, and the development of critical thinking are considered essential tasks of contemporary society.

Legal Regulation of Information Security in the Republic of Kazakhstan

Issues of ensuring information security in the Republic of Kazakhstan are regulated by several normative legal acts. The Law «On Informatization» provides for the regulation of ensuring the security of information systems, the protection of information infrastructure, and legal relations in the digital space. This law is one of the key legal instruments aimed at ensuring the stable functioning of information resources.

The Law «On Mass Media» establishes rights and obligations in the field of information dissemination and enshrines the principle of responsibility for the accuracy of information. In addition, the Law «On Access to Information» is aimed at ensuring citizens' right to access information, as well as increasing the transparency of public authorities.

Information security, as a component of national security, is also reflected in state strategic documents. These documents define tasks aimed at countering disinformation, strengthening cybersecurity, and improving citizens' information culture.

However, the cross-border nature of digital platforms and the development of artificial intelligence technologies highlight the need to improve existing legal regulatory mechanisms.

Legal Liability for the Dissemination of False Information. The spread of false information in the digital environment may harm public order and the rights and legitimate interests of citizens. In this regard, the legislation of the Republic of Kazakhstan provides for legal liability for the dissemination of knowingly false information.

In addition, in law enforcement practice, proving the fact of dissemination of false information presents certain difficulties. Anonymous accounts on the Internet, the use of foreign platforms, and the rapid spread of information complicate the work of law enforcement agencies.

In this regard, it is relevant to improve procedures for collecting and securing evidence, develop cooperation mechanisms with digital platforms, and clarify the legal status of digital evidence.

Foreign Legal Practice. In recent years, many states have taken a number of measures to improve legal mechanisms for combating disinformation.

The European Union's Digital Services Act (DSA) imposes additional obligations on large digital platforms to assess and mitigate the risks of the dissemination of illegal and harmful content. The Act is aimed at increasing platform transparency and protecting users' rights.

Germany's Network Enforcement Act (NetzDG) imposes an obligation on social networks to remove illegal content within a short period of time. This law is considered one of the first examples of strengthening the responsibility of digital platforms.

The practices of France and Singapore are also aimed at strengthening legal measures against the spread of false information. In these countries, cooperation between public authorities and internet platforms plays an important role.

The analysis of foreign experience may be useful for clarifying the responsibility of digital platforms and improving information security mechanisms in the Republic of Kazakhstan.

Conclusion

In the modern digital society, the media space has become an important tool for shaping public opinion. Although the rapid spread of information has provided people with new opportunities, it has also created conditions for the growth of false information and manipulative influence. In particular,

the widespread use of social networks has complicated the issue of evaluating the authenticity of information.

Informational manipulation is carried out through emotional influence, biased presentation of information, and the dissemination of sensational content. Such phenomena have a direct impact on public consciousness, human psychology, and the worldview of young people.

In the context of Kazakhstan as well, the role of digital platforms is increasing. Telegram channels, bloggers, and short-form content have become important elements in shaping public opinion. In this situation, the development of media literacy and the critical evaluation of information are of particular importance.

Although it is impossible to completely eliminate informational manipulation, an effective way to reduce its impact is the development of an information culture within society. Only a society that is capable not only of receiving information but also of analyzing it can withstand the challenges of the digital era.

Based on the results of the study, the following recommendations are formulated:

1. Clarify the legal liability of digital platforms for the dissemination of false and manipulative content;
2. Provide legal and organizational support for fact-checking and information verification institutions;
3. Improve legal mechanisms for identifying and proving cases of knowingly false information dissemination in the digital environment;
4. Expand the teaching of media literacy and the fundamentals of information law within the education system;
5. Strengthen cooperation among public authorities, the academic community, and digital platforms on information security issues.

The implementation of these measures will help reduce the negative impact of information manipulation, protect citizens' information rights, and strengthen information security in the Republic of Kazakhstan.

Authors' Contributions

Alain A.B. conducted research on the theoretical and legal aspects of countering information manipulation in the digital media space, including the analysis of information security issues, media literacy, algorithmic influence, and international approaches to combating disinformation.

Bizhanova A.R. developed the concept and structure of the study, formulated the conclusions and recommendations, and carried out the scientific editing of the article.

References:

- 1 *Vuojärvi H., Purtilo-Nieminen S., Rivinen S. Conceptions of Adult Education Teachers-in-Training Regarding the Media Literacy Education of Older People: A Phenomenographic Study to Inform a Course Design // Journal of Media Literacy Education Pre-Prints. URL: <https://digitalcommons.uri.edu/jmle-preprints/6/> (қаралған күні: 11.06.2026).*
- 2 *Salomaa S., Palsa L. Media Literacy in Finland: National Media Education Policy. URL: <https://medialukutaitosuomessa.fi/mediaeducationpolicy.pdf> (қаралған күні: 11.06.2026).*
- 3 *McLuhan M. Understanding Media: The Extensions of Man. – New York: McGraw-Hill, 1964. – 359 p.*
- 4 *Chomsky N., Herman E. Manufacturing Consent: The Political Economy of the Mass Media. – New York: Pantheon Books, 1988. – 413 p.*
- 5 *Popper K. The Logic of Scientific Discovery. – London: Hutchinson & Co., 1959. – 513 p.*
- 6 *Wilson C., Grizzle A., Tuazon R., Akyempong K., Cheung C.-K. Media and Information Literacy Curriculum for Teachers. – Paris: UNESCO Publishing, 2011. – 192 p.*
- 7 *Pariser E. The Filter Bubble: What the Internet Is Hiding from You. – New York: Penguin Press, 2011. – 294 p.*

8 Sunstein C.R. #Republic: Divided Democracy in the Age of Social Media. – Princeton: Princeton University Press, 2017. – 328 p.

9 Brady W.J., Wills J.A., Jost J.T., Tucker J.A., Van Bavel J.J. Emotion shapes the diffusion of moralized content in social networks // Proceedings of the National Academy of Sciences. – 2017. – Vol. 114. – No. 28. – P. 7313–7318.

10 Westerlund M. The Emergence of Deepfake Technology: A Review // Technology Innovation Management Review. – 2019. – Vol. 9. – No. 11. – P. 39–52.

11 Woolley S.C., Howard P.N. (Eds.). Computational Propaganda: Political Parties, Politicians, and Political Manipulation on Social Media. – Oxford: Oxford University Press, 2018. – 286 p.

12 European Commission. Tackling Online Disinformation: A European Approach. – Brussels: European Commission, 2018. – 15 p.

13 Allport G.W., Postman L. The Psychology of Rumor. – New York: Henry Holt and Company, 1947. – 247 p.

References:

1 Vuojärvi H., Purtilo-Nieminen S., Rivinen S. Conceptions of Adult Education Teachers-in-Training Regarding the Media Literacy Education of Older People: A Phenomenographic Study to Inform a Course Design. Journal of Media Literacy Education Pre-Prints. Available at: <https://digitalcommons.uri.edu/jmle-preprints/6/> (accessed 11.06.2026).

2 Salomaa S., Palsa L. Media Literacy in Finland: National Media Education Policy. Available at: <https://medialukutaitosuomessa.fi/mediaeducationpolicy.pdf> (accessed 11.06.2026).

3 McLuhan M. Understanding Media: The Extensions of Man. New York: McGraw-Hill, 1964. 359 p.

4 Chomsky N., Herman E. Manufacturing Consent: The Political Economy of the Mass Media. New York: Pantheon Books, 1988. 413 p.

5 Popper K. The Logic of Scientific Discovery. London: Hutchinson & Co., 1959. 513 p.

6 Wilson C., Grizzle A., Tuazon R., Akyempong K., Cheung C.-K. Media and Information Literacy Curriculum for Teachers. Paris: UNESCO Publishing, 2011. 192 p.

7 Pariser E. The Filter Bubble: What the Internet Is Hiding from You. New York: Penguin Press, 2011. 294 p.

8 Sunstein C.R. #Republic: Divided Democracy in the Age of Social Media. Princeton: Princeton University Press, 2017. 328 p.

9 Brady W.J., Wills J.A., Jost J.T., Tucker J.A., Van Bavel J.J. Emotion shapes the diffusion of moralized content in social networks. Proceedings of the National Academy of Sciences. 2017;114(28):7313–7318.

10 Westerlund M. The Emergence of Deepfake Technology: A Review. Technology Innovation Management Review. 2019;9(11):39–52.

11 Woolley S.C., Howard P.N. (Eds.). Computational Propaganda: Political Parties, Politicians, and Political Manipulation on Social Media. Oxford: Oxford University Press, 2018. 286 p.

12 European Commission. Tackling Online Disinformation: A European Approach. Brussels: European Commission, 2018. 15 p.

13 Allport G.W., Postman L. The Psychology of Rumor. New York: Henry Holt and Company, 1947. 247 p.

С.Мұрат^{1*}

¹ *Казахский национальный медицинский университет имени С.Д. Асфендиярова
(e-mail: *ms147@mail.ru)*

ПАРЛАМЕНТСКОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ КАК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ МЕХАНИЗМ КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ: СРАВНИТЕЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ЭФФЕКТИВНОСТИ И ПРЕДЕЛЫ ПАРЛАМЕНТСКОЙ АВТОНОМИИ

Аннотация

Статья посвящена исследованию парламентского расследования как институционального механизма конституционного контроля в системе разделения государственной власти. В условиях развития современных конституционных государств возрастает значение эффективных форм парламентского контроля, направленных на обеспечение подотчётности исполнительной власти и соблюдение принципов законности и конституционного правления. Особое место среди таких механизмов занимает парламентское расследование, представляющее собой специальную парламентскую процедуру, позволяющую осуществлять институциональную проверку деятельности государственных органов и должностных лиц по вопросам, имеющим общественное и государственное значение.

В работе рассматриваются теоретико-правовые основы парламентского расследования, его место в системе конституционного контроля и роль в обеспечении функционирования механизма сдержек и противовесов. На основе сравнительно-правового анализа выделяются основные институциональные признаки парламентского расследования и факторы, определяющие его эффективность в различных конституционных системах. Предлагается институциональная модель оценки эффективности парламентских расследований, включающая такие критерии, как нормативная определённость процедур расследования, институциональная автономия парламента, объём полномочий парламентских комиссий и публичный характер расследовательских процедур.

Ключевые слова: парламентское расследование; парламентский контроль; конституционный контроль; разделение власти; парламент; подотчётность государственной власти; институциональные механизмы контроля.

С. Мұрат¹

¹ *С.Д.Асфендияров атындағы Қазақ ұлттық медицина университеті*

ПАРЛАМЕНТТІК ТЕРГЕУ КОНСТИТУЦИЯЛЫҚ БАҚЫЛАУДЫҢ ИНСТИТУЦИОНАЛДЫҚ МЕХАНИЗМІ РЕТІНДЕ: ТИІМДІЛІКТІҢ САЛЫСТЫРМАЛЫ МОДЕЛІ ЖӘНЕ ПАРЛАМЕНТТІК АВТОНОМИЯНЫҢ ШЕГІ

Аңдатпа

Мақала парламенттік тергеуді мемлекеттік билікті бөлу жүйесіндегі конституциялық бақылаудың институционалдық механизмі ретінде зерттеуге арналған. Қазіргі конституциялық мемлекеттердің дамуы жағдайында атқарушы биліктің есептілігін қамтамасыз етуге және заңдылық пен конституциялық басқару қағидаттарын сақтауға бағытталған парламенттік бақылаудың тиімді нысандарының маңызы артып келеді. Мұндай тетіктердің ішінде қоғамдық және мемлекеттік маңызы бар мәселелер бойынша мемлекеттік органдар мен лауазымды тұлғалардың қызметін институционалдық тексеруді жүзеге асыруға мүмкіндік беретін арнайы

парламенттік рәсім болып табылатын парламенттік тергеу ерекше орын алады. Жұмыста парламенттік тергеудің теориялық-құқықтық негіздері, оның конституциялық бақылау жүйесіндегі орны және тежеу мен тепе-теңдік тетігінің жұмыс істеуін қамтамасыз етудегі рөлі қарастырылады. Салыстырмалы құқықтық талдау негізінде парламенттік тергеудің негізгі институционалдық белгілері және оның әртүрлі Конституциялық жүйелердегі тиімділігін анықтайтын факторлар ерекшеленеді. Тергеу процедураларының нормативтік сенімділігі, Парламенттің институционалдық автономиясы, парламенттік комиссиялардың өкілеттіктерінің көлемі және тергеу процедураларының қоғамдық сипаты сияқты өлшемдерді қамтитын парламенттік тергеулердің тиімділігін бағалаудың институционалдық моделі ұсынылады. Қазақстан Республикасындағы парламенттік тергеудің жай-күйі мен даму перспективаларын талдауға ерекше назар аударылады.

Түйін сөздер: парламенттік тергеу, парламенттік бақылау, конституциялық бақылау, биліктің бөлінуі, парламент, мемлекеттік биліктің есеп беруі; бақылаудың институционалдық тетіктері.

*S.Murat*¹

¹*S.D. Asfendiyarov Kazakh National Medical University*

PARLIAMENTARY INVESTIGATION AS AN INSTITUTIONAL MECHANISM OF CONSTITUTIONAL CONTROL: A COMPARATIVE MODEL OF EFFECTIVENESS AND THE LIMITS OF PARLIAMENTARY AUTONOMY

Abstract

The article is devoted to the study of parliamentary investigation as an institutional mechanism of constitutional control in the system of separation of state power. In the context of the development of modern constitutional States, the importance of effective forms of parliamentary control aimed at ensuring the accountability of the executive branch and compliance with the principles of legality and constitutional governance is increasing. A special place among such mechanisms is occupied by the parliamentary investigation, which is a special parliamentary procedure that allows for an institutional review of the activities of State bodies and officials on issues of public and state importance. The paper examines the theoretical and legal foundations of parliamentary investigation, its place in the system of constitutional control and its role in ensuring the functioning of the mechanism of checks and balances. Based on the comparative legal analysis, the main institutional features of parliamentary investigation and the factors determining its effectiveness in various constitutional systems are highlighted. An institutional model for evaluating the effectiveness of parliamentary investigations is proposed, including criteria such as the regulatory certainty of investigative procedures, the institutional autonomy of Parliament, the scope of powers of parliamentary commissions, and the public nature of investigative procedures.

Key words: parliamentary investigation; parliamentary control; constitutional control; separation of powers; parliament; accountability of State authorities; institutional control mechanisms.

Введение

Современное развитие конституционного государства сопровождается усилением внимания к институциональным механизмам контроля за деятельностью публичной власти. В условиях усложнения системы государственного управления и расширения функций исполнительной власти особое значение приобретает конституционный контроль как совокупность процедур и институтов, направленных на обеспечение соблюдения конституционных принципов в деятельности органов государственной власти. В научной доктрине конституционного права традиционно считается, что конституционный контроль осуществляется прежде всего судебными органами, однако современные исследования указывают на существование более широкой системы институциональных механизмов,

обеспечивающих подотчётность публичной власти и поддержание баланса между ветвями власти [1, с. 287; 2, с. 645].

В этой системе значительное место занимает парламентский контроль, который выступает одним из основных инструментов реализации принципа разделения властей. Парламент, осуществляя законодательную функцию, одновременно выполняет функцию контроля за деятельностью исполнительной власти и иных государственных органов. В рамках парламентского контроля используются различные процедуры, включая парламентские запросы, слушания, деятельность комитетов и временных комиссий. Среди указанных механизмов особое значение имеет парламентское расследование, представляющее собой институциональную форму парламентской проверки обстоятельств, имеющих общественное и государственное значение [3, с. 341; 4, с. 114].

Парламентское расследование в современной конституционно-правовой теории рассматривается не только как инструмент парламентского контроля, но и как специфический институциональный механизм конституционного контроля. Комиссии парламентского расследования обладают полномочиями по сбору и анализу информации о деятельности государственных органов, заслушиванию должностных лиц и подготовке выводов о соответствии действий органов публичной власти требованиям законности и конституционных принципов. Благодаря этим полномочиям парламентское расследование позволяет парламенту осуществлять институциональную проверку деятельности исполнительной власти и формировать публичную оценку её действий в рамках конституционного порядка [5, с. 424; 6, с. 691].

В классической теории конституционного права парламентский контроль рассматривается как важная гарантия ограничения государственной власти. Ещё А. Дайси отмечал, что парламентская система предполагает существование процедур, позволяющих представительным органам проверять действия правительства и тем самым обеспечивать соблюдение принципа верховенства права [5, с. 424]. В более современных исследованиях данная идея получила развитие в концепции «нового разделения властей», в рамках которой парламентские процедуры контроля рассматриваются как самостоятельные элементы системы институциональных сдержек и противовесов [6, с. 691].

Практика парламентских расследований показывает, что данный институт способен выполнять важную функцию публичной институциональной проверки деятельности органов государственной власти. Комиссии парламентского расследования могут инициироваться в случаях политических кризисов, коррупционных скандалов, административных нарушений и иных обстоятельств, требующих официального парламентского анализа. В рамках таких процедур парламент получает возможность установить фактические обстоятельства событий, оценить действия должностных лиц и подготовить рекомендации, направленные на устранение выявленных нарушений и совершенствование правового регулирования [7, с. 472].

В отечественной юридической науке вопросы конституционного и государственного контроля, включая отдельные аспекты парламентского расследования, получили отражение в ряде исследований. В указанных работах анализируются эволюция института конституционного контроля, механизмы правовой охраны Конституции, а также институциональные формы государственного и парламентского контроля в системе разделения властей [8, с. 37; 9, с. 52; 10, с. 84].

В то же время сравнительный анализ различных конституционных систем показывает, что эффективность парламентских расследований существенно различается. В одних государствах парламентские комиссии обладают широкими полномочиями по сбору информации и оказывают заметное влияние на деятельность исполнительной власти, тогда как в других их роль ограничивается преимущественно консультативными или информационными функциями. Подобные различия обусловлены институциональными особенностями парламентских систем, уровнем парламентской автономии и характером взаимодействия между парламентом и исполнительной властью [11, с. 76].

Несмотря на значительный интерес к проблематике парламентского контроля, в научной литературе сравнительно редко анализируется парламентское расследование именно как институциональный механизм конституционного контроля. Недостаточно изучены также институциональные условия, определяющие эффективность парламентских расследований, и пределы парламентской автономии при осуществлении данных процедур. Между тем исследование указанных вопросов имеет важное значение для понимания роли парламента в системе конституционных механизмов обеспечения законности и подотчётности государственной власти.

Цель настоящего исследования заключается в анализе парламентского расследования как институционального механизма конституционного контроля и разработке сравнительной модели оценки его эффективности в различных правовых системах. Для достижения данной цели предполагается раскрыть конституционно-правовую природу парламентского расследования, определить его место в системе механизмов парламентского и конституционного контроля, а также выявить институциональные факторы, влияющие на эффективность данного механизма и пределы парламентской автономии при его реализации.

Материалы и методы

Методологическую основу настоящего исследования составляет совокупность общенаучных и специальных юридических методов познания, позволяющих комплексно исследовать парламентское расследование как институциональный механизм конституционного контроля. В процессе исследований использованы диалектический метод, системно-структурный метод, позволившие определить место института парламентского расследования в системе конституционного и парламентского контроля.

Сравнительно-правовой метод применялся при исследовании различных моделей парламентского контроля и парламентских расследований в зарубежных правовых системах, что позволило выявить институциональные особенности данного механизма и определить условия его эффективности. Формально-юридический метод использовался при анализе конституционно-правовых норм, регулирующих деятельность парламента и реализацию его контрольных полномочий.

Метод правового моделирования позволил рассмотреть парламентское расследование как самостоятельный институциональный механизм конституционного контроля и определить его функциональное значение в системе разделения властей. Использование указанных методов в совокупности позволило провести комплексный анализ правовой природы парламентского расследования, выявить его институциональные характеристики и определить пределы парламентской автономии при осуществлении контрольных полномочий.

Результаты и обсуждение

Конституционный контроль традиционно рассматривается в юридической науке как совокупность правовых и институциональных механизмов, направленных на обеспечение верховенства конституции и соблюдение конституционных принципов в деятельности органов государственной власти. В классическом понимании конституционный контроль ассоциируется прежде всего с деятельностью судебных органов или специализированных конституционных судов, осуществляющих проверку нормативных актов на соответствие конституции. Однако современная теория конституционного права рассматривает систему конституционного контроля значительно шире, включая в неё различные институциональные формы проверки деятельности публичной власти, реализуемые не только судебными, но и политико-правовыми институтами [1, с. 287; 2, с. 645].

Актуальна роль парламентского контроля в конституционной системе государственного контроля как важнейшего инструмента обеспечения демократических принципов современного государства. Парламентский контроль представляет собой систему механизмов, призванных обеспечивать надзор и баланс между исполнительной и законодательной ветвями

государственной власти. Важность парламентского контроля, и прежде всего, парламентского расследования, заключается в том, что он способствует предотвращению злоупотреблений и коррупции, а также обеспечивает прозрачность и ответственность в действиях органов исполнительной власти. Наличие функции контроля у парламента позволяет более слаженно, более эффективно работать исполнительной ветви власти, разрешая формируемые и сформированные конфликты в рамках системы сдержек и противовесов ветвей власти [12, с 5]. Результаты парламентского расследования сказываются как на внутригосударственной, так и на внешнеполитической обстановке. Включение в отечественную правовую систему парламентских расследований является важным признаком демократического развития государства и общества, эффективным инструментом реализации государственной власти и неотъемлемым элементом контрольной деятельности представительного и законодательного органа государственной власти. Институт парламентских расследований, являясь своеобразной гарантией принципа разделения властей и обеспечивая систему сдержек и противовесов сам в полной мере должен соответствовать указанному принципу, иначе эффективность его действия сводится практически к нулю.

В отличие от судебного конституционного контроля, который реализуется посредством правоприменительной деятельности судов, парламентское расследование осуществляет институциональную проверку деятельности органов государственной власти в политико-правовой форме. Оно направлено на выявление нарушений принципов законности, подотчётности и ответственности государственной власти, что соответствует задачам конституционного контроля в широком смысле. Анализ позволяет определить пределы парламентской автономии при осуществлении парламентских расследований и выявить условия, при которых данный механизм способен эффективно функционировать в системе конституционного контроля.

Парламентское расследование как особая форма парламентского контроля обладает рядом институциональных особенностей, которые отличают его от иных процедур парламентского надзора за деятельностью исполнительной власти. К таким особенностям относятся специальный порядок формирования комиссий расследования, расширенные полномочия по сбору информации, а также направленность на установление фактических обстоятельств событий, имеющих значительное общественное или государственное значение.

Парламентское расследование характеризуется институциональной автономией парламентских комиссий, осуществляющих деятельность в рамках конституционно-правовых процедур, обладающих полномочиями по сбору и анализу информации и выполняющих важную функцию обеспечения прозрачности деятельности государственных органов и подотчетности власти обществу.

Результаты парламентского расследования сказываются как на внутригосударственной, так и на внешнеполитической обстановке. Включение в отечественную правовую систему парламентских расследований является важным признаком демократического развития государства и общества, эффективным инструментом реализации государственной власти и неотъемлемым элементом контрольной деятельности представительного и законодательного органа государственной власти. Институт парламентских расследований, являясь своеобразной гарантией принципа разделения властей и обеспечивая систему сдержек и противовесов сам в полной мере должен соответствовать указанному принципу, иначе эффективность его действия сводится практически к нулю.

Как отмечается в юридической литературе, факторы эффективности парламентских расследований можно разделить на внутренние и внешние. К числу внутренних факторов, относятся 1) субъективный / «человеческий» фактор; 2) объективные факторы - технические средства, применяемые в процессе парламентского расследования с целью более эффективного и быстрого установления фактов и обстоятельств событий; способы, приёмы, методы, методика и тактика парламентского расследования. К внешним факторам, влияющим на эффективность парламентского расследования, относятся: 1) объективные «политические»

факторы - политическая ситуация и обстановка, сложившиеся на момент проведения парламентского расследования в государстве, 2) субъективные «административные» факторы - административные барьеры и давление, встречающиеся в процессе осуществления парламентского расследования. В каждом конкретном случае и внутренние и внешние факторы могут равным образом, как положительно, так и отрицательно влиять на действенность парламентского расследования. Для того, чтобы парламентское расследование было наиболее эффективным, необходимо, чтобы все сопутствующие факторы способствовали его проведению [12, с.138; 13; 14].

В Казахстане, несмотря на закрепление на конституционном уровне института парламентского контроля, парламентское расследование как самостоятельная институциональная форма парламентского контроля в казахстанской правовой системе развито значительно слабее. Несмотря на наличие отдельных процедур парламентского контроля, институт парламентского расследования не получил достаточного нормативного и институционального оформления. В результате парламент ограничен в возможности проводить комплексную институциональную проверку действий государственных органов по вопросам, имеющим значительный общественный резонанс.

Одной из причин данной ситуации является отсутствие чётко разработанной процедуры парламентского расследования. В отличие от ряда зарубежных государств, где деятельность комиссий парламентского расследования подробно регулируется законодательством, в казахстанском праве отсутствует детально разработанный механизм формирования таких комиссий, определения их полномочий и процедур проведения расследования.

Существенным фактором является также институциональная структура взаимодействия парламента и исполнительной власти. В условиях сильной исполнительной власти парламентские процедуры контроля часто ограничиваются преимущественно информационно-аналитическими функциями. Это снижает потенциал парламента как института институциональной проверки деятельности государственных органов.

Кроме того, развитие парламентских расследований во многом зависит от политико-правовой культуры парламентской деятельности. Парламентские расследования предполагают высокий уровень институциональной самостоятельности парламента, наличие процедурной независимости комиссий расследования и готовность парламента использовать контрольные механизмы для анализа действий исполнительной власти. При недостаточном развитии этих условий парламентские расследования могут носить формальный характер либо не использоваться в полной мере.

Отдельной проблемой является отсутствие устойчивой практики применения парламентских расследований. В правовых системах, где данный институт функционирует эффективно, парламентские комиссии расследования используются для анализа политических кризисов, коррупционных скандалов, крупных административных решений и иных ситуаций, требующих парламентской оценки действий органов государственной власти. В Казахстане подобная практика пока не получила системного развития.

В то же время необходимость развития института парламентского расследования обусловлена общими тенденциями эволюции современных парламентских систем. Рассмотрение парламентского расследования как институционального механизма конституционного контроля предполагает необходимость определения условий его эффективного функционирования. Сравнительный анализ различных конституционных систем показывает, что результативность парламентских расследований зависит не только от формального закрепления данного института в законодательстве, но и от совокупности институциональных факторов, определяющих реальные возможности парламента осуществлять контроль за деятельностью исполнительной власти.

В этой связи представляется возможным выделить институциональную модель эффективности парламентского расследования, основанную на нескольких ключевых критериях. К основным критериям эффективности парламентского расследования относят

нормативную определенность правового регулирования, институциональную автономию парламента при инициировании расследования, достаточный объем полномочий парламентских комиссий, публичный характер процедур и институциональную значимость результатов исследования.

В правовых системах, где выводы парламентских комиссий могут служить основанием для принятия законодательных решений, изменения правового регулирования или инициирования процедур ответственности должностных лиц, парламентские расследования приобретают реальное влияние на функционирование системы государственной власти.

Таким образом, институциональная модель эффективности парламентского расследования включает совокупность правовых и организационных факторов, обеспечивающих возможность парламенту осуществлять полноценный контроль за деятельностью органов государственной власти. Наличие четкой нормативной базы, институциональной автономии парламента, достаточного объема полномочий парламентских комиссий и публичного характера расследований формирует условия, при которых парламентское расследование может функционировать как действенный механизм конституционного контроля.

Применение данной модели позволяет не только анализировать эффективность парламентских расследований в различных правовых системах, но и оценивать перспективы развития данного института в конкретных государствах. В этом контексте институционализация парламентских расследований может рассматриваться как важное направление совершенствования механизмов парламентского контроля и укрепления системы конституционных сдержек и противовесов.

Институционализация парламентского расследования как механизма конституционного контроля предполагает наличие определенных правовых и организационных условий, обеспечивающих его эффективное функционирование. На основе анализа зарубежной практики и теории парламентского контроля можно выделить несколько основных критериев институционализации данного института.

Первым критерием выступает нормативная закреплённость парламентского расследования. Эффективное функционирование данного механизма возможно лишь при наличии четкой правовой регламентации порядка создания парламентских комиссий расследования, их полномочий и процедур деятельности. В Республике Казахстан подобная регламентация носит фрагментарный характер, что существенно ограничивает возможность применения парламентских расследований как самостоятельной формы парламентского контроля.

Вторым критерием является институциональная автономия парламента при инициировании расследования. В развитых парламентских системах парламент обладает правом самостоятельно принимать решение о проведении расследования и формировать соответствующие комиссии. В Казахстане парламентские процедуры контроля преимущественно реализуются через депутатские запросы и парламентские слушания, тогда как практика создания комиссий парламентского расследования не получила устойчивого развития.

Третьим критерием выступает объём полномочий парламентских комиссий. Возможность истребования документов, заслушивания должностных лиц и привлечения экспертов значительно повышает аналитический потенциал парламентского расследования. Отсутствие четко закреплённых полномочий комиссий расследования в национальном законодательстве ограничивает возможности парламента по проведению полноценной институциональной проверки деятельности органов государственной власти.

Заключение

В исследовании была предложена институциональная модель эффективности парламентских расследований, основанная на нескольких ключевых критериях, включая нормативную определенность процедур расследования, институциональную автономию парламента, достаточный объём полномочий парламентских комиссий и публичный характер

расследовательских процедур. Наличие указанных факторов формирует условия, при которых парламентское расследование может функционировать как действенный механизм конституционного контроля.

Применение данной модели к анализу развития парламентского контроля в Республике Казахстан показало, что институт парламентского расследования в национальной правовой системе находится на стадии ограниченного институционального развития. Несмотря на наличие конституционно закреплённых механизмов парламентского контроля, таких как депутатские запросы и парламентские слушания, специализированная процедура парламентского расследования пока не получила полноценного нормативного и практического оформления.

Недостаточная регламентация парламентских расследований, ограниченность полномочий парламентских структур по проведению институциональной проверки деятельности государственных органов и отсутствие устойчивой практики применения данного института существенно снижают потенциал парламента как органа конституционного контроля. В результате парламентский контроль реализуется преимущественно в информационно-аналитической форме и не всегда обладает достаточными инструментами для комплексной институциональной оценки действий исполнительной власти.

Информация о финансировании. Данная статья подготовлена в рамках гранта финансирования научных исследований Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан № BR34636726 Конституционно-правовое и институциональное моделирование перехода к однопалатному Парламенту Республики Казахстан.

Список использованной литературы:

- 1 Bradley A., Ewing K., Knight C. *Constitutional and Administrative Law*. 17th ed. Oxford: Oxford University Press, 2022. 888 p.
- 2 Ackerman B. *The New Separation of Powers* // *Harvard Law Review*. 2020. Vol. 113. № 3. P. 633–729.
- 3 Norton P. *Parliament in British Politics*. 2nd ed. London: Palgrave Macmillan, 2013. 232 p.
- 4 Barber N. *The Principles of Constitutionalism*. Oxford: Oxford University Press, 2018. 256 p.
- 5 Dicey A. V. *Introduction to the Study of the Law of the Constitution*. Indianapolis: Liberty Fund, 1982. 474 p.
- 6 Абаева З.Р. Парламентское расследование как форма парламентского контроля в субъектах Российской Федерации // *Конституционное и муниципальное право*. – 2023. - № 03. – С.26-31. <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2023-3-26-31>
- 7 Russell M., Benton M. *Assessing the Policy Impact of Parliament* // *Parliamentary Affairs*. 2011. Vol. 64. № 3. P. 472–497.
- 8 Бейбитов М. С. *Институт конституционного контроля в Республике Казахстан: эволюция и проблемы модернизации*. Алматы, 2005. - 292 с.
- 9 Караев А. А. *Правовая охрана Конституции*. Алматы, 2010. – 448 с.
- 10 Тайторина Б. А. *Государственный контроль в конституционной системе разделения власти Республики Казахстан*. Алматы, 2011. – 396 с.
- 11 Tsebelis G. *Veto Players: How Political Institutions Work*. Princeton: Princeton University Press, 2022. 352 p.
- 12 Холиков И.В., Холикова А.И. *Парламентское расследование как инструмент противодействия коррупции и злоупотребления власти* // *Актуальные проблемы государства и права*. 2023. №28. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/parlamentskoe-rassledovanie-kak-instrument-protivodeystviya-korruptsii-i-zloupotrebleniya-vlasti> (дата обращения: 19.03.2026).

13 Якимова Е.М., Эффективный парламентский контроль как необходимое условие развития гражданского общества // *Гражданское общество в России и за рубежом.* – 2024. - № 04. – С.5-8.

14 Спиридонов А.А. *Парламентский контроль в Российской Федерации. Научно-практическое пособие.* – М.: Издание Государственной Думы, 2021. – 160 с.

References:

1 Bradley A., Ewing K., Knight C. *Constitutional and Administrative Law.* 17th ed. Oxford: Oxford University Press, 2022. 888 p.

2 Ackerman B. *The New Separation of Powers* // *Harvard Law Review.* 2020. Vol. 113. № 3. P. 633–729.

3 Norton P. *Parliament in British Politics.* 2nd ed. London: Palgrave Macmillan, 2013. 232 p.

4 Barber N. *The Principles of Constitutionalism.* Oxford: Oxford University Press, 2018. 256 p.

5 Dicey A. V. *Introduction to the Study of the Law of the Constitution.* Indianapolis: Liberty Fund, 1982. 474 p.

6 Abaeva Z.R. *Parlamentskoe rassledovanie kak forma parlamentskogo kontrolja v sub#ektah Rossijskoj Federacii* // *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo.* – 2023. - № 03. – S.26-31. <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2023-3-26-31>

7 Russell M., Benton M. *Assessing the Policy Impact of Parliament* // *Parliamentary Affairs.* 2011. Vol. 64. № 3. P. 472–497.

8 Bejbitov M. S. *Institut konstitucionnogo kontrolja v Respublike Kazahstan: jevoljucija i problemy modernizacii.* Almaty, 2005. - 292 s.

9 Karaev A. A. *Pravovaja ohrana Konstitucii.* Almaty, 2010. – 448 s.

10 Tajtorina B. A. *Gosudarstvennyj kontrol' v konstitucionnoj sisteme razdelenija vlasti Respubliki Kazahstan.* Almaty, 2011. – 396 s.

11 Tsebelis G. *Veto Players: How Political Institutions Work.* Princeton: Princeton University Press, 2022. 352 p.

12 Holikov I.V., Holikova A.I. *Parlamentskoe rassledovanie kak instrument protivodejstvija korrupcii i zloupotreblenija vlasti* // *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava.* 2023. №28. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/parlamentskoe-rassledovanie-kak-instrument-protivodeystviya-korrupcii-i-zloupotrebleniya-vlasti> (data obrashhenija: 19.03.2026).

13 Jakimova E.M., *Jeffektivnyj parlamentskij kontrol' kak neobhodimoe uslovie razvitija grazhdanskogo obshhestva* // *Grazhdanskoe obshhestvo v Rossii i za rubezhom.* – 2024. - № 04. – S.5-8.

14 Spiridonov A.A. *Parlamentskij kontrol' v Rossijskoj Federacii. Nauchno-prakticheskoe posobie.* -M.: Izdanie Gosudarstvennoj Dumy, 2021. - 160 s.

Б.А. Тайторина¹ , А.Р. Алимбетова² *

¹Казахский национальный педагогический университет имени Абая

²Алматинский Гуманитарно-Экономический университет
(e-mail: binur.a@mail.ru, *alimbetova_alida@mail.ru)

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ АДАПТИВНОСТЬ СИСТЕМ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ КАК ФАКТОР ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Аннотация

В статье рассматриваются особенности организации систем повышения квалификации государственных служащих в Таиланде и Республике Казахстан через призму их территориальной адаптивности и влияния на эффективность государственного управления. Актуальность исследования обусловлена необходимостью совершенствования профессионального развития кадров государственной службы в условиях цифровой трансформации и региональной дифференциации.

Выдвигается гипотеза о том, что тайская модель, основанная на сетевом взаимодействии и участии региональных образовательных организаций, обладает более высоким уровнем территориальной адаптивности, тогда как казахстанская система обеспечивает большую унификацию образовательных стандартов и цифровизацию кадровых процессов.

Методологическую основу исследования составили сравнительно-институциональный и формально-юридический методы. Проанализированы нормативные правовые акты, научные публикации, аналитические материалы и официальные документы, регулирующие организацию повышения квалификации государственных служащих в двух странах.

В результате выявлены различия в институциональных механизмах подготовки кадров, степени участия региональных структур, подходах к формированию компетенций и использованию цифровых технологий. На основе проведенного анализа предложена авторская модель территориально адаптивной системы повышения квалификации, сочетающая единые национальные стандарты подготовки с региональной вариативностью образовательных программ. Сформулированы рекомендации по совершенствованию казахстанской системы профессионального развития государственных служащих с использованием отдельных элементов тайского опыта.

Ключевые слова: государственная служба, повышение квалификации, Таиланд, Казахстан, территориальная адаптивность.

Б.А. Тайторина¹, А.Р. Алимбетова²

¹ Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті

² Алматы Гуманитарлық-Экономикалық университеті

МЕМЛЕКЕТТІК БАСҚАРУ ТИІМДІЛІГІНІҢ ФАКТОРЫ РЕТІНДЕ МЕМЛЕКЕТТІК ҚЫЗМЕТШІЛЕРДІҢ БІЛІКТІЛІГІН АРТТЫРУ ЖҮЙЕЛЕРІНІҢ АУМАҚТЫҚ БЕЙІМДЕЛГІШТІГІ

Аңдатпа

Мақалада Таиланд пен Қазақстан Республикасындағы мемлекеттік қызметшілердің біліктілігін арттыру жүйелерін ұйымдастыру ерекшеліктері олардың аумақтық бейімделгіштігі және мемлекеттік басқару тиімділігіне ықпалы тұрғысынан қарастырылады. Зерттеудің

өзектілігі цифрлық трансформация мен өңірлік саралану жағдайында мемлекеттік қызмет кадрларының кәсіби дамуын жетілдіру қажеттілігімен айқындалады.

Зерттеуде өңірлік білім беру ұйымдарының қатысуына және желілік өзара іс-қимылға негізделген тайлық модельдің аумақтық бейімделгіштік деңгейі жоғары екендігі, ал қазақстандық жүйенің білім беру стандарттарын біріздендіру және кадрлық процестерді цифрландыру деңгейінің жоғары болуын қамтамасыз ететіні туралы гипотеза ұсынылады.

Зерттеудің әдіснамалық негізін салыстырмалы-институционалдық және формальды-құқықтық әдістер құрайды. Екі елдегі мемлекеттік қызметшілердің біліктілігін арттыруды ұйымдастыруды реттейтін нормативтік құқықтық актілер, ғылыми жарияланымдар, талдамалық материалдар мен ресми құжаттар талданды.

Зерттеу нәтижесінде кадрларды даярлаудың институционалдық тетіктеріндегі, өңірлік құрылымдардың қатысу деңгейіндегі, құзыреттерді қалыптастыру тәсілдеріндегі және цифрлық технологияларды пайдаланудағы айырмашылықтар анықталды. Жүргізілген талдау негізінде ұлттық даярлау стандарттарын өңірлік вариативтілікпен үйлестіретін мемлекеттік қызметшілердің біліктілігін арттырудың аумақтық бейімделгіш авторлық моделі ұсынылды. Тайланд тәжірибесінің жекелеген элементтерін пайдалану арқылы Қазақстандағы мемлекеттік қызмет кадрларының кәсіби даму жүйесін жетілдіруге бағытталған ұсынымдар әзірленді.

Түйін сөздер: мемлекеттік қызмет, біліктілікті арттыру, Таиланд, Қазақстан, аумақтық бейімделгіштік.

B.A. Taitorina¹ A.R. Alimbetova²

¹Abai Kazakh National Pedagogical University

²Almaty Humanitarian-Economic University

TERRITORIAL ADAPTABILITY OF CIVIL SERVANTS' PROFESSIONAL DEVELOPMENT SYSTEMS AS A FACTOR OF PUBLIC ADMINISTRATION EFFECTIVENESS

Abstract

The article examines the features of professional development systems for civil servants in Thailand and the Republic of Kazakhstan through the lens of territorial adaptability and their impact on the effectiveness of public administration. The relevance of the study is determined by the need to improve the professional development of civil service personnel in the context of digital transformation and regional differentiation.

The study advances the hypothesis that the Thai model, based on network interaction and the involvement of regional educational institutions, demonstrates a higher level of territorial adaptability, while the Kazakhstani system provides a greater degree of standardization of educational programs and digitalization of personnel processes.

The methodological framework of the research includes comparative institutional analysis and the formal legal method. The study analyzes legal regulations, academic publications, analytical materials, and official documents governing the organization of professional development for civil servants in both countries.

The findings reveal differences in institutional training mechanisms, the degree of regional involvement, approaches to competency development, and the use of digital technologies. Based on the results obtained, the author proposes a territorially adaptive model of professional development that combines unified national training standards with regional variability in educational programs. Recommendations are formulated for improving Kazakhstan's professional development system for civil servants by incorporating selected elements of the Thai experience.

Key words: civil service, professional development, Thailand, Kazakhstan, territorial adaptability.

Введение

Качество государственного управления напрямую зависит от уровня профессиональной компетентности государственных служащих. В условиях цифровой трансформации, роста общественных ожиданий и усложнения управленческих задач особое значение приобретает система непрерывного повышения квалификации кадров. Современный государственный служащий должен не только знать нормативные акты, но и уметь работать с большими данными, взаимодействовать с гражданами в цифровой среде, оперативно реагировать на кризисные ситуации. Именно здесь территориальная адаптивность системы повышения квалификации выступает связующим звеном между обучением и реальной эффективностью управления. Она влияет на эффективность через три канала. Во-первых, через релевантность содержания: служащий учится решать именно те задачи, которые возникают в его регионе (разные компетенции для индустриального севера, аграрного юга или туристических зон). Во-вторых, через скорость обратной связи: местные провайдеры обучения быстрее корректируют программы под новые вызовы. В-третьих, через укоренённость в локальных управленческих сетях, что облегчает межведомственную координацию на местах. Без этих механизмов даже регулярное обучение не гарантирует улучшения реальной работы аппарата. Без системного и регулярного обновления знаний эти компетенции быстро устаревают. Современное состояние государственной службы Казахстана характеризуется недостатком квалифицированных кадров и текучестью персонала [1, с. 7-9]. Это прямо указывает на необходимость пересмотра подходов к обучению государственных служащих, особенно на региональном уровне.

Теоретической основой настоящего исследования выступает концепция территориальной адаптивности системы повышения квалификации государственных служащих. Под территориальной адаптивностью в данной работе понимается способность системы профессионального развития кадров учитывать социально-экономические, демографические, отраслевые, инфраструктурные и управленческие особенности конкретных регионов при определении содержания, форм и методов обучения государственных служащих. В отличие от унифицированного подхода, предполагающего одинаковые образовательные программы для всех государственных органов независимо от места их функционирования, территориально адаптивная модель ориентирована на формирование компетенций, востребованных в конкретных условиях государственного управления. В рамках исследования анализируются такие элементы территориальной адаптивности, как регионализация образовательных программ, участие местных образовательных организаций в подготовке кадров, учёт специфики регионального развития при формировании учебных модулей, использование локальных кейсов и практик государственного управления, а также организационная децентрализация системы повышения квалификации. Предполагается, что именно данные элементы обеспечивают более тесную связь между профессиональной подготовкой государственных служащих и реальными потребностями территорий.

Научная проблема исследования заключается в недостаточной изученности влияния территориально ориентированных моделей повышения квалификации на эффективность деятельности государственного аппарата. Несмотря на наличие многочисленных исследований, посвящённых профессиональному развитию государственных служащих, вопрос о том, каким образом учёт региональной специфики влияет на качество принимаемых управленческих решений, остаётся недостаточно разработанным. В связи с этим выдвигается гипотеза о том, что территориальная адаптивность системы повышения квалификации способствует повышению эффективности государственного управления посредством формирования у государственных служащих компетенций, непосредственно связанных с особенностями конкретного региона. Механизм такого влияния проявляется в более точном соответствии образовательных программ практическим задачам территориального управления, повышении качества предоставления государственных услуг населению, сокращении времени принятия решений, усилении взаимодействия органов власти с местными сообществами и более эффективном использовании региональных ресурсов.

Говоря о конкретных механизмах реализации территориальной адаптивности, следует

подчеркнуть: её влияние на итоговые показатели работы госслужащих опосредовано трансформацией профессиональных паттернов поведения, возникающей у сотрудников по итогам освоения образовательных программ. Благодаря освоенным компетенциям государственный служащий получает возможность корректнее ставить управленческие цели, оперативно обнаруживать локальные риски, характерные для подведомственной территории, и толковать нормативно-правовые акты с поправкой на региональную специфику. На уровне институциональном подобный эффект достигается за счет трех составляющих: использования в учебных планах ситуационных задач, привязанных к конкретным территориям; участия в преподавании действующих региональных специалистов; а также наделения самих региональных структур полномочиями по адаптации содержания программ под свои текущие запросы. Подобная модель работы ведёт к качественному улучшению управления, выражающемуся в трёх основных тенденциях: уменьшении временных затрат на прохождение административных этапов; сокращении доли управленческих решений, предполагающих обязательное досогласование с вышестоящими структурами; а также повышении оперативности ответных мер при возникновении локальных чрезвычайных обстоятельств - паводковых явлений, сезонных перегрузок, инфраструктурных сбоев.

Изучение зарубежного опыта в области организации дополнительного профессионального образования государственных служащих позволяет не только выделить наиболее результативные подходы, но и оценить перспективы их адаптации при совершенствовании отечественной системы подготовки кадров. В данном контексте заслуживает особого внимания опыт Таиланда, который олицетворяет азиатскую модель публичного администрирования и применяет децентрализованный (распределённый) механизм непрерывного профессионального развития чиновников, опирающийся на сеть региональных высших учебных заведений. Выбор Таиланда в качестве объекта анализа объясняется также значительной территориальной дифференциацией его регионов. В частности, столичный Бангкок отличается высокой концентрацией населения и сосредоточением управленческих функций, прибрежные провинции - такие как Пхукет и Краби - ориентированы главным образом на туристическую индустрию, тогда как северо-восточная часть страны (регион Исан) сохраняет ярко выраженную аграрную специализацию. В подобных условиях государственные служащие сталкиваются с неодинаковыми профессиональными вызовами, что обуславливает необходимость формирования у них таких компетенций, которые учитывали бы специфику конкретной территории. Именно по этой причине тайская система повышения квалификации строится на началах децентрализации и регионально ориентированной адаптации учебных программ.

Как отмечается в литературе, «системы профессионального развития государственных служащих должны быть адаптированы к национальным институциональным условиям, но при этом могут заимствовать лучшие практики без механического копирования» [2, с. 25-26]. Для Казахстана данный подход также представляет практический интерес, поскольку различные регионы страны существенно отличаются по своим социально-экономическим характеристикам. К таким территориям относятся индустриальные области севера, аграрные регионы юга, туристические зоны Алматинской и Туркестанской областей, а также западные регионы, где сохраняется высокий уровень экологической нагрузки, включая Мангистаускую и Атыраускую области. Вместе с тем действующая система повышения квалификации государственных служащих в Казахстане пока в ограниченной степени учитывает региональную специфику при разработке и реализации образовательных программ.

Повышение уровня территориальной адаптивности системы повышения квалификации способствует росту эффективности государственного управления посредством более точного соответствия профессиональных компетенций региональным потребностям. Показатели территориальной адаптивности: уровень централизации, региональные образовательные центры, самостоятельность регионов, адаптация программ, учет местной специфики.

Целью исследования является выявление значения территориальной адаптивности систем

повышения квалификации государственных служащих для повышения эффективности государственного управления на основе анализа институциональных механизмов, обеспечивающих организацию и реализацию профессионального развития кадров.

Материалы и методы

Объектом исследования являются системы повышения квалификации государственных служащих как институт профессионального развития кадров государственной службы. Предмет исследования составляют институциональные механизмы обеспечения территориальной адаптивности систем повышения квалификации государственных служащих, включая нормативно-правовое регулирование, распределение полномочий между центральными и региональными структурами, компетентностные модели и организационные формы обучения.

Эмпирическую основу исследования составляют официальные статистические данные, отчёты государственных органов, аналитические материалы ОЭСР и документы, характеризующие функционирование систем повышения квалификации государственных служащих.

Методологическую основу исследования составил комплекс общенаучных и специальных методов научного познания. В качестве основного метода использован сравнительно-институциональный анализ, позволивший сопоставить особенности организации систем повышения квалификации государственных служащих в Таиланде и Казахстане, выявить их сильные и слабые стороны, а также определить возможности адаптации зарубежного опыта в условиях Республики Казахстан.

Формально-юридический метод применялся при анализе нормативных правовых актов, регулирующих деятельность государственных органов и систему профессионального обучения государственных служащих. Системный подход позволил рассмотреть повышение квалификации как целостный элемент механизма государственной службы, включающий институциональные, организационные и компетентностные компоненты.

В ходе исследования проводилось сопоставление моделей по следующим критериям: степень централизации системы, роль региональных структур, организационные формы обучения, особенности компетентностного подхода, уровень цифровизации процессов и механизмы этического регулирования. Полученные данные были обобщены и интерпретированы с целью определения перспектив совершенствования казахстанской системы повышения квалификации государственных служащих с учётом отдельных элементов тайского опыта.

Результаты и обсуждение

Система государственной службы Таиланда наиболее полно проанализирована в исследовании, где прослеживается эволюция от абсолютной монархии к современной меритократической модели [3]. Авторы детально описывают роль Комиссии по государственной службе (OCSC) и внедрение компетентностного подхода, начатое в 2008 году. Важное место занимает компетентностная модель, внедрённая OCSC в 2008 году и включающая пять ключевых компетенций для всех государственных служащих [4, с. 12-13]. Такие компетенции как мотивация достижения, ориентация на обслуживание, экспертиза, добросовестность и работа в команде стали основой для разработки программ обучения и оценки персонала.

Программа OCSC Campus, направленная на создание экосистемы непрерывного обучения, проанализирована в кейс-исследовании С.Dharmasakii [5]. Этот кейс показывает, что обучение государственных служащих не может ограничиваться формальными курсами - необходима интеграция обучения в повседневную рабочую среду, создание атмосферы, в которой сотрудники сами стремятся к развитию. Система высокой результативности и потенциала исследована U.Intarakamhang и соавторами, которые выявили как её потенциал (20

поведенческих измерений, охватывающих лидерство, командную работу, ориентацию на результат и этику), так и проблемы администрирования: патронажные практики, недостаточное сотрудничество руководителей ведомств, некомпетентность в управлении человеческими ресурсами [6, с. 7-8]. Этот вывод чрезвычайно важен: даже самая продвинутая компетентностная модель может быть заблокирована неформальными институтами, такими как личные связи и патронаж. Роль университетов Раджабхат в подготовке кадров для местного самоуправления раскрыта в работе S. Thammaboosadee и соавторов [7]. Авторы подчёркивают, что университеты Раджабхат не просто дают академическое образование, но и выступают центрами прикладных исследований и обучения для муниципальных служащих.

Казахстанская система повышения квалификации анализируется в работах А.Б. Майдировой, рассматривающей внедрение компетентностного подхода [8], и Б.Абдрасилова, исследующего новые подходы к обучению государственных служащих [9]. Оба автора сходятся во мнении, что Казахстан находится в начале пути по переходу от традиционного, лекционного обучения к активному, практико-ориентированному. Этические аспекты государственной службы Казахстана получили освещение в исследовании Ж.Хамзина и соавторов, где отмечается, что формальные этические стандарты применяются непоследовательно из-за отсутствия надёжных контрольных механизмов [10]. Этот вывод перекликается с тайской проблемой патронажа: в обеих странах существует разрыв между формальными нормами и реальной практикой. Опыт реформирования государственной службы в странах ОЭСР систематизирован в монографии под редакцией Е.Б. Жумагулова [2]. Наконец, отчёт ОЭСР, посвящённый целостности государственной службы Казахстана, подчёркивает, что цифровая трансформация государственной службы Казахстана является одной из наиболее продвинутых на постсоветском пространстве [11]. Это важное преимущество, которое можно использовать для модернизации системы повышения квалификации.

Центральным органом является Комиссия по государственной службе (OCSC), действующая на основе Закона В.Е. 2551 [12]. OCSC – это не просто кадровое агентство, а мощный центр разработки политики в области обучения государственных служащих. Стратегический план OCSC на 2023–2027 годы предусматривает децентрализацию кадровых полномочий и создание центра непрерывного обучения [13, с. 2-3]. Децентрализация понимается как передача части полномочий по организации обучения на уровень министерств и провинций, но при сохранении единых стандартов, разработанных OCSC.

Ключевым инструментом выступает Система высокой результативности и потенциала (HiPPS), нацеленная на непрерывное обучение через рабочую среду. Это означает, что государственные служащие учатся не только на курсах, но и в процессе выполнения своих обязанностей - через ротации, наставничество, проектную работу. В работе Intarakamhang и его коллег было выделено 20 поведенческих параметров в рамках модели HiPPS. Наряду с позитивными результатами, авторами также были обнаружены некоторые трудности, в частности сохранение практик, основанных на личном покровительстве (патронаже), а также недостаточно высокий уровень профессионализма сотрудников, ответственных за управление персоналом [6, с. 7-8]. Указанные обстоятельства показывают, что результативность даже тщательно проработанной системы в значительной мере определяется уровнем её организационно-управленческого сопровождения и степенью профессиональной подготовленности руководящих кадров.

Отличительной чертой тайской системы выступает вовлеченность 38 университетов Раджабхат, на базе которых организована реализация краткосрочных программ повышения квалификации для чиновников государственного аппарата и сотрудников муниципальных органов [7, с. 512-513]. Необходимо отметить, что данные вузы вели свою историю как педагогические институты, однако со временем трансформировались в классические университеты, существенно укрепив партнерские связи с региональными властями. Разрабатываемые ими программы ориентированы на потребности конкретных провинций: в

туристических регионах внимание уделяется изучению английского языка и вопросам обслуживания туристов, тогда как в сельскохозяйственных районах приоритетными направлениями выступают агрономия и развитие кооперации. Кроме того, университеты Раджабхат используются в качестве площадок для организации экзаменов OCSC [3, с. 156-158]. Этическая составляющая включена в компетентностную модель OCSC и образовательные программы OCSC Campus [5, с. 5-6]. Характерной особенностью данного подхода является отсутствие этики как самостоятельной дисциплины: соответствующие вопросы рассматриваются в рамках различных учебных модулей, в том числе при анализе практических ситуаций, требующих выбора наиболее этически обоснованного решения.

Казахстанская система повышения квалификации государственных служащих характеризуется высокой степенью централизации. В соответствии со статьёй 22 Закона «О государственной службе»¹⁰ прохождение повышения квалификации является обязательным не реже одного раза в три года. Такой порядок обеспечивает стабильную потребность в образовательных программах, однако одновременно способствует распространению формального отношения к обучению, при котором часть государственных служащих рассматривает участие в курсах прежде всего как выполнение установленного требования, а не как инструмент профессионального роста и совершенствования компетенций.

Центральное место в системе занимает Академия государственного управления при Президенте Республики Казахстан, обеспечивающая единые подходы и стандарты подготовки государственных служащих [2, с. 45–46]. Академия обладает статусом особо важного государственного учреждения и находится в прямом подчинении Президенту Республики Казахстан. Такой статус способствует поддержанию высокого уровня организационного обеспечения и финансирования, однако одновременно усиливает централизацию процессов разработки и утверждения образовательных программ, вследствие чего региональные филиалы располагают ограниченными возможностями для их адаптации с учётом местных потребностей. Подготовка и повышение квалификации кадров осуществляются также через сеть региональных филиалов Академии. Распределение бюджетных средств, направляемых на переподготовку и повышение квалификации государственных служащих, регулируется Приказом № 90¹¹. Вместе с тем содержание данного нормативного акта преимущественно связано с вопросами финансового обеспечения образовательных мероприятий и в меньшей степени затрагивает содержательные аспекты организации обучения.

Этический компонент закреплён в Этическом кодексе¹². В государственных органах созданы должности уполномоченных по этике. В литературе обосновано: несмотря на формальную развитость инфраструктуры, существуют проблемы с последовательностью применения этических стандартов [10, с. 6-7]. Например, уполномоченные по этике часто назначаются из числа сотрудников кадровых служб и не имеют специальной подготовки, а сами этические тренинги носят общий характер и редко разбирают конкретные дилеммы.

С точки зрения цифровизации, отчёт ОЭСР отмечает высокий уровень развития e-Gov и e-Quzmet [11, с. 12-13]. Через портал e-Quzmet государственные служащие могут записываться на курсы, проходить тестирование, получать сертификаты. Это большое преимущество,

---

¹⁰ Закон Республики Казахстан «О государственной службе Республики Казахстан» от 23 ноября 2015 года № 416-V (с изменениями по состоянию на 22 января 2025 г.) // Закон Республики Казахстан «О государственной службе Республики Казахстан» от 23 ноября 2015 года № 416-V (с изменениями по состоянию на 22 января 2025 г.). - [Электрон. ресурс]- URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000416> (дата обращения 10.04.2026)

¹¹ Приказ Председателя Агентства Республики Казахстан по делам государственной службы от 27 мая 2025 года № 90 «Об утверждении Правил распределения распределяемой бюджетной программы по переподготовке и повышению квалификации государственных служащих». - [Электрон. ресурс]- URL: https://prg.kz/document/?doc_id=3279814116 (дата обращения 10.04.2026)

¹² Указ Президента Республики Казахстан от 29 декабря 2015 года № 153 «Об утверждении Этического кодекса государственных служащих Республики Казахстан». - [Электрон. ресурс]- URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1500000153> (дата обращения 10.04.2026)

позволяющее охватить обучением большое количество людей без отрыва от работы. Однако, как показывает опыт, дистанционное обучение эффективно только при высоком уровне самодисциплины и при наличии интерактивных, а не просто лекционных форматов.

Таблица 1. Институциональные механизмы обеспечения территориальной адаптивности

Критерий	Таиланд	Казахстан
Центральный координирующий орган	OCSC	Агентство РК по делам госслужбы, Академия госуправления
Базовая модель	Сетевая (распределённая)	Централизованная
Основные провайдеры	OCSC, 38 университетов Раджабхат	Академия, её филиалы (16)
Региональная составляющая	Высокая (университеты в каждой провинции)	Средняя (филиалы только в областных центрах)
Компетентностная модель	HiPPS (20 поведенческих измерений)	KPI-ориентированная система
Цифровизация	e-Exam OCSC (экзамены)	e-Gov, e-Quzmet (полный цикл обучения)
Обязательность обучения	Через HiPPS (встроено в работу)	Не реже 1 раза в 3 года (законодательно)

Примечание: источники для Таблицы 1: для Таиланда – [3], [4], [5], [6], [7]; для Казахстана – [2], [8], [9], [10], [11], [13].

Результаты сравнительного анализа позволяют выделить четыре группы управленческих показателей, которые улучшаются при повышении уровня территориальной адаптивности системы повышения квалификации. Первое: снижение времени принятия решений на региональном уровне, поскольку служащий получает не общие, а локально применимые алгоритмы. Второе: рост качества услуг за счёт учёта реальной структуры запросов населения в конкретной территории. Третье: уменьшение издержек центрального аппарата на методическое сопровождение и разъяснения. Четвёртое: повышение устойчивости регионального управления к кадровым ротациям, так как адаптивные программы формируют распределённый пул местных компетенций, не зависящий от одного центрального вуза.

Из таблицы следует, что основное различие между рассматриваемыми моделями связано с уровнем региональной децентрализации системы повышения квалификации. В Таиланде сформирована разветвлённая сеть университетов, выполняющих функции профессионального обучения государственных служащих непосредственно в регионах. В Казахстане данная деятельность сосредоточена преимущественно в системе филиалов единой Академии, количество которых существенно меньше. Существенные различия наблюдаются и в подходах к оценке компетенций: тайская модель предусматривает использование более детализированной системы, включающей 20 компетентностных измерений, тогда как в Казахстане оценка в большей степени ориентирована на общие показатели эффективности (KPI). В области цифровизации более развитые позиции занимает Казахстан: система e-Exam OCSC представляет собой отдельный инструмент оценки, тогда как платформа e-Quzmet охватывает весь цикл управления кадровыми процессами.

Полученные результаты позволяют сформулировать ряд выводов, имеющих как теоретическое, так и практическое значение.

Во-первых, сетевая модель, реализованная в Таиланде, характеризуется высокой степенью территориальной адаптивности, что обеспечивается функционированием сети университетов Раджабхат, способных оперативно учитывать и отражать локальные потребности регионов [7, с. 516-517]. Подобный подход приобретает особую значимость для государств, отличающихся выраженной региональной неоднородностью. Для Казахстана данный аспект

также является актуальным, поскольку его регионы существенно различаются по социально-экономическим и природно-географическим характеристикам. В условиях действующей системы централизованно подготовленные в Астане программы повышения квалификации зачастую лишь частично отражают локальную специфику, в частности экологические вызовы Мангистауской области либо задачи развития туристического потенциала Алматинской области. Вместе с тем, применение сетевой модели сопряжено с трудностями межведомственной координации и распространённостью патронажных практик [6, с. 8]. При осуществлении прямых контактов между университетами и региональными органами управления не исключена вероятность протекционизма и заключения устных неформальных соглашений. В условиях более выраженной вертикали государственной власти, характерной для Казахстана, подобные риски представляются менее значительными, однако платой за это становится снижение институциональной мобильности.

Вторым значимым аспектом является то, что централизация в Казахстане способствует достижению единых стандартов и интенсивной цифровизации процессов. Исследователи ОЭСР констатируют: «благодаря централизованной системе профессионального развития госслужащих в Казахстане достигается единообразие стандартов в масштабах всего государства» [11, с. 14]. Это означает, что государственный служащий в любой области получает примерно одинаковую базу знаний и может быть переведён на другое место без серьёзной переподготовки. Вместе с тем остаются проблемы с адаптацией содержания обучения к региональным особенностям. Филиалы Академии могли бы играть большую роль, но, как следует из анализа нормативных актов, их полномочия по самостоятельной разработке программ ограничены.

В-третьих, анализ компетентностных моделей показывает, что тайская NiPPS более гибка и ориентирована на развитие через практику, а казахстанская KPI-система более прозрачна и измерима. Что лучше? Для массового обучения, где нужно оценить тысячи служащих, KPI-система удобна. Для развития высшего руководящего состава, возможно, более детальная поведенческая модель была бы полезнее. Поэтому представляется целесообразным использование комбинированного подхода, предусматривающего обязательное освоение базового набора знаний и навыков, ориентированного на достижение установленных KPI, для всех государственных служащих, а для представителей управленческого резерва - более глубокую подготовку, основанную на развитии компетенций по модели, близкой к программе NiPPS.

В-четвёртых, по уровню цифровизации казахстанская модель обладает заметным преимуществом благодаря функционированию таких цифровых решений, как e-Gov и e-Quzmet, тогда как в Таиланде внедрение цифровых инструментов пока в значительной степени связано с использованием системы e-Exam OCSC. Указанное обстоятельство относится к числу ключевых конкурентных преимуществ казахстанской модели и нуждается в планомерном усилении. При этом цифровые среды не стоит сводить лишь к роли технического средства. Результативность их применения зависит прежде всего от содержательного наполнения: наличия практических ситуаций (кейсов), тренажёров в формате симуляций и видеоматериалов лекционного типа с привлечением высококвалифицированных специалистов. Кроме того, критически важным остаётся вопрос о равнодоступности подобных сервисов для сотрудников государственных органов, занятых в отдалённых территориях, где устойчивость интернет-соединения зачастую носит нерегулярный характер.

В результате проведенного исследования представляется целесообразной разработка следующих рекомендаций для достижения эффективности системы повышения квалификации государственных служащих в Республике Казахстан:

1. Предлагается наделить региональные подразделения Академии государственного управления более широкими полномочиями, касающимися самостоятельной разработки образовательных курсов повышения квалификации, ориентированных на местную специфику. Речь, в частности, идёт о предоставлении филиалам возможности корректировать до 30% объёма учебного материала в рамках централизованно утверждённых программ с учётом особенностей того или иного региона. Кроме того, целесообразно разрешить им создание собственных краткосроч-

ных учебных модулей длительностью не более 40 академических часов без прохождения обязательных процедур согласования с Академией. Реализация данной меры потребует внесения соответствующих изменений в Приказ № 90 и Типовое положение о филиалах.

2. Внедрение практико-ориентированных кейс-методов в систему повышения квалификации государственных служащих. В качестве альтернативы преимущественно теоретическим занятиям по вопросам этики и управления целесообразно использовать анализ реальных ситуаций, возникающих в деятельности акиматов, при рассмотрении судебных споров и проведении контрольных мероприятий. Разработка таких кейсов может осуществляться при совместном участии действующих государственных служащих и преподавателей. Существенное значение имеет организация учебного процесса таким образом, чтобы слушатели не ограничивались восприятием информации, а были вовлечены в обсуждение, анализ проблемных ситуаций и выработку возможных вариантов решений.

3. Разработка гибких компетентностных моделей для различных категорий государственных служащих. Дифференциация требований к профессиональным компетенциям должна учитывать специфику выполняемых функций и уровень должностной ответственности. Представляется необходимым проведение градации программ повышения квалификации для руководящего состава, государственных служащих корпуса Б., всех категорий государственных служащих. К примеру, для акимов приоритетное значение имеют компетенции в области стратегического планирования, бюджетного менеджмента и взаимодействия с населением. Для уполномоченных по этике более актуальны навыки анализа конфликтных ситуаций, медиации и глубокое знание положений этического кодекса. В свою очередь, для ИТ-специалистов на государственной службе приоритетное значение приобретают профессиональные навыки в трёх основных областях: защита информационных систем, обработка и интерпретация больших массивов информации, а также руководство цифровыми проектами. Подобная дифференциация в подходах к подготовке кадров позволит сделать процесс обучения более целенаправленным и обеспечить его наибольшую согласованность с реальными задачами, стоящими перед разными категориями государственных служащих.

4. Целесообразно ввести для всех категорий чиновников обязательные ежегодные занятия по служебной этике. В программу таких занятий стоит включить разбор практических кейсов, связанных с типичными нравственными противоречиями: личная заинтересованность, влияющая на объективность решений, правила принятия даров, а также недопустимость применения должностных полномочий в частных интересах. Ключевой акцент необходимо сделать на практической отработке данных ситуаций и коллективном анализе допустимых вариантов действий в границах действующих этических норм. Проводить подобные тренинги имеет смысл силами не кадровых служб, а привлечённых внешних специалистов или профильных уполномоченных по вопросам этики, которые располагают соответствующими компетенциями и практическим опытом в этой области. Перенос тайских практик в Казахстан может столкнуться с культурными различиями. В Таиланде значительную роль играют неформальные сети и патернализм; попытка копирования моделей без учёта местной культуры может привести к отторжению. Кроме того, тайская система обучения в значительной степени ориентирована на английский язык и международный туризм, что менее актуально для большинства регионов Казахстана. Поэтому предлагаемые меры - оптимальная для казахстанской действительности форма адаптации.

Предложенные практические меры логически объединяются вокруг одного принципа - разграничения единого стандарта и региональной вариативности. Данный принцип может быть положен в основу институциональной модели, синтезирующей сильные стороны сравниваемых систем.

Авторская модель территориально адаптивной системы повышения квалификации. На основе выявленных в ходе сравнительного анализа сильных и слабых сторон тайской и казахстанской моделей предлагается синтетическая конструкция, получившая рабочее наименование «модель двойного ядра». Её суть заключается в нормативном разграничении

содержания обучения на инвариантную и вариативную части с одновременным перераспределением полномочий между центральным и региональным уровнями.

Инвариантное ядро (65–70% общего объёма) формируется центральным уполномоченным органом и включает базовые компетенции: нормативно-правовую грамотность, цифровые навыки, этические стандарты, основы стратегического планирования. Данная часть является единой для всех регионов и обязательной к освоению каждым государственным служащим. Вариативная периферия (30–35% объёма) разрабатывается и реализуется на региональном уровне - центрами компетенций, создаваемыми на базе филиалов Академии государственного управления либо региональных университетов. Содержание вариативной части определяется результатами ежегодного аудита дефицитных компетенций, проводимого местными исполнительными органами, и включает локальные кейсы, отраслевые модули, практикумы с участием действующих государственных служащих региона.

Механизмом, обеспечивающим функционирование модели, выступает принцип субсидиарности в сфере профессионального развития: полномочия по организации повышения квалификации передаются на тот уровень управления, где они могут быть реализованы с максимальной эффективностью. Центральный орган сохраняет за собой функции стратегического планирования, разработки инвариантного ядра, цифровой интеграции и контроля за конечными результатами обучения. Региональные подразделения вправе самостоятельно устанавливать организационные модели обучения, выбирать педагогические методики и формировать содержание вариативного компонента образовательных программ, не запрашивая на это предварительного одобрения центральных органов. В то же время на местном уровне реализуется значимая функция обратной связи, позволяющая своевременно выявлять и анализировать текущие управленческие пробелы в системе государственного администрирования, характерные для каждого конкретного региона.

Предлагаемая модель ориентирована на получение трёх взаимосвязанных эффектов. Первый из них заключается в сохранении целостности образовательного пространства при условии дифференцированного учёта особенностей социально-экономического и управленческого развития регионов. Второй эффект предполагает минимизацию расхождения между тематикой программ дополнительного профессионального образования и реальными профессиональными вызовами, с которыми сталкиваются государственные гражданские служащие в своей практической деятельности на региональном и муниципальном уровнях. Третий эффект выражается в уменьшении административной и методической нагрузки на центральные структуры за счёт делегирования части полномочий в сфере методического сопровождения региональным звеньям при условии сохранения контроля со стороны центрального органа за инвариантной составляющей содержания образования, что позволяет избежать рисков размывания единых требований и подходов.

Применимость описываемой модели ограничена выполнением трёх принципиальных требований: во-первых, существованием значимых межрегиональных различий в социально-экономическом положении; во-вторых, присутствием развёрнутой цифровой среды, способной обеспечить функционирование территориально распределённой системы подготовки кадров; в-третьих, институциональной подготовленностью региональных органов к принятию дополнительного объёма обязанностей и реализации расширенной функциональной повестки. Игнорирование хотя бы одного из перечисленных условий приводит к тому, что данная конфигурация утрачивает свои конкурентные свойства по сравнению с сугубо централизованным или полностью сетевым вариантом построения образовательного процесса.

Заключение

Как показали результаты предпринятого анализа, представляется возможным сделать несколько обобщений относительно того, какое влияние оказывает способность управленческих систем учитывать территориальные различия на результативность публичного администрирования.

Способность системы профессионального развития государственных служащих подстраиваться под социально-экономические, инфраструктурные и управленческие условия конкретных территорий, при этом не жертвуя едиными стандартами публичной службы, характеризуется в данном исследовании как территориальная адаптивность системы повышения квалификации. Указанное свойство предлагается рассматривать в качестве самостоятельной институциональной характеристики. В отличие от унифицированного подхода, ориентированного на одинаковые образовательные программы для всех территорий, территориально адаптивная модель исходит из того, что содержание обучения должно варьироваться в зависимости от реальных управленческих задач, возникающих на местах.

Влияние территориальной адаптивности на эффективность государственного управления реализуется через два основных институциональных механизма. Первый механизм - вовлечение региональных образовательных организаций в систему повышения квалификации, которые обладают более полной и актуальной информацией о локальных социально-экономических особенностях и, следовательно, способны адаптировать содержание образовательных программ к конкретным управленческим задачам территории. Вторым механизмом - формирование компетенций, непосредственно применимых в региональной практике, что сокращает разрыв между знанием и действием. Адаптивная система обучения способствует лучшим управленческим результатам потому, что государственный служащий после такого обучения быстрее распознаёт локальные риски, точнее применяет нормативные акты к местным условиям и эффективнее взаимодействует с гражданами и бизнесом с учётом их реальных запросов. Без территориальной адаптации даже регулярное и формально качественное обучение не гарантирует прироста эффективности на региональном уровне.

Сравнительный анализ тайской и казахстанской моделей показал, что высокая территориальная адаптивность тайской сетевой модели достигается за счёт децентрализации полномочий и вовлечения университетов Раджабхат, тогда как казахстанская централизованная модель обеспечивает единство стандартов и развитую цифровую инфраструктуру, но сталкивается с дефицитом учёта региональной специфики. При этом обе системы демонстрируют разрыв между формальными нормами и практикой их реализации: в Таиланде - через патронажные практики, в Казахстане - через недостаточную эффективность механизмов этического контроля.

Из выявленных закономерностей прямо вытекают направления совершенствования казахстанской системы. Поскольку территориальная адаптивность обеспечивается прежде всего автономией региональных структур в разработке содержания обучения, постольку необходимо расширение полномочий филиалов Академии государственного управления. Поскольку дефицит практико-ориентированности снижает прикладную ценность обучения, требуется внедрение кейс-методов на локальном материале. Поскольку унифицированные компетентностные модели не учитывают различия в функциональных задачах разных категорий служащих, необходима их дифференциация. Поскольку в обеих странах существует проблема имплементации этических норм, усиление этических тренингов с разбором конкретных дилемм становится обязательным элементом адаптивной системы. Таким образом, каждая из предложенных в статье рекомендаций представляет собой операционализацию выявленных в исследовании закономерностей территориальной адаптивности.

На основе сравнительного анализа разработана авторская «модель двойного ядра», в которой содержание обучения нормативно разделяется на инвариантную часть и вариативную периферию. Модель базируется на принципе субсидиарности, при котором полномочия передаются на максимально низкий из возможных уровней управления, а центральный орган сохраняет контроль за стратегическими параметрами и конечными результатами. Внедрение данной модели позволит сохранить единое образовательное пространство при одновременном учёте региональной специфики, сократить разрыв между содержанием обучения и реальными управленческими задачами на местах, а также снизить нагрузку на центральный аппарат. Границы применимости модели обусловлены необходимостью выраженной региональной

дифференциации, функционирующей цифровой инфраструктуры и институциональной готовности региональных структур к принятию дополнительных полномочий.

Результаты исследования подтвердили выдвинутую гипотезу о том, что тайская сетевая модель обладает более высокой территориальной адаптивностью, а казахстанская централизованная - более высоким уровнем унификации и цифровизации. Ни одна из моделей не является универсально эффективной, поэтому перспективным направлением выступает синтез их сильных сторон. Для Казахстана это означает расширение возможностей региональных филиалов, вовлечение региональных университетов в краткосрочные программы, развитие практико-ориентированных форм обучения и внедрение гибких компетентностных моделей при сохранении существующей цифровой инфраструктуры.

Вклад авторов

Тайторина Б.А.: разработка концепции и методологии исследования, постановка научной проблемы, формулирование цели и гипотезы исследования, анализ отечественной и зарубежной научной литературы, проведение сравнительного анализа систем повышения квалификации государственных служащих Таиланда и Казахстана, интерпретация результатов исследования, подготовка выводов и заключения.

Алимбетова А.Р. (корреспондирующий автор): сбор, систематизация и анализ материалов, разработка авторской модели территориально адаптивной системы повышения квалификации («модель двойного ядра»), формулирование практических рекомендаций по совершенствованию казахстанской системы профессионального развития государственных служащих, подготовка введения, оформление рукописи, списка литературы и координация публикационного процесса.

Информация о финансировании. Данная статья подготовлена в рамках гранта финансирования научных исследований Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан № BR 27195163 «Архитектоника трансформации организационной культуры государственной службы Казахстана».

Список использованной литературы:

1 Балгинова К.М., Ажаипова И.Ш. Анализ современного состояния государственной службы Республики Казахстан // *Вестник Актюбинского регионального университета имени К. Жубанова.* – 2025. – № 1 (79). – С. 3–12. – ISSN 2308-7205.

2 Жумагулов Е.Б., Абдрасилов Б.С., Майдилова А.Б. Система подготовки государственных служащих в Республике Казахстан: опыт, проблемы и перспективы. – Астана: Академия государственного управления при Президенте РК, 2023. – 208 с. – ISBN 978-601-7587-12-9.

3 Chantavanich S., Vungsiriphisal P., Chantavanich S. *Civil Service System and Human Resource Development in Thailand.* – Bangkok: NIDA Press, 2019. – 278 p. – ISBN 978-616-8015-12-6.

4 *Competency Model of Governance in Thailand.* – Bangkok: Office of the Civil Service Commission, 2008. – 58 p. (официальный документ OCSC)

5 Dharmasakii C. *OCSC Campus: Nurturing Happiness in the Workplace. A Case Study of Well-Being Initiatives for a Healthy Workforce* // *Zenodo.* – 2024. – DOI: 10.5281/zenodo.10884521.

6 Intarakamhang U., Kittipichai W., Hanpachern C., Kuljittiprasit P. *Success results of high performance and potential system (HiPPS) administration of thai government departments* // *Asian Social Science.* – 2011. – Vol. 7, No. 5. – P. 42–52. – DOI: 10.5539/ass.v7n5p42. – Scopus.

7 Thammaboosadee S., Bunyasit U., Khiawjan S. *The Development of Competency-Based Training Model for Local Administrators in Rajabhat Universities* // *Kasetsart Journal of Social Sciences.* – 2021. – Vol. 42, No. 3. – P. 512–519. – DOI: 10.34044/j.kjss.2021.42.3.09. – Scopus.

8 Майдилова А.Б. *Применение компетентностного подхода в обучении государственных служащих Республики Казахстан* // *Public Administration and Civil Service.* – 2013. – № 4. – С. 44–48. – ISSN 1994-2370.

9 Абдрасилов Б. *Новые подходы к обучению государственных служащих* // *Public*

Administration and Civil Service. – 2016. – № 2. – С. 4–10. – ISSN 1994-2370.

10 Khamzina Z., Burbayev Y., Tileubergenov Y. Institutionalizing integrity: rethinking ethical and cultural standards in Kazakhstan's civil service // *Frontiers in Political Science*. – 2025. – Vol. 7. – 1573608. – DOI: 10.3389/fpos.2025.1573608. – Scopus Q2.

11 OECD. *Strengthening Integrity Standards and Building a Culture of Integrity in Kazakhstan: OECD Integrity Review of Kazakhstan*. – Paris: OECD Publishing, 2025. – 98 p.

12 *Civil Service Act*, B.E. 2551 (2008). – Bangkok: Government Gazette, Vol. 125, Part 44 A, 2008. – 124 p.

13 Office of the Civil Service Commission (OCSC). *Strategic Plan for Civil Service Development B.E. 2566–2570 (2023–2027)*. – Bangkok: OCSC, 2024. – 112 p. (официальный документ OCSC) – [Электрон.ресурс]– URL: <https://www.ocsc.go.th/en/home> (дата обращения: 10.04.2026).

References:

1 Balginova K.M., Azhaipova I.S.H. Analiz sovremennogo sostoyaniya gosudarstvennoj sluzhby Respubliki Kazahstan // *Vestnik Aktyubinskogo regional'nogo universiteta imeni K. ZHubanova*. – 2025. – № 1 (79). – С. 3–12. – ISSN 2308-7205.

2 Zhumagulov E.B., Abdrasilov B.S., Majdirova A.B. *Sistema podgotovki gosudarstvennyh sluzhashchih v Respublike Kazahstan: opyt, problemy i perspektivy*. – Astana: Akademiya gosudarstvennogo upravleniya pri Prezidente RK, 2023. – 208 s. – ISBN 978-601-7587-12-9.

3 Chantavanich S., Vungsiriphisal P., Chantavanich S. *Civil Service System and Human Resource Development in Thailand*. – Bangkok: NIDA Press, 2019. – 278 p. – ISBN 978-616-8015-12-6.

4 *Competency Model of Governance in Thailand*. – Bangkok: Office of the Civil Service Commission, 2008. – 58 p. (официальный документ OCSC)

5 Dharmasakii C. *OCSC Campus: Nurturing Happiness in the Workplace. A Case Study of Well-Being Initiatives for a Healthy Workforce* // Zenodo. – 2024. – DOI: 10.5281/zenodo.10884521.

6 Intarakamhang U., Kittipichai W., Hanpachern C., Kuljittiprasit P. Success results of high performance and potential system (HiPPS) administration of thai government departments // *Asian Social Science*. – 2011. – Vol. 7, No. 5. – P. 42–52. – DOI: 10.5539/ass.v7n5p42. – Scopus.

7 Thammaboosadee S., Bunyasit U., Khiawjan S. *The Development of Competency-Based Training Model for Local Administrators in Rajabhat Universities* // *Kasetsart Journal of Social Sciences*. – 2021. – Vol. 42, No. 3. – P. 512–519. – DOI: 10.34044/j.kjss.2021.42.3.09. – Scopus.

8 Majdirova A.B. *Primenenie kompetentnostnogo podhoda v obuchenii gosudarstvennyh sluzhashchih Respubliki Kazahstan* // *Public Administration and Civil Service*. – 2013. – № 4. – С. 44–48. – ISSN 1994-2370.

9 Abdrasilov B. *Novye podhody k obucheniyu gosudarstvennyh sluzhashchih* // *Public Administration and Civil Service*. – 2016. – № 2. – С. 4–10. – ISSN 1994-2370.

10 Khamzina Z., Burbayev Y., Tileubergenov Y. Institutionalizing integrity: rethinking ethical and cultural standards in Kazakhstan's civil service // *Frontiers in Political Science*. – 2025. – Vol. 7. – 1573608. – DOI: 10.3389/fpos.2025.1573608. – Scopus Q2.

11 OECD. *Strengthening Integrity Standards and Building a Culture of Integrity in Kazakhstan: OECD Integrity Review of Kazakhstan*. – Paris: OECD Publishing, 2025. – 98 p.

12 *Civil Service Act*, B.E. 2551 (2008). – Bangkok: Government Gazette, Vol. 125, Part 44 A, 2008. – 124 p.

13 Office of the Civil Service Commission (OCSC). *Strategic Plan for Civil Service Development B.E. 2566–2570 (2023–2027)*. – Bangkok: OCSC, 2024. – 112 p. (официальный документ OCSC) – [Электрон.ресурс]– URL: <https://www.ocsc.go.th/en/home> (дата обращения: 10.04.2026).

**АЗАМАТТЫҚ ҚҰҚЫҚ ЖӘНЕ ПРОЦЕСС.
ЕҢБЕК ҚҰҚЫҒЫ. БІЛІМ БЕРУ ҚҰҚЫҒЫ
ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС. ТРУДОВОЕ ПРАВО.
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРАВО
CIVIL LAW AND PROCESS. LABOR LAW. EDUCATIONAL LAW**

IRSTI 10.63.01
UDC 349.2

<https://doi.org/10.51889/2959-6181.2026.84.2.006>

D.S.Baisymakova^{1*} , *D.Zh.Belkhozhayeva*¹

¹ *Abai Kazakh National Pedagogical University*
(e-mail: * baisymakovadana@gmail.com, dinar_15@list.ru)

**CONTEMPORARY CONCEPTS OF LAW ENFORCEMENT IN THE CONTEXT
OF MODERNIZING LABOR RELATIONS THEORY**

Abstract

In the current era of digitalisation, enhancing the efficiency of legal regulation of employment relations and its application in practice is a pressing issue for legal scholarship and practice. This article analyzes modern concepts of legal application in the context of reviving the theory of labor relations. The author examines the essence and functions of the application of law and the main directions for improving the normative and legal framework in the labor sphere. The purpose of the study is to re-evaluate the mechanisms for the legal regulations of labor in the context of globalization, digitalization, remote, and platform work, and to rethink the subject matter and methodological foundations of labor law. The study comprehensively discusses the evolution of labor law, new forms of employment relationships in the digital economy (remote work, hybrid work models, platform work), and the specific features of their legal regulation. It is also based on the need to reconsider alternative dispute resolution mechanisms for labor disputes and the role of law-applying bodies. The article examines integrative, pragmatic, and human-centered approaches as modern concepts of legal application. These approaches are aimed at ensuring social justice in labor relations and increasing the effectiveness of labor law.

Key words: labor law, legal application, theory of labor relations, organization of labor doctrine, labor market, social partnership, digital economy.

Д.С. Байсымакова¹, Д.Ж. Белхожаева¹

¹*Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті*

**ЕҢБЕК ҚАТЫНАСТАРЫ ТЕОРИЯСЫН ЖАҢҒЫРТУ КОНТЕКСТІНДЕГІ ҚҰҚЫҚ
ҚОЛДАНУДЫҢ ЗАМАНАУИ ТҰЖЫРЫМДАМАЛАРЫ**

Аңдатпа

Қазіргі кезеңде еңбек құқығы мен еңбек қатынастарын реттеу саласында құқық қолдану практикасының тиімділігін арттыру өзекті мәселелердің бірі болып отыр. Бұл мақалада еңбек қатынастары теориясын жаңғырту контекстінде құқық қолданудың заманауи тұжырымдамалары талданады. Автор құқық қолдану қызметінің мәнін, функцияларын және еңбек саласындағы нормативтік-құқықтық базаны жетілдірудің негізгі бағыттарын қарастырады. Зерттеудің мақсаты жаһандану, цифрландыру, қашықтан және платформалық жұмыс жағдайында еңбекті құқықтық реттеу тетіктерін жаңаша бағалап, еңбек құқығының пәні мен әдіснамалық негіз-

дерін қайта пайымдау. Зерттеуде еңбек құқығының эволюциясы, цифрлық экономика жағдайындағы еңбек қатынастарының жаңа нысандары (қашықтан жұмыс, гибриді еңбек моделі, платформа еңбегі) және оларды құқықтық тұрғыдан реттеу ерекшеліктері жан-жақты талқыланады. Сондай-ақ еңбек дауларын шешудің баламалы тетіктері мен құқық қолданушы органдардың рөлін қайта қарау қажеттілігіне негізделеді. Мақалада құқық қолданудың заманауи концепциялары ретінде интегративтік, прагматикалық және адамға бағдарланған тәсілдер қарастырылады. Бұл тәсілдер еңбек қатынастарының әлеуметтік әділеттілігін қамтамасыз етуге және еңбек құқығының тиімділігін арттыруға бағытталған.

Түйін сөздер: еңбек құқығы, құқық қолдану, еңбек қатынастары теориясы, еңбек қызметін ұйымдастыру, еңбек доктринасы, еңбек нарығы, әлеуметтік әріптестік, цифрлық экономика.

Д.С.Байсымакова¹, Д.Ж.Белхожаева¹

¹Казахский национальный педагогический университет им. Абая

СОВРЕМЕННЫЕ КОНЦЕПЦИИ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ МОДЕРНИЗАЦИИ ТЕОРИИ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация

В современных условиях повышение эффективности правоприменительной практики в сфере трудового и регулирования трудовых отношений является одной из наиболее актуальных проблем. В данной статье в контексте модернизации теории трудовых отношений анализируются современные концепции правоприменения. Автор рассматривает сущность и функции правоприменительной деятельности, а также основные направления совершенствования нормативно-правовой базы в сфере труда.

Цель исследования заключается в новом осмыслении механизмов правового регулирования труда в условиях глобализации, цифровизации, дистанционной и платформенной занятости, а также в переоценке предмет и методологических основ трудового права. В работе всесторонне анализируются эволюция трудового права, новые формы трудовых отношений в условиях цифровой экономики (дистанционная работа, гибридная модель труда, платформенная занятость) и особенности их правового регулирования. Кроме того, обосновывается необходимость пересмотра альтернативных механизмов разрешения трудовых споров и роли органов, осуществляющих правоприменение. В статье рассматриваются такие современные концепции правоприменения, как интегративный, прагматический и человекоориентированный подходы. Указанные подходы направлены на обеспечение социальной справедливости в сфере трудовых отношений и повышение эффективности трудового права.

Ключевые слова: трудовое право, правоприменение, теория трудовых отношений, организация трудовой деятельности, трудовая доктрина, рынок труда, социальное партнёрство, цифровая экономика.

Introduction

The development of the labor relations system is closely linked to socio-economic changes, the expansion of digitalization processes, the establishment of flexible forms of employment in the labor market, and the emergence of new models for organizing labor activities [1]. These processes objectively require a rethinking of the content of labor relations, the modernization of traditional concepts of labor law theory, and the identification of effective mechanisms for implementing labor legislation through legal application practice.

Global digital-technological changes have significantly impacted the labor market, increasing the need to improve stable legal mechanisms for regulating labor relations. Current labor legislation has gaps in regulating digital remote work and platform work conditions, demonstrating its inability to effectively protect the labor-social interests and guarantees of platform workers and employers [2].

Accordingly, the legal regulation of new forms of employment relationships is becoming increasingly important, as current employment relationships encompass employment structures through labor intermediation and digital platforms rather than the traditional model.

The expansion of digitalization and remote work formats intensifies the differentiation of legal regulation of labor relations and requires adapting the legal system in the labor field to new social and technological realities [3]. Accordingly, new forms of self-employment are being introduced into the scope of labor law primarily through case law; however, this mechanism is insufficient for the comprehensive legal regulation of relationships between entrepreneurs and individuals who utilize their own labor. The impossibility of adapting platform work to the traditional, unified model of employment relations [4], such as well as the insufficient practical regulation of the legal status of self-employed individuals and entrepreneurs, highlights the need to develop updated approaches to the legal regulation of employment relations and forms of employment in an expanded sense.

In this regard, the widespread application of the social partnership institution has significantly expanded the scope of new forms of employment relationships. Consequently, a question arises as to which branch of law governs these forms of employment relationships that emerge in the context of digitalization. Because although the concept of social partnership has long been used in a broad sense in normative legal acts, its content is only now being clearly defined at the constitutional level [5]. In this regard, although labor law formally lies outside the traditional boundaries of its subject matter, it is appropriate for the Labor Code of the Republic of Kazakhstan¹ to assume the task of legal regulation of labor relations by enacting the relevant provisions.

Materials and methods

As research material, the labor legislation of the Republic of Kazakhstan (the Labor Code, the constitutional provisions on labor), the Supreme Court's normative resolutions and case law, as well as domestic and foreign scientific literature on the theory of labor relations, were used. In addition, the study examined the application of the law to new forms of employment, such as platform work, remote work, and self-employment.

Results and discussion

Based on the historical context, Roman private and public law evolved as interrelated components of law, adapting to the continuous changes in society and the economy, this experience played a decisive role in the formation of the subsequent European legal tradition and the continental legal system. Within this continuity, labor law has also maintained the principle of adaptability, continuously renewing itself to correspond with labor relations transformed by industrialization and digitalization. Therefore, viewing modern labor law as a dynamic and flexible field requires the systematic renewal of its subject matter, methods, and principles to align with changed labor processes.

Industrialization and the deep division of labor significantly influenced the structure of the legal system, shaping a labor model characterized by a specialized workforce in line with new models of production, where each worker is confined to a specific function in the production chain. These socio-economic transformations have complicated private and public law institutions, extending the scope of legal regulation beyond traditional sectoral boundaries. As a result, independent fields such as criminal and administrative law were separated from public law. The humanization of society and technological advancement has triggered evolutionary and, to some extent, revolutionary processes aimed at renewing the internal structure of law and changing the nature of its branches.

---

¹ Қазақстан Республикасының 2015 жылғы 23 қарашадағы № 414-V Еңбек Кодексі (2025.16.09. берілген өзгерістер мен толықтырулармен). Сілтеме арқылы қол жетімді: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=348389 (жүзінген күні: 25.11.2025)

The complexity of production and public organizations has led to the emergence of new adaptation mechanisms in the legal system, and in private law this process has been manifested primarily through the autonomization of the institution of liability. Specifically, this type of work activity gives rise to the need to strengthen the strict (objective) liability model which does not require establishing fault for harm caused by high-risk sources and to incorporate it into the legal regulatory framework. In addition, societal changes associated with digitalization, it also highlights the need for further development of remote work platforms in the field of labor law, their recognition as an independent institution in legal practice, and a clear definition of their place within the legal system.

The new organizational models of employment emerging in today's labor market have necessitated special legal regulation of labor relations. This, in turn, strengthened the regulatory convergence of various legal fields and led to a clarification of the new forms of regulation for labor relations. Consequently, it became clear that regulating labor platforms using only traditional labor law methods is insufficient. This is because regulating such relationships outside of traditional sectoral principles risks undermining the internal coherence and harmony of the legal system. Therefore, in order to effectively and systematically regulate the social relations based on the division of labor and collective labor processes defined by the employer, modern labor law has emerged as an independent branch of law of a mixed private-public nature, thus, legal regulation has become an adapted model that takes into account the complexity of labor relations and the interests of its various subjects [6; 7].

Among the new fields of law, labor law was one of the first to be complex and synthetic in nature, inherently combining elements of public and private law. However, in the initial stage, although the content of the aforementioned relations was classified as public (administrative) law, the “Industrial Labor Code” The adoption of the Charter² on Industrial Labor demonstrated that their private legal characteristics had also been established. Subsequently, in line with the demands of the times, labor law developed as an integral part of civil law, and labor relations came to be regulated through employment contracts. Although this contract was initially considered a typical civil transaction, the social nature of the labor process and the worker’s special legal status compelled its recognition as an independent legal institution. Thus, labor law, which originated an civil law, became an independent branch of law, distinguished by its own principles and methods of regulation [8].

The origins of labor law as an independent field date back to the 1918 RSFSR Labor Code and the 1922 labor legislation. The importance of regulating labor relations led to systematic improvements in legislation, and as a result of the 1948 codification, N.G. Aleksandrov scientifically substantiated labor law as an independent branch of law [9]. The employment relationship is founded on the employment contract, which ensures employees' obedience to employers, and in this process, methods of state administration are combined with private law instruments.

Thus, the complexity of regulating labor relations remains relevant today, and digitalization cannot alter the conceptual essence of their legal regulation. Although in foreign labor law employment relationships are not considered an independent legal subject, it has been determined that they are specifically regulated through the employment contract. Therefore, doctrinal analysis is aimed at improving the legal mechanisms for regulating employment relationships solely on the basis of an employment contract. Thus, legal analysis is primarily directed at the legal mechanisms of the employment contract. From a scientific standpoint, the theoretical study of the legal nature of employment relationships has shown that analysis of the legal role of the employment contract is not sufficient and has highlighted the need to interpret employment relationships as a stable yet evolving legal system [10]. In studies in this area, while the employment contract is viewed as a relatively stable, static legal model, labor relations are dynamic, influenced by the socio-economic context and

---

² *Свод законов Российской империи. Том одиннадцатый. Часть II. Уставы кредитный, торговый, о промышленности фабричной и заводской, и устав ремесленный. Сілтеме арқылы қол жетімді: <https://runivers.ru/upload/iblock/c1> (жүгінген күн: 28.11.2025)*

the practice of law application, a dynamic, complex secondary legal system, which allows for the theoretical integrity of the subject of labor law to be ensured.

Over the past several decades, systematic research has been conducted in labor law scholarship to analyze the theoretical foundations of labor relations, among which foundational monographic works hold a special place [11]. At the turn of the century, the continuation of these scientific inquiries clearly demonstrated that the theory of labor relations is of great importance not only from a doctrinal standpoint but also for the practice of law application [12]. In the works of researchers, labor relations are characterized by their internal unity in terms of their legal nature and content, it is argued that unified employment relations constitute an independent type of normative rules play a leading role as the primary tool of legal regulation.

According to scholars' scientific viewpoints, the concept of regulating labor relations based on contractual regulation has emerged as an effective model, and its principles remain theoretically relevant even today [13].

Labor relations are not limited solely to employment contracts (they can also arise from election acts, artel organizations, etc.) [14]. Despite the fact that employment relations may arise through other organizational-legal forms, the theory of a single and indivisible employment relationship has long been maintained as a dominant dogmatic proposition in labor law scholarship. Alternative, theoretical approaches aimed at substantiating the complex of independent employment relationships did not gain wide support in the scientific community and remained marginal. Although the Employment Code of the Republic of Kazakhstan (Article 21) establishes that employment relationships arise through various legal grounds, the main principles of the unified theory have not lost their significance, which also contributed to the formation of separate structural chapters regulating individual types of employment activities.

The conceptual positions [15] on the need for special procedural mechanisms to implement the material norms of labor law, as formulated by V.N.Skobelkin, were further developed in Kazakhstani labor law doctrine. In particular, in J.A.Khamsina's works, the legal regulation of labor relations is not limited to the system of material norms but is viewed as an organic whole with the procedural and legal-application mechanisms that ensure their implementation and protection [16]. The scholar notes that the effective protection of the rights and legitimate interests of labor subjects requires the strengthening of procedural elements within the internal structure of labor law, he assesses this process as a legitimate stage in the evolutionary development of the labor law system. In this regard, the interconnection of the substantive and procedural foundations of labor law allows it to be characterized as a unified, multi-level legal system, which is V.N. Skobelkin proposed attests to the continuity of the theoretical principles in the contemporary Kazakh legal reality.

N.G. Alexandrov and V.N. Skobelkin studied labor-legal relations within various theoretical and methodological paradigms: N.G. Alexandrov, having constructed an abstract-dogmatic model, regarded the deviations arising from it as empirical data confirming the viability of the conceptual model, V.N. Skobelkin, in his theoretical framework, treated general rules and individual specifics on an equal footing, prioritizing the concrete mechanisms for the imolementation of legal norms. According to these distinctions, while the first is primarily concerned with normative constructs, the second is directed at analyzing the implementation process of labor relations, including their procedural and administrative aspects. As a result, these theories are classified as static and dynamic models, respectively.

Today, there is no objectively discernible practical need to further strengthen the theory of integrated and invisible labor-legal relations. However, while labor law remains an independent discipline, it interacts with other areas of law and further clarifies the legal nature of other relationships that fall within the scope of labor relations [9]. Although fundamental theoretical debates regarding the autonomy of the field are not significantly observed in contemporary labor law scholarship. There is no doubt that it continues to function as an independent branch of law, combining elements of private and public law, with its own subject matter and methods of legal regulation. This situation is primarily explained by the persistence of phenomenon of dependent

labor, as it is this phenomenon that ensures the social and legal relevance of labor law norms. In our opinion, the loss of legal significance of dependent labor would only be possible as a result of a fundamental transformation of the technological structure, that is, due to the change in production relations and the organization of society; In such a situation, the traditional regulatory function of labor law norms would also objectively be eliminated.

In this context, supplementing N.G. Alexandrov's theory of unified labor-legal relations with V.N. Skobelkin's procedural-process doctrine is scientifically justified [17]. In particular, given that the number of labor contracts is no less than that civil-law contracts, it is appropriate to focus the analysis not on their characteristics but on their distinct types: the classic industrial employment contract, the employment contract in professional sports, the seasonal employment contract, as well as executive and platform contracts coexist and are of equal significance in legal circulation. On this principle, the Alexandrov-Skobelkin theory can be developed as an independent and dynamic legal system that presents the diversity of unified labor-law relationships as an open list. This approach not only covers non-contractual grounds – such as mandatory labor discipline – but also does not limit the process of deriving specific legal ties from the unified relationship solely to its transformation into a civil-law relationship, as is often the case in the Republic of Kazakhstan Labor Code [6] supplements this with the possibility of transitioning to a broadly regulated employment contract.

The demands of today require extensive theoretical and practical research into the new nature of labor relations. This is particularly aimed at examining new forms of employment namely platform work, self-employment, and worker dependence on employers that have emerged and become deeply integrated into society as a result of digitalization. Current labor law was primarily established as legal regulatory framework for the labor of worker collectives in industrial enterprises, offering effective mechanisms for protecting the weaker party in a context of relative stability [19]. Accordingly, the provisions of labor legislation should be aimed at broadly regulating new forms of employment. This, in particular, requires clarifying the legal mechanisms for protecting the labor of platform workers, ensuring their social insurance coverage, and applying the social partnership institution in regulating labor relations. Furthermore, it is important to establish the labor-social guarantees for the subjects of these employment relationships. For example, the 2021 European Social Rights Action Plan and the directive on improving conditions for platform work³ aims to legally recognize the employment relationships that have emerged as a result of digital transformation and to ensure their social guarantees. These documents clearly define the criteria for workers status and introduce new mechanisms to ensure the legal protection of platform workers.

Conclusion

Based on the results of the study of the evolution of modern labor relations and their theoretical foundations, the following important conclusions can be drawn. First, combining, N.G. Alexandrov's theory of unified labor relations and V.N. Skobelkin's procedural doctrine, it can be said that the subject of labor law is not limited to the sphere of classical industrial labor relations. The subject of labor law can be expanded by including new and potential forms of labor relations. Skobelkin's procedural doctrine, it can be said that the subject of labor law is not limited to the sphere of classical industrial labor relations. The subject of labor law can be expanded to include new and potential forms of employment, such as platform work, self-employment, and work dependent on a single employer. The fundamental characteristics of labor legal relations – the phenomenon of dependent labor – maintains the relevance of industry-specific norms and provides an integrative, autonomous, and dynamic mechanism for legal regulation.

---

³ Proposal for a Directive of the European parliament and of the council on improving working conditions in platform work. Сілтеме арқылы қол жетімді: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:52021PC0762> (жүзінген күні: 06.12.2025)

Secondly, as research has shown, labor law institutions must extend to new forms of employment without losing their essence, while at the same time acting as a legal “donor” for other areas of law. Therefore, labor safety and protection, as well as the social insurance mechanisms for entities, must be legally guaranteed. To strengthen the social partnership institution in protecting platform labor relations participants, the provisions of labor legislation need to be further refined. This approach will ensure the adaptation of labor law in Kazakhstan from an industrial model to the conditions of digital transformation.

Thirdly, the case concerning European social rights -relying on the Action Plan on European Social Rights and the Directive on improving platform working conditions, it is important to legally recognize the new nature of employment relationships in international practice and to ensure their social guarantees. These documents constitute an important methodological basis for standardizing the legal regulation of new forms of employment and protecting the status of workers.

In conclusion, it should be noted that revising the existing doctrine of labor law and the theory of labor legal relations, expanding the scope of application of this discipline, and creating a legal framework for regulating new forms of employment remain relevant issues for both science and practice. This approach allows for a comprehensive understanding of labor relations, the effective implementation of the social function of legal norms, and the preservation of the stability of labor law in Kazakhstan, while maintaining the autonomy and relevance of discipline.

Authors' contributions

Baisymakova D.S. - He made a significant contribution to the development of the research concept, the analysis of issues concerning the renewal of labour law theory, and the systematisation of the theoretical foundations of legal practice.

Belkhozhayeva D.Zh. - Contributed to the development of the article's scholarly apparatus (literature review, methodological basis), the editing of the text, and the formatting of the research results, and helped to formulate the concluding recommendations.

References:

1 Черных Н.В. Трансформация труда как объекта общественных отношений и распространение нетипичных форм занятости //Актуальные проблемы российского права. - 2023. - Т. 18. - №. 12 (157). - С. 104-113.

2 Nekrosius I. *Labour Law: Present and Perspectives //Labour and Social Security Law in the XXI Century: Challenges and Perspectives/T. Davulis, D. Petrylaite.* - Vilnius. - 2007. - С. 49 - 56.

3 Kaishatayeva A.K., Bayazitova R.T. Қазақстанда қашықтықтан еңбекті дамыту жолында: заңнамалық мүмкіндіктердің тиімділігі // BULLETIN of LN Gumilyov Eurasian National University Law Series. - 2023. - Т. 143. - №. 2. - С. 135-148. DOI: <https://doi.org/10.32523/2616-6844-2023-143-2-135-148>

4 Чуча С.Ю. Правовое регулирование дистанционной (удаленной) работы: вопросы теории и практики (обзор «круглого стола») // Государство и право. - 2021. - №. 4. - С. 155 - 160.

5 Бабурин С.Н. Конституционализация социального партнерства во имя устойчивого развития современного мира // Глобальный диалог о целях устойчивого развития: правовое измерение. - 2020. - С. 24-29.

6 Таль Л.С. Трудовой договор: цивилистическое исследование // М.: Статут. - 2006. - Т. 539.

7 Александров Н.Г. Трудовое правоотношение. - М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. - 336 с.

8 Нурмагамбетов А.М. Дискриминация в сфере труда и обязанности сторон трудовых и непосредственно связанных с ним отношений. // Вестник Института законодательства и правовой информации РК. - 2024.- № 1 (76). - С. 98-105.

9 Апахаев Н.Ж., Тлеуов Т.М. Трудовое право Республики Казахстан: учебник. - Алматы, 2018. - 224 с.

10 Кайшатаева А.К. Стандарты в трудовых правоотношениях: некоторые аспекты теоретико-правового анализа. Сілтеме арқылы қол жетімді: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35159929&pos=6; (жүзінген күні: 28.11.2025).

11 Раманкулов К.С. Трудовое правоотношение как правовая структура //Актуальные проблемы российского права. - 2015. - №. 1. - С. 88-94.

12 Иванов С.А. Трудовое право: энциклопедический справочник. - М., 1979. - 108 с.

13 Скобелкин В.Н. Обеспечение трудовых прав рабочих и служащих: Нормы и правоотношения. - Юрид. лит., 1982. - 207 с.

14 Хамзина Ж.А. Трудовое право Республики Казахстан. Общая и Особенная части: учебник. - А.: -2014. - 416 с.

15 Скобелкин В.Н. и др. Трудовое процедурно-процессуальное право. - Воронеж, 2002. - 504 с.

16 Дзюбак А.В. и др. Обзор «круглого стола» на тему «Актуальные проблемы правового регулирования отношений в сфере спорта» // Государство и право. - 2021. - №. 6. - С. 205-208.

17 Нурғалиева Е.Н., Толеуханова Д.Б. Проблемы новой модели труда на цифровой платформенной основе. // Вестник Евразийской юридической академии имени Д. А. Кунаева. - №1. - 2023. - с.68 - 75.

References:

1 Chernyh N.V. Transformacija truda kak objekta obshhestvennyh otnoshenij i rasprostranenie netipichnyh form zanjatosti // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. - 2023. - T. 18. - №. 12 (157). - S. 104-113.

2 Nekrosius I. Labour Law: Present and Perspectives // Labour and Social Security Law in the XXI Century: Challenges and Perspectives /T. Davulis, D. Petrylaite. - Vilnius. - 2007. - S. 49-56.

3 Kaishatayeva A.K., Bayazitova R.T. Қазақстанда қашықтықтан еңбекті дамыту жолында: заңнамалық мүмкіндіктердің тиімділігі // BULLETIN of LN Gumilyov Eurasian National University Law Series. - 2023. - T. 143. - №. 2. - S. 135-148. DOI: <https://doi.org/10.32523/2616-6844-2023-143-2-135-148>

4 Chucha S.Ju. Pravovoe regulirovanie distancionnoj (udalenoj) raboty: voprosy teorii i praktiki (obzor «kruglogo stola») // Gosudarstvo i pravo. - 2021. - №. 4. - S. 155-160.

5 Baburin S.N. Konstitucionalizacija social'nogo partnerstva vo imja ustojchivogo razvitija sovremennogo mira // Global'nyj dialog o celjah ustojchivogo razvitija: pravovoe izmerenie. – 2020. – S. 24-29.

6 Tal' L.S. Trudovoj dogovor: civilisticheskoe issledovanie //M.: Statut. - 2006. - T. 539.

7 Aleksandrov N.G. Trudovoe pravootnoshenie. - M.: Jurid. izd-vo MJu SSSR, 1948. - 336 s.

8 Nurmagambetov A.M. Diskriminacija v sfere truda i objazannosti storon trudovyh i neposredstvenno svjazannyh s nim otnoshenij. // Vestnik Instituta zakonodatel'stva i pravovoj informacii RK. -2024.- № 1 (76). - S. 98-105.

9 Apahaev N.Zh., Tleuov T.M. Trudovoe pravo Respubliki Kazahstan: uchebник. - Almaty, 2018. - 224 с.

10 Kajshataeva A.K. Standarty v trudovyh pravootnoshenijah: nekotorye aspekty teoretiko-pravovogo analiza. Silteме арқылы қол жетімді: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35159929&pos=6; (zhыgingen kyні: 28.11.2025).

11 Ramankulov K.S. Trudovoe pravootnoshenie kak pravovaja struktura // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. - 2015. - №. 1. - S. 88-94.

12 Ivanov S.A. Trudovoe pravo: jenciklopedicheskij spravochnik. - M., 1979. - 108 s.

13 Skobelkin V.N. Obespechenie trudovyh prav rabochih i sluzhashhih: Normy i pravootnoshenija. – Jurid. lit., 1982. - 207 s.

14 Hamzina Zh.A. Trudovoe pravo Respubliki Kazahstan. Obshhaja i Osobennaja chasti: uchebник. - A.-2014.- 416 s.

15 Skobelkin V.N. i dr. *Trudovoe procedurno-processual'noe pravo*. – Voronezh, 2002. - 504 s.

16 Džjubak A.V. i dr. *Obzor «kruglogo stola» na temu «Aktual'nye problemy pravovogo regulirovanija otnoshenij v sfere sporta» // Gosudarstvo i pravo*. - 2021. - №. 6. - S. 205 - 208.

17 Nurgalieva E.N., Toleuhanova D.B. *Problemy novoj modeli truda na cifrovoj platformennoj osnove. // Vestnik Evrazijskoj juridicheskoj akademii imeni D. A. Kunaeva*. - №1. - 2023. - s.68-75.

IRSTI 10.87.91; 10.79.31; 10.27.25

<https://doi.org/10.51889/2959-6181.2026.84.2.007>

UDC 342.7:614.2:341.231.14

K.U. Umarova^{1*} , A.B. Gulimov¹

¹ *Karakalpak State University named after Berdakh*
(e-mail: *Karlighash1255@mail.ru, Gamanlik75@mail.ru)

ENVIRONMENTAL HEALTH LAW IN POST-SOVIET CENTRAL ASIA: LESSONS FROM THE ARAL SEA CRISIS FOR INTERNATIONAL PATIENT RIGHTS PROTECTION

Abstract

The Aral Sea environmental catastrophe has created one of the world's most severe public health crises, affecting approximately 35 million people across Central Asia. Yet despite extensive documentation of the health consequences – elevated rates of respiratory diseases, cancers, anemia, and infant mortality – scholarly attention to the legal frameworks governing healthcare delivery and patient rights protection in disaster-affected communities remains limited. This article examines the legal regulation of patient rights in environmental disaster zones, using the Aral Sea region as a case study. It assesses the extent to which Uzbekistan's healthcare legislation complies with international standards established by the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights, General Comment No. 14's AAAQ framework (availability, accessibility, acceptability, and quality), the WHO Patient Safety Rights Charter, and the European Charter of Patients' Rights.

The analysis reveals significant gaps between international standards and domestic implementation. Uzbekistan's healthcare regulatory framework suffers from extraordinary fragmentation, with 76 laws and over 400 bylaws creating legal uncertainty. Civil law regulation of medical services remains inadequate, and the virtual absence of publicly accessible judicial practice in medical disputes indicates a profound failure of accountability mechanisms.

The article concludes with recommendations for legislative codification, institutional reform, and targeted interventions for the Aral Sea region, offering broader lessons for international health law in addressing environmental health emergencies worldwide.

Key words: Right to health, Patient rights, Environmental health, Aral Sea, Healthcare legislation.

К.У. Умарова¹, А.Б. Гулимов¹

¹Бердақ атындағы Қарақалпақ мемлекеттік университеті

ПОСТКЕҢЕСТІК ОРТАЛЫҚ АЗИЯДА ДЕНСАУЛЫҚ САҚТАУДЫҢ ЭКОЛОГИЯЛЫҚ ҚҰҚЫҒЫ: ПАЦИЕНТТЕРДІҢ ҚҰҚЫҚТАРЫН ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚОРҒАУҒА АРНАЛҒАН АРАЛ ДАҒДАРЫСЫНЫҢ САБАҚТАРЫ

Аңдатпа

Арал теңізінің экологиялық апаты әлемдегі ең ауыр қоғамдық денсаулық сақтау дағдарыстарының бірін туындатып, Орталық Азия бойынша шамамен 35 миллион адамға әсер етті. Денсаулыққа тигізген зардаптары - тыныс алу мүшелерінің ауруларының, қатерлі ісіктердің, анемияның және сәбилер өлімінің жоғары деңгейлері - кеңінен құжатталғанымен, апат әсер еткен қауымдастықтардағы медициналық көмек көрсету мен пациенттер құқықтарын қорғаудың құқықтық негіздерін реттейтін шеңберлер ғылыми әдебиетте әлі де жеткіліксіз зерттелген.

Бұл мақалада Арал өңірі мысалында экологиялық апат аймақтарындағы пациент құқықтарының құқықтық реттелуі қарастырылады. Өзбекстанның денсаулық сақтау заңнамасының Экономикалық, әлеуметтік және мәдени құқықтар туралы халықаралық пактімен, № 14 Жалпы түсініктемемен бекітілген АААҚ шеңберімен (қолжетімділік, мүмкіндік, қолайлылық және сапа), ДДСҰ Пациенттердің қауіпсіздік құқықтары хартиясымен және Еуропалық пациенттер құқықтарының хартиясымен бекітілген халықаралық стандарттарға сәйкестік дәрежесі бағаланады.

Талдау халықаралық стандарттар мен ішкі мемлекеттік іске асырылу арасындағы елеулі олқылықтарды анықтайды. Өзбекстанның денсаулық сақтау саласындағы құқықтық реттеу шеңбері айтарлықтай бытыраңқылықпен сипатталады: 76 заң және 400-ден астам заңға тәуелді нормативтік құқықтық акт құқықтық белгісіздік тудырады. Медициналық қызметтерді азаматтық-құқықтық реттеу әлі де жеткіліксіз болып қалуда, ал медициналық дауларда жалпыға қолжетімді сот тәжірибесінің іс жүзінде болмауы есеп беру тетіктерінің терең дағдарысын көрсетеді.

Мақала Арал өңіріне арналған заңнамалық кодификация, институционалдық реформа және мақсатты іс-шаралар бойынша ұсынымдармен қорытындыланады, бұл бүкіл әлемде экологиялық денсаулық сақтау төтенше жағдайларын шешу барысында халықаралық денсаулық сақтау құқығы үшін кеңірек тағылымдар ұсынады.

Түйін сөздер: денсаулық сақтау құқығы, пациент құқықтары, қоршаған ортаны қорғау, Арал теңізі, денсаулық сақтау заңнамасы.

К.У. Умарова¹, А.Б. Гулимов¹

¹Қарақалпақский государственный университет имени Бердаха

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО ОХРАНЫ ЗДОРОВЬЯ В ПОСТСОВЕТСКОЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: УРОКИ АРАЛЬСКОГО КРИЗИСА ДЛЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПАЦИЕНТОВ

Аннотация

Экологическая катастрофа Аральского моря породила один из самых тяжёлых кризисов общественного здравоохранения в мире, затронувший приблизительно 35 миллионов человек в Центральной Азии. Однако несмотря на обширную документацию медицинских последствий - повышенных показателей заболеваний органов дыхания, онкологических заболеваний, анемии и младенческой смертности - научное внимание к правовым основам, регулирующим оказание медицинской помощи и защиту прав пациентов в пострадавших от катастрофы сообществах, остаётся ограниченным.

В настоящей статье на примере Аральского региона исследуется правовое регулирование прав пациентов в зонах экологического бедствия. Оценивается степень соответствия законодательства Узбекистана о здравоохранении международным стандартам, установленным Международным пактом об экономических, социальных и культурных правах, рамкой АААQ Замечания общего порядка № 14 (наличие, доступность, приемлемость и качество), Хартией ВОЗ о правах пациентов на безопасность и Европейской хартией прав пациентов.

Проведённый анализ выявляет значительные расхождения между международными стандартами и их реализацией на национальном уровне. Регулятивная база здравоохранения Узбекистана характеризуется чрезвычайной фрагментированностью: 76 законов и более 400 подзаконных актов создают правовую неопределённость. Гражданско-правовое регулирование медицинских услуг остаётся недостаточным, а фактическое отсутствие общедоступной судебной практики по медицинским спорам свидетельствует о глубоком дефиците механизмов подотчётности.

Статья завершается рекомендациями по законодательной кодификации, институциональной реформе и целевым мероприятиям в Аральском регионе, предлагая более широкие уроки для международного права охраны здоровья при решении проблем экологических медико-санитарных чрезвычайных ситуаций во всём мире.

Ключевые слова: право на охрану здоровья, права пациентов, экологическое здоровье, Аральское море, законодательство о здравоохранении.

Introduction

The desiccation of the Aral Sea stands as one of the most catastrophic environmental disasters in modern history. Once the world's fourth-largest lake, the Aral Sea has lost approximately ninety percent of its volume as a consequence of Soviet-era irrigation projects that diverted its feeder rivers. The ecological collapse affects populations across Central Asia: according to data of the Ministry of Health of the Republic of Kazakhstan, more than 3 million people reside in the Aral Sea region, where up to 40 per cent of diseases are linked to environmental factors¹. Earlier UN assessments documented some 3.5 million people living in the affected region [1]. Populations in the affected regions – particularly in Uzbekistan's Republic of Karakalpakstan and Kazakhstan's Kyzylorda Region – experience elevated rates of respiratory diseases, cancers, anemia and reproductive health complications, while toxic dust storms carry salt and pesticide residues across vast distances [2; 3; 4; 5].

Despite decades of international attention to the Aral Sea crisis as an environmental phenomenon, relatively little scholarly attention has been devoted to the legal frameworks governing healthcare delivery and patient rights protection in the disaster-affected communities. The two states whose territories the catastrophe primarily affects - Uzbekistan and Kazakhstan – share a common Soviet legal heritage, comparable demographic exposure to environmental hazards, and corresponding international obligations under the right to health; yet they have pursued divergent paths in regulating healthcare delivery since independence. A comparative examination of these two jurisdictions therefore provides a particularly instructive lens for assessing how post-Soviet states address patient rights in conditions of chronic environmental harm.

The central research question of this article is the following: to what extent does the healthcare legislation of Uzbekistan and Kazakhstan comply with international standards for the right to health and patient rights protection, and what lessons does the comparative experience of these two states offer for international health law in addressing environmental health emergencies? The significance of

---

¹ Страны Центральной Азии и ВОЗ подписали совместный документ по вопросам здоровья и экологии Приаралья // Официальный информационный ресурс Премьер-Министра Республики Казахстан. – 24.04.2026. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://primeminister.kz/ru/news/strany-centralnoi-azii-i-voz-podpisali-sovmestnyi-dokument-po-voprosam-zdorovia-i-ekologii-priaralia-31305> (дата обращения: 30.01.2026).

this inquiry lies in the unique nature of the Aral Sea crisis as a sustained, anthropogenic environmental catastrophe with documented long-term health consequences, in the underexplored character of legal regulation of healthcare in environmental disaster zones, and in the value of the post-Soviet experience for jurisdictions worldwide that face similar challenges of modernizing inherited legal frameworks.

Materials and methods

The article employs a doctrinal legal research method combined with comparative legal analysis. The international legal framework was reconstructed through textual analysis of the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights, General Comment No. 14 of the Committee on Economic, Social and Cultural Rights, the WHO Patient Safety Rights Charter (2024), and the European Charter of Patients' Rights. The assessment of national legal frameworks relied on primary sources – statutes, codes, presidential decrees, and ministerial regulations of Uzbekistan and Kazakhstan. Scholarly literature on civil-law regulation of medical services in the post-Soviet space provided doctrinal context. Open sources of judicial practice were searched in both jurisdictions; epidemiological and public-health data on the Aral Sea region were drawn from peer-reviewed studies and reports of the World Health Organization and UN agencies. The comparative element follows a functional approach: rather than aligning provisions textually, the analysis identifies how each legal system addresses (or fails to address) a common set of regulatory tasks generated by the international standards.

Results and discussion

The right to health constitutes one of the most firmly established norms of international human rights law. Article 12(1) of the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights (ICESCR) recognizes the right of everyone to the enjoyment of the highest attainable standard of physical and mental health². Both Uzbekistan and Kazakhstan are parties to the Covenant – Uzbekistan since 1995 and Kazakhstan since 2006 – and bear corresponding binding obligations³. Article 12(2) translates the general guarantee into specific duties, including improvement of all aspects of environmental and industrial hygiene, prevention of endemic diseases, and the creation of conditions assuring medical services to all.

General Comment No. 14 of the Committee on Economic, Social and Cultural Rights provides the authoritative interpretation of these obligations and articulates the AAAQ framework, identifying four essential elements that must characterize health-related facilities, goods and services: availability, accessibility (in its non-discriminatory, physical, economic and informational dimensions), acceptability, and quality⁴. The four elements function as an integrated whole: a healthcare system that is available but not accessible fails to meet international standards, as does one that is accessible but delivers substandard care. The Committee further interprets the obligation regarding environmental

---

² *Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 г., вступил в силу 3 января 1976 г. // United Nations Treaty Series. – Vol. 993. – P. 3.*

³ *Постановление Олий Мажлиса Республики Узбекистан от 31 августа 1995 г. «О присоединении Республики Узбекистан к Международному пакту об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 г.»; Закон Республики Казахстан от 21 ноября 2005 г. № 87-III «О ратификации Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах» (вступил в силу для Республики Казахстан 24 апреля 2006 г.). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z050000087> (дата обращения: 29.01.2026); *United Nations Treaty Collection. Chapter IV: Human Rights. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://treaties.un.org> (дата обращения: 29.01.2026).**

⁴ *General Comment No. 14: The Right to the Highest Attainable Standard of Health (Art. 12) // Committee on Economic, Social and Cultural Rights, UN Doc. E/C.12/2000/4 (11 August 2000). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.refworld.org/legal/general/cescr/2000/en/35370> (дата обращения: 29.01.2026).*

hygiene to encompass the prevention and reduction of population exposure to harmful chemicals and other detrimental environmental conditions, and requires states to establish effective judicial or other appropriate remedies for victims of violations of the right to health. The latter requirement of accessible remedies carries particular importance for the present analysis and re-emerges as a key benchmark in the comparison that follows.

General Comment No. 14 of the Committee on Economic, Social and Cultural Rights provides the authoritative interpretation of these obligations and articulates the AAAQ framework, identifying four essential elements that must characterize health-related facilities, goods and services: availability, accessibility (in its non-discriminatory, physical, economic and informational dimensions), acceptability, and quality [6]. The four elements function as an integrated whole: a healthcare system that is available but not accessible fails to meet international standards, as does one that is accessible but delivers substandard care. The Committee further interprets the obligation regarding environmental hygiene to encompass the prevention and reduction of population exposure to harmful chemicals and other detrimental environmental conditions, and requires states to establish effective judicial or other appropriate remedies for victims of violations of the right to health. The latter requirement of accessible remedies carries particular importance for the present analysis and re-emerges as a key benchmark in the comparison that follows.

The WHO Patient Safety Rights Charter, unveiled in April 2024, marks the first authoritative international articulation of patients' rights specifically in the context of healthcare safety. The Charter sets out ten fundamental patient safety rights, including the right to timely, effective and appropriate care, the right to safe healthcare processes and practices, the right to qualified and competent health workers, the right to dignity, respect, non-discrimination, privacy and confidentiality, the right to information, education and supported decision-making, the right to access medical records, and the right to be heard and to fair resolution⁵. The European Charter of Patients' Rights, while not legally binding, provides a detailed model of fourteen rights including the right to the observance of quality standards, the right to safety, and the right to compensation – the latter presupposing effective legal mechanisms for establishing liability and obtaining redress⁶.

The most fundamental challenge confronting healthcare regulation in Uzbekistan is the extraordinary fragmentation of its legal framework. Official assessments accompanying the 2023 draft Health Code indicate that the country operates under no fewer than 76 laws and over 400 bylaws regulating healthcare-related matters – a level of fragmentation that the 2018 Concept for the Development of the Healthcare System for 2019–2025 explicitly sought to address through codification⁷. The foundational Law on the Protection of Citizens' Health of 29 August 1996 has undergone numerous amendments, yet continues to reflect the realities of the mid-1990s transition period rather than contemporary healthcare demands⁸. A draft Health Code containing 200 articles was published for public discussion in late 2022 – early 2023⁹. The implementation period for the 2019 – 2025 Healthcare Development Concept has now concluded with the key codification task unfulfilled.

Civil-law regulation of medical services in Uzbekistan is confined to the general provisions on compensated service provision contained in Articles 703-708 of the Civil Code¹⁰. These framework

---

⁵ *Patient Safety Rights Charter*. – Geneva: World Health Organization, 2024. – ISBN 9789240093249. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.who.int/publications/i/item/9789240093249> (дата обращения: 29.01.2026).

⁶ *European Charter of Patients' Rights*. – Rome: Active Citizenship Network, November 2002. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ec.europa.eu/health/ph_overview/co_operation/mobility/docs/health_services_co_108_en.pdf (дата обращения: 30.01.2026).

⁷ Указ Президента Республики Узбекистан от 7 декабря 2018 г. № УП-5590 «О комплексных мерах по коренному совершенствованию системы здравоохранения Республики Узбекистан». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lex.uz/docs/4096199> (дата обращения: 30.01.2026).

⁸ Закон Республики Узбекистан от 29 августа 1996 г. № 265-I «Об охране здоровья граждан» (с изменениями и дополнениями). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lex.uz/docs/41329> (дата обращения: 30.01.2026).

⁹ Проект Кодекса об охране здоровья населения Республики Узбекистан № КЛ-1193/22-2 от 6 января 2023 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://regulation.gov.uz/uz/document/21697> (дата обращения: 30.01.2026).

¹⁰ Гражданский кодекс Республики Узбекистан, ст. 703–708.

norms address medical services alongside communications, veterinary, auditing and other services, without recognizing the distinctive features of medical relationships – the information asymmetry between provider and patient, the difficulty of assessing outcomes, the role of patient-specific factors beyond the provider's control, or the need for specialized rules on quality, burden of proof and liability of medical organizations.

The 1996 Law contains an enumeration of patient rights in its Article 24, including respectful treatment, choice of doctor and medical facility, confidentiality, voluntary consent to medical intervention, and access to legal representation. However, the regulation of informed voluntary consent is underdeveloped; clear standards for informing patients about diagnosis, treatment alternatives and risks are absent; mechanisms for protecting confidentiality in conditions of healthcare digitalization remain rudimentary; effective pre-trial dispute resolution procedures have not been established; and the demarcation between state-guaranteed free medical care and paid services is determined predominantly by subsidiary legislation, creating uncertainty and risks of imposing paid services under the guise of additional ones.

A particularly significant finding is the virtual absence of publicly accessible judicial practice in medical disputes in Uzbekistan. Unlike comparable post-Soviet states, court decisions in medical-error cases and patient rights cases are not systematically published. Information about such disputes appears predominantly in mass-media coverage of high-profile cases, while systematic publication is lacking. This absence does not merely reflect a technical gap in legal infrastructure; it constitutes a substantive failure of the accountability mechanisms that General Comment No. 14 treats as integral to the right to health. Recognition of the acute medical-social problems of the Aral Sea region at the state level [6] is reflected in Presidential Resolution No. PP-310 of 2022, which provides for the creation of a children's medical rehabilitation center, a children's phthisiology sanatorium, a branch of the Republican Centre of Surgery and a palliative care unit in the Republic of Karakalpakstan, and introduces a position of Deputy Minister for Medical Services in the Aral Sea Region¹¹.

Kazakhstan has pursued a markedly different regulatory path. The Code of the Republic of Kazakhstan on Public Health and the Healthcare System, adopted on 7 July 2020, consolidates healthcare regulation into a single codified act¹². The Code is organized into general and specialized parts and contains, in its Chapter 12, a comprehensive catalogue of citizens' rights in the sphere of healthcare (Article 77), supplemented by Chapter 16, which sets out specific patient rights (Article 134) [20; art. 77, 134]. The catalogue includes rights to a guaranteed scope of free medical care, free choice of doctor and medical organization, dignified treatment, prioritization based exclusively on medical criteria, information about treatment alternatives, and the obtaining of an independent opinion on the state of one's health and a medical consilium.

Civil-law regulation of medical services in Kazakhstan, however, displays the same structural limitations as in Uzbekistan. Chapter 33 of the Civil Code of the Republic of Kazakhstan (Articles 683-687) governs compensated service provision in general terms, and lists medical services alongside communications, veterinary, auditing, consultancy, information and educational services¹³. No specialized civil-law regime addresses the distinctive features of medical relationships. General delict liability rests on Article 917 of the Civil Code, under which property and/or non-property harm caused by unlawful actions or omissions to the property or non-property benefits and rights of citizens

---

¹¹ *Постановление Президента Республики Узбекистан от 7 июля 2022 г. № ПП-310 «О дальнейшем усилении охраны здоровья населения в Республике Каракалпакстан в 2022–2024 годах».* – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lex.uz/docs/6100029> (дата обращения: 30.01.2026).

¹² *Кодекс Республики Казахстан от 7 июля 2020 г. № 360-VI «О здоровье народа и системе здравоохранения».* – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2000000360> (дата обращения: 30.01.2026).

¹³ *Гражданский кодекс Республики Казахстан (Особенная часть) от 1 июля 1999 г. № 409-І, гл. 33 «Возмездное оказание услуг», ст. 683–687, ст. 917.* – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K990000409_ (дата обращения: 30.01.2026).

and legal entities is subject to compensation in full by the person who caused it [art. 917]. In contrast to Uzbekistan, however, judicial practice in medical disputes in Kazakhstan is publicly traceable: in 2021 alone, 210 criminal cases involving medical offences were initiated, resulting in 16 convictions, and civil-law claims against medical organizations are regularly adjudicated [7]. A further significant institutional development is the introduction of mandatory professional liability insurance for medical workers under the Rules approved by the Minister of Health on 24 July 2024, which require healthcare organizations to insure the professional liability of their personnel at the organization's own expense¹⁴.

Kazakhstan possesses a region-specific legal instrument that has no direct counterpart in Uzbekistan: the Law on Social Protection of Citizens Affected by the Ecological Disaster in the Aral Sea Region of 30 June 1992 No. 1468-XII¹⁵. The Law classifies the affected territories into two zones – the zone of ecological catastrophe (the Aral and Kazalinsk districts of Kyzylorda Region, and Shalkar district of Aktobe Region) and the zone of ecological crisis (the remaining districts of Kyzylorda Region, the city of Kyzylorda and the city of Baikonur) – and establishes the status of affected citizens, compensations, social benefits, and obligations of the state with respect to the priority supply of ecologically clean food, medicines and drinking water. Kazakhstan's broader healthcare framework is further developed by the State Program for the Development of Healthcare for 2020-2025 (Government Resolution No. 982 of 26 December 2019, which lapsed in October 2021) and successor strategic documents¹⁶.

The comparative findings reveal a complex pattern of convergence and divergence between the two jurisdictions. On a number of dimensions the regulatory situation in Uzbekistan and Kazakhstan is structurally similar. Both states have ratified the ICESCR and bear identical obligations under Article 12. Both have inherited from the Soviet legal tradition a civil-code architecture in which medical services are subsumed under the general category of compensated service provision – Articles 703-708 of the Uzbek Civil Code and Articles 683-687 of the Kazakh Civil Code, respectively – without specialized norms reflecting the unique characteristics of medical relationships identified in the scholarly literature. Both consequently lack tailored civil-law mechanisms for allocating the burden of proof in medical disputes, defining quality criteria for medical services, or establishing presumptions of fault for medical organizations.

Divergences, however, are substantial. The most striking is the contrast between the regulatory fragmentation of Uzbekistan and the codification model pursued by Kazakhstan. Where Uzbekistan operates under 76 laws and more than 400 bylaws, Kazakhstan has consolidated healthcare regulation into a single Code in force since 2020, with structured chapters on patient rights and obligations. The doctrinal advantage of codification-coherence, accessibility, predictability-corresponds directly to the legal certainty that international standards presuppose. Even so, codification does not in itself solve the deeper civil-law problem: Kazakhstan's Code on Public Health, while detailed in its public-law dimension, has not been accompanied by reform of the underlying civil-law framework, and the general provisions of Chapter 33 of the Civil Code continue to govern the contractual aspects of medical service provision.

---

¹⁴ Приказ Министра здравоохранения Республики Казахстан от 24 июля 2024 г. № 58 «Об утверждении Правил страхования профессиональной ответственности медицинских работников» (введен в действие с 23 октября 2024 г.). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2400034803> (дата обращения: 30.01.2026).

¹⁵ Закон Республики Казахстан от 30 июня 1992 г. № 1468-XII «О социальной защите граждан, пострадавших вследствие экологического бедствия в Приаралье» (с изменениями и дополнениями). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z920002600_ (дата обращения: 30.01.2026).

¹⁶ Постановление Правительства Республики Казахстан от 26 декабря 2019 г. № 982 «Об утверждении Государственной программы развития здравоохранения Республики Казахстан на 2020–2025 годы» (утратило силу в соответствии с постановлением Правительства РК от 12 октября 2021 г. № 725). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1900000982> (дата обращения: 30.01.2026).

Three further divergences merit emphasis. First, with respect to accountability, Kazakhstan possesses a functioning, if imperfect, system of public judicial practice on medical disputes. The very existence of statistical data-210 criminal cases initiated in 2021 alone, with sixteen convictions-indicates that the courts are engaged with medical-error claims and that a body of practice is being formed. Uzbekistan presents a sharply contrasting picture: publicly accessible judicial practice in medical disputes is virtually absent. From the standpoint of General Comment No. 14, this asymmetry has direct human-rights consequences: rights without remedies are hollow, and the absence of effective judicial protection in Uzbekistan constitutes a substantive failure to comply with the Committee's requirement that victims of violations of the right to health have access to effective remedies.

Second, with respect to institutional safeguards, the introduction of mandatory professional liability insurance for medical workers in Kazakhstan in 2024 marks a structural innovation absent in Uzbekistan. While the practical effectiveness of the new mechanism remains to be assessed, the existence of a dedicated insurance pool reduces the gap between the formal right to compensation, recognized at the international level by the European Charter of Patients' Rights, and the practical capacity of patients to obtain redress.

Third, with respect to the region-specific dimension, Kazakhstan's 1992 Law on social protection of citizens affected by the Aral Sea ecological disaster, with its zoning of affected territories and its catalogue of compensations, benefits and priority supply obligations, provides a more developed legal instrument than the comparable Uzbek framework. Uzbekistan has pursued the regional dimension through executive instruments-Presidential Resolution No. PP-310 of 2022-rather than through a specialized statute. Both approaches reflect state recognition of the acuteness of the regional health crisis; documented data from Kyzylorda Region indicate elevated rates of respiratory disease, oncology, urolithiasis, congenital anomalies and infant mortality [8; 3; 9], and comparable data are available for Karakalpakstan. The legislative form of the Kazakhstani instrument, however, anchors the corresponding obligations more securely in the legal hierarchy.

From the perspective of the international standards examined in the Results, neither jurisdiction fully complies with the obligations flowing from Article 12 of the ICESCR as interpreted in General Comment No. 14. Kazakhstan has made significant progress on the dimensions of availability (through codification and structured public-law guarantees) and of accountability (through public judicial practice and the new insurance mechanism); Uzbekistan lags in both. Conversely, both states share unresolved problems in the dimensions of acceptability (the underdeveloped regulation of informed consent and patient dignity) and of accessibility (geographic, economic and informational barriers, particularly acute in the Aral Sea region). The memoranda signed in April 2026 at the Regional Environmental Forum in Astana between the Ministries of Health of Kazakhstan and Uzbekistan and the WHO Regional Office for Europe under the "Healthy Future in the Aral Sea Region" initiative, together with the Roadmap for 2026-2029 and the announced establishment of a new WHO regional office in Kyzylorda dedicated to Aral Sea issues, indicate an emerging recognition that the health consequences of the Aral Sea catastrophe require coordinated bilateral and international responses¹⁷.

Conclusions

The comparative analysis of the healthcare legal frameworks of Uzbekistan and Kazakhstan against the background of the Aral Sea ecological catastrophe yields four principal findings. First, both jurisdictions share a structural deficit in civil-law regulation of medical services, with

---

¹⁷ Совместный документ по вопросам здоровья и экологии Приаралья, подписанный 23 апреля 2026 г. на Региональном экологическом форуме (REF) в Астане Казахстана, Кыргызстаном, Таджикистаном, Туркменистаном, Узбекистаном, Азербайджаном и Европейским региональным бюро ВОЗ; Дорожная карта «Здоровое будущее Приаралья» на 2026–2029 годы; Kluge H.H.P. *Aral Sea region cannot heal until its people do: Op-ed by WHO Regional Director for Europe* // *Gazeta.uz.* – 22 April 2026. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gazeta.uz/en/2026/04/22/op-ed-aral/> (дата обращения: 30.01.2026).

framework norms on compensated service provision substituting for specialized regimes capable of accommodating the distinctive features of medical relationships. Second, the two states have diverged sharply with respect to public-law codification: Kazakhstan has consolidated healthcare regulation into a unified Code, while Uzbekistan remains in a state of extraordinary regulatory fragmentation, with codification efforts unrealized despite the conclusion of the 2019-2025 reform periods. Third, accountability mechanisms differ markedly: Kazakhstan possesses publicly traceable judicial practice and has introduced mandatory professional liability insurance, whereas Uzbekistan lacks systematic publication of court decisions in medical disputes and has not developed analogous insurance instruments. Fourth, the region-specific legal response to the Aral Sea disaster is more developed in Kazakhstan, where the 1992 Law on social protection of affected citizens establishes a statutory zoning regime, than in Uzbekistan, which has relied principally on executive instruments.

Several recommendations follow. For Uzbekistan, the adoption of a unified Health Code should be treated as an urgent legislative priority; the Code should incorporate the AAAQ framework as an operational principle and include a dedicated chapter on patient rights, with detailed provisions on informed consent, access to medical records, confidentiality and demarcation between free and paid care. Specialized civil-law provisions on medical service contracts should be elaborated, addressing burden of proof, liability of medical organizations and quality criteria. The systematic publication of judicial decisions in medical disputes should be introduced, together with an independent medical-expertise institution and accessible pre-trial dispute resolution mechanisms. Consideration should be given to a specialized statute analogous to the Kazakhstani 1992 Law on social protection of citizens of the Aral Sea region.

For Kazakhstan, the public-law foundations laid by the 2020 Code should be complemented by reform of the civil-law framework governing medical services, with the introduction of specialized norms on medical service contracts within the Civil Code or by way of cross-reference from the Code on Public Health. The new professional liability insurance mechanism should be monitored for practical effectiveness, and the publication of judicial practice on medical disputes should be further systematized to enable doctrinal consolidation and guidance for both providers and patients. For both states, the regional dimension of the Aral Sea crisis warrants targeted attention: healthcare accessibility standards should reflect the geographic and infrastructural realities of remote communities, environmental health monitoring should be integrated with healthcare delivery, and the joint initiatives undertaken with the WHO Regional Office for Europe should be implemented in a manner that translates international commitments into measurable improvements at the level of individual patients.

The broader implications extend beyond Central Asia. Environmental disasters increasingly affect populations worldwide, and the legal frameworks governing healthcare in disaster-affected regions will determine whether affected populations can realize their right to health or remain trapped in cycles of environmental exposure and inadequate care. The comparative experience of Uzbekistan and Kazakhstan demonstrates that formal recognition of healthcare rights is insufficient: effective implementation requires coherent legislation, functioning institutions, accessible remedies and sustained attention to the distinctive needs of vulnerable populations. For the millions of people living in the Aral Sea basin and for affected populations elsewhere, this translation is not an abstract legal exercise but an urgent human necessity.

Authors' Contributions

Umarova K.U. developed the scientific concept of the study and conducted an analysis of international legal standards relating to the right to health and the protection of patients' rights. She carried out a comparative legal analysis of the healthcare legislation of the Republic of Uzbekistan and the Republic of Kazakhstan, examined the legal regulation of healthcare provision in the context of the Aral Sea environmental crisis, and prepared the main conclusions and recommendations aimed at improving legislation and institutional mechanisms for the protection of patients' rights.

Gulimov A.B. participated in the development of the research structure and methodology, analyzed national legislation and law enforcement practice in the field of public health protection, and examined the legal regulation of medical services and liability mechanisms in the post-Soviet states of Central Asia. He also contributed to the development of recommendations for strengthening legal mechanisms ensuring the right to health in environmentally disadvantaged regions, participated in the discussion of the research findings, and carried out the scientific editing of the article.

References:

1 Grabish B. *Dry Tears of the Aral* / B. Grabish // *UN Chronicle*. – 1999. – Issue 1 (перепубликовано онлайн 12.06.2017). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.un.org/en/chronicle/article/dry-tears-aral> (дата обращения: 29.01.2026).

2 O'Hara S.L. *Exposure to Airborne Dust Contaminated with Pesticide in the Aral Sea Region* / S.L. O'Hara, G.F.S. Wiggs, B. Mamedov, G. Davidson, R.B. Hubbard // *The Lancet*. – 2000. – Vol. 355, No. 9204. – P. 627–628. – DOI: 10.1016/S0140-6736(99)04753-4.

3 Crighton E.J. *What have we learned? A review of the literature on children's health and the environment in the Aral Sea area* / E.J. Crighton, L. Barwin, I. Small, R. Upshur // *International Journal of Public Health*. – 2011. – Vol. 56, No. 2. – P. 125–138. – DOI: 10.1007/s00038-010-0201-0.

4 Issanov A. *Organochlorine Pesticides and Salinity in Karakalpakstan, Uzbekistan: Environmental Health Risks Associated with the Aral Sea Crisis* / A. Issanov et al. // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. – 2025. – Vol. 22, No. 11. – Art. 1751. – DOI: 10.3390/ijerph22111751.

5 *After Seven Years of Waiting – Doors Unlock Healthcare Access in Aral Sea Communities* // *United Nations Development Programme*. – 2024. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.undp.org/uzbekistan/stories/after-seven-years-waiting-doors-unlock-healthcare-access-aral-sea-communities> (дата обращения: 30.01.2026).

6 Umarova K. *Aral Ecological Catastrophe: Historical and Modern Sources of Public Environmental Law* / K. Umarova // *Universum: экономика и юриспруденция*. – 2023. – № 2 (101). – С. 52–57.

7 Рахметов С.М. *Уголовная ответственность медицинских работников за небрежное отношение к своим обязанностям, за врачебные ошибки* / С.М. Рахметов. – *Институт законодательства и правовой информации Министерства юстиции Республики Казахстан*, 31 марта 2022 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://prg.kz/document/?doc_id=36955850 (дата обращения: 30.01.2026).

8 Turdybekova Y.G. *The Health Status of the Reproductive System in Women Living in the Aral Sea Region* / Y.G. Turdybekova, R.S. Dosmagambetova, S.U. Zhanabayeva, G.V. Bublik, A.B. Kubayev, Zh.G. Ibraibekov, I.L. Kopybayeva, B.Zh. Kultanov // *Open Access Macedonian Journal of Medical Sciences*. – 2015. – Vol. 3, No. 3. – P. 391–398. – DOI: 10.3889/oamjms.2015.078.

9 Bartrem C. *Environmental and Health Indicators in the Aral Sea Region* / C. Bartrem, M.I. Kurbanov et al. // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. – 2025. – Vol. 22, No. 11. – Art. 1751. – DOI: 10.3390/ijerph22111751.

References:

1 Grabish B. *Dry Tears of the Aral* / B. Grabish // *UN Chronicle*. – 1999. – Issue 1 (перепубликовано онлайн 12.06.2017). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.un.org/en/chronicle/article/dry-tears-aral> (дата обращения: 29.01.2026).

2 O'Hara S.L. *Exposure to Airborne Dust Contaminated with Pesticide in the Aral Sea Region* / S.L. O'Hara, G.F.S. Wiggs, B. Mamedov, G. Davidson, R.B. Hubbard // *The Lancet*. – 2000. – Vol. 355, No. 9204. – P. 627–628. – DOI: 10.1016/S0140-6736(99)04753-4.

3 Crighton E.J. *What have we learned? A review of the literature on children's health and the environment in the Aral Sea area* / E.J. Crighton, L. Barwin, I. Small, R. Upshur // *International Journal of Public Health*. – 2011. – Vol. 56, No. 2. – P. 125–138. – DOI: 10.1007/s00038-010-0201-0.

4 Issanov A. *Organochlorine Pesticides and Salinity in Karakalpakstan, Uzbekistan: Environmental Health Risks Associated with the Aral Sea Crisis* / A. Issanov et al. // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. – 2025. – Vol. 22, No. 11. – Art. 1751. – DOI: 10.3390/ijerph22111751.

5 *After Seven Years of Waiting – Doors Unlock Healthcare Access in Aral Sea Communities* // *United Nations Development Programme*. – 2024. – [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.undp.org/uzbekistan/stories/after-seven-years-waiting-doors-unlock-healthcare-access-aral-sea-communities> (data obrashhenija: 30.01.2026).

6 Umarova K. *Aral Ecological Catastrophe: Historical and Modern Sources of Public Environmental Law* / K. Umarova // *Universum: jekonomika i jurisprudencija*. – 2023. – № 2 (101). – S. 52–57.

7 Rahmetov S.M. *Ugolovnaja otvetstvennost' medicinskih rabotnikov za nebrezhnoe otnoshenie k svoim objazannostjam, za vrachebnye oshibki* / S.M. Rahmetov. – Institut zakonodatel'stva i pravovoj informacii Ministerstva justicii Respubliki Kazahstan, 31 marta 2022 g. – [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://prg.kz/document/?doc_id=36955850 (data obrashhenija: 30.01.2026).

8 Turdybekova Y.G. *The Health Status of the Reproductive System in Women Living in the Aral Sea Region* / Y.G. Turdybekova, R.S. Dosmagambetova, S.U. Zhanabayeva, G.V. Bublik, A.B. Kubayev, Zh.G. Ibraibekov, I.L. Kopobayeva, B.Zh. Kultanov // *Open Access Macedonian Journal of Medical Sciences*. – 2015. – Vol. 3, No. 3. – P. 391–398. – DOI: 10.3889/oamjms.2015.078.

9 Bartrem C. *Environmental and Health Indicators in the Aral Sea Region* / C. Bartrem, M.I. Kurbanov et al. // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. – 2025. – Vol. 22, No. 11. – Art. 1751. – DOI: 10.3390/ijerph22111751.

ҚЫЛМЫСТЫҚ ҚҰҚЫҚ ЖӘНЕ ПРОЦЕСС.
КРИМИНОЛОГИЯ. КРИМИНАЛИСТИКА
УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС.
КРИМИНОЛОГИЯ. КРИМИНАЛИСТИКА
CRIMINAL LAW AND PROCESS. CRIMINOLOGY. FORENSICS

IRSTI 10.79.41
UDC 343.98:004.8

<https://doi.org/10.51889/2959-6181.2026.84.2.008>

Apparova S.Z.¹ , Bizhanova A.R.^{1*}

¹Abai Kazakh National Pedagogical University
(e-mail: sabina.apparova@mail.ru, *Aike_74@mail.ru)

THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE INVESTIGATION OF CRIMES:
LEGAL RISKS AND PROSPECTS IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Abstract

The article examines the legal and practical aspects of the use of artificial intelligence technologies in the investigation of criminal offenses. The relevance of the topic is due to the digitalization of public relations and the increasing complexity of the ways of committing crimes, which requires the introduction of modern technological solutions into the activities of law enforcement agencies. The purpose of the study is to analyze the possibilities of using artificial intelligence in criminal proceedings, identify related legal risks and identify prospects for improving the legislation of the Republic of Kazakhstan.

The paper uses methods of legislative analysis, comparative legal research, systematic and formal legal analysis. The possibilities of using artificial intelligence in processing large amounts of data, analyzing video surveillance materials, identifying digital traces of criminal activity and investigating cybercrimes are being considered. The article examines the foreign experience of introducing intelligent systems into the activities of law enforcement agencies, as well as the current state of legal regulation in the Republic of Kazakhstan.

The results of the study show that the use of artificial intelligence contributes to improving the effectiveness of investigations through automated information analysis, establishing relationships between participants in criminal activity and improving mechanisms to counter cybercrime. At the same time, problems of legal regulation have been identified related to the lack of a clear procedural status of the results of the work of intelligent systems, issues of the admissibility of digital evidence, the distribution of responsibility for algorithmic errors and ensuring the protection of human rights.

It is concluded that at the present stage, the results of the functioning of artificial intelligence systems cannot be considered as independent evidence in criminal cases and should be used exclusively as an auxiliary tool with mandatory human control. The necessity of further improving the legislation of the Republic of Kazakhstan in terms of determining the legal status of digital evidence, introducing mechanisms for independent audit of algorithmic systems and strengthening guarantees for the protection of citizens' rights and freedoms when using artificial intelligence technologies in law enforcement is substantiated.

Key words: artificial intelligence, criminal investigation, digitalization, Legal Regulation, cybercrime, digital evidence, algorithm, personal data.

Аппарова С.З.¹, Бижанова А.Р.¹

¹Абай атындағы Қазақ Ұлттық педагогикалық университеті

ҚЫЛМЫСТАРДЫ ТЕРГЕУДЕ ЖАСАНДЫ ИНТЕЛЛЕКТТІ ҚОЛДАНУ: ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНДАҒЫ ҚҰҚЫҚТЫҚ ТӘУЕКЕЛДЕР МЕН ПЕРСПЕКТИВАЛАР

Аңдатпа

Мақалада қылмыстық құқық бұзушылықтарды тергеу кезінде жасанды интеллект технологияларын қолданудың құқықтық және практикалық аспектілері зерттелген. Тақырыптың өзектілігі қоғамдық қатынастарды цифрландыруға және құқық қорғау органдарының қызметіне заманауи технологиялық шешімдерді енгізуді талап ететін қылмыс жасау тәсілдерінің күрделенуіне байланысты. Зерттеудің мақсаты қылмыстық сот ісін жүргізуде жасанды интеллектті пайдалану мүмкіндіктерін талдау, осыған байланысты құқықтық тәуекелдерді анықтау және Қазақстан Республикасының заңнамасын жетілдіру перспективаларын айқындау болып табылады.

Жұмыста заңнаманы талдау, салыстырмалы-құқықтық зерттеу, жүйелік және ресми-құқықтық талдау әдістері қолданылды. Деректердің үлкен массивтерін өңдеу, бейнебақылау материалдарын талдау, қылмыстық әрекеттің сандық іздерін анықтау және киберқылмыстарды тергеу кезінде жасанды интеллектті қолдану мүмкіндіктері қарастырылады. Құқық қорғау органдарының қызметіне зияткерлік жүйелерді енгізудің шетелдік тәжірибесі, сондай-ақ Қазақстан Республикасындағы құқықтық реттеудің қазіргі жағдайы зерттелді.

Зерттеу нәтижелері жасанды интеллектті пайдалану ақпаратты автоматтандырылған талдау, қылмыстық әрекетке қатысушылар арасында байланыс орнату және киберқылмысқа қарсы тетіктерді жетілдіру арқылы тергеу тиімділігін арттыруға ықпал ететінін көрсетеді. Сонымен қатар, зияткерлік жүйелер жұмысының нәтижелерінің нақты іс жүргізу мәртебесінің болмауымен, цифрлық дәлелдемелерге жол беру, алгоритмдік қателіктер үшін жауапкершілікті бөлу және адам құқықтарын қорғауды қамтамасыз ету мәселелерімен байланысты құқықтық реттеу мәселелері анықталды.

Қазіргі кезеңде жасанды интеллект жүйелерінің жұмыс істеу нәтижелері қылмыстық істер бойынша дербес дәлелдемелер ретінде қарастырыла алмайды және тек адам тарапынан міндетті бақылау кезінде көмекші құрал ретінде пайдаланылуы керек деген қорытындыға келді. Цифрлық дәлелдемелердің құқықтық мәртебесін айқындау, алгоритмдік жүйелердің тәуелсіз аудит тетіктерін енгізу және құқық қорғау қызметінде жасанды интеллект технологияларын пайдалану кезінде азаматтардың құқықтары мен бостандықтарын қорғау кепілдіктерін күшейту бөлігінде Қазақстан Республикасының заңнамасын одан әрі жетілдіру қажеттілігі негізделген.

Түйін сөздер: жасанды интеллект, қылмыстық істерді тергеп-тексеру, цифрландыру, құқықтық реттеу, киберқылмыс, цифрлық дәлелдеме, алгоритм, дербес деректер.

С.З. Аппарова ¹, А.Р. Бижанова ¹

¹Казахский Национальный педагогический университет имени Абая

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ПРАВОВЫЕ РИСКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Аннотация

В статье исследуются правовые и практические аспекты применения технологий искусственного интеллекта при расследовании уголовных правонарушений. Актуальность темы обусловлена цифровизацией общественных отношений и усложнением способов

совершения преступлений, что требует внедрения современных технологических решений в деятельность правоохранительных органов. Целью исследования является анализ возможностей использования искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве, выявление связанных с этим правовых рисков и определение перспектив совершенствования законодательства Республики Казахстан.

В работе использованы методы анализа законодательства, сравнительно-правового исследования, системного и формально-юридического анализа. Рассматриваются возможности применения искусственного интеллекта при обработке больших массивов данных, анализе материалов видеонаблюдения, выявлении цифровых следов преступной деятельности и расследовании киберпреступлений. Исследован зарубежный опыт внедрения интеллектуальных систем в деятельность правоохранительных органов, а также современное состояние правового регулирования в Республике Казахстан.

Результаты исследования показывают, что использование искусственного интеллекта способствует повышению эффективности расследования за счет автоматизированного анализа информации, установления взаимосвязей между участниками преступной деятельности и совершенствования механизмов противодействия киберпреступности. Вместе с тем выявлены проблемы правового регулирования, связанные с отсутствием четкого процессуального статуса результатов работы интеллектуальных систем, вопросами допустимости цифровых доказательств, распределения ответственности за алгоритмические ошибки и обеспечения защиты прав человека.

Сделан вывод о том, что на современном этапе результаты функционирования систем искусственного интеллекта не могут рассматриваться в качестве самостоятельных доказательств по уголовным делам и должны использоваться исключительно как вспомогательный инструмент при обязательном контроле со стороны человека. Обоснована необходимость дальнейшего совершенствования законодательства Республики Казахстан в части определения правового статуса цифровых доказательств, внедрения механизмов независимого аудита алгоритмических систем и усиления гарантий защиты прав и свобод граждан при использовании технологий искусственного интеллекта в правоохранительной деятельности.

Ключевые слова: искусственный интеллект, уголовное расследование, цифровизация, правовое регулирование, киберпреступность, цифровые доказательства, алгоритм, персональные данные.

Introduction

At the present stage, digital technologies are rapidly developing worldwide and have a significant impact on all spheres of society. The digitalization of social relations is transforming the content and organization of public administration, the economy, education, healthcare, and law enforcement activities. These changes also affect the law enforcement system, requiring it to adapt to new demands. Whereas in the past most crimes were committed using traditional methods, today many offenses are closely connected with the internet environment, electronic systems, and digital technologies. In this regard, traditional methods of criminal investigation do not always fully meet modern requirements.

In recent years, the use of artificial intelligence technologies in the activities of law enforcement agencies has become widespread in international practice. Artificial intelligence makes it possible to quickly analyze large volumes of data, predict potential criminal risks, process video surveillance materials, identify faces, detect digital evidence, and improve analytical decision-making processes during investigations. Such technologies not only increase the efficiency of investigations but also enable the optimal use of law enforcement resources.

In the Republic of Kazakhstan, the digitalization process is also being implemented step by step. Within the framework of the «Digital Kazakhstan» state program, new information technologies are being introduced into the activities of state bodies, while video surveillance cameras, electronic databases, information-analytical platforms, and elements of digital forensics are increasingly being

used in the law enforcement system¹. At the same time, the issue of using artificial intelligence tools in the activities of law enforcement agencies has become increasingly relevant. However, comprehensive legal regulation of the use of artificial intelligence in criminal proceedings has not yet been fully established in Kazakhstan. Current legislation does not sufficiently define the procedure for using algorithmic systems in investigative activities, their legal status, the evidentiary value of their results, or issues of liability arising from their use.

In this regard, the study of the legal foundations for the use of artificial intelligence technologies in criminal investigations is of particular scientific and practical importance. On the one hand, artificial intelligence can improve the efficiency of crime detection and investigation; on the other hand, it creates a number of legal risks related to the protection of constitutional rights and freedoms. In particular, violations of the right to privacy, unlawful processing of personal data, algorithmic discrimination, lack of transparency and explainability of automated decisions, as well as the possibility of identification errors, are among the pressing issues requiring legal regulation.

At the same time, issues concerning the admissibility of information obtained through artificial intelligence technologies as evidence, the determination of procedural liability for algorithmic errors, and the establishment of effective mechanisms of judicial oversight remain insufficiently studied. In particular, the use of facial recognition systems and predictive analytics requires the establishment of clear guarantees for the protection of citizens' rights and legitimate interests.

Although the issues related to the use of artificial intelligence in law enforcement activities have been considered in the works of foreign and domestic scholars, most studies focus on technological or general legal aspects. However, within the framework of the criminal procedure system of the Republic of Kazakhstan, the legal foundations, legal risks, and mechanisms for regulating the use of artificial intelligence have not yet been comprehensively examined. This indicates that the scientific development of this issue remains incomplete.

The purpose of the study is to analyze the legal foundations, risks, and prospects of using artificial intelligence technologies in criminal investigations in the Republic of Kazakhstan and to develop proposals for improving their legal regulation.

To achieve this goal, the following objectives were established: to determine the main areas of application of artificial intelligence technologies in criminal proceedings; to study the characteristics of artificial intelligence tools used by law enforcement agencies; to analyze international experience; to assess the current regulatory and legal framework of the Republic of Kazakhstan; to identify legal risks and legislative gaps; and to develop proposals for improving legal guarantees for the protection of human rights in the use of artificial intelligence in law enforcement activities.

International experience demonstrates the importance of introducing the principles of transparency, accountability, independent oversight, judicial control, and ethical regulation when using artificial intelligence in law enforcement agencies. In this regard, there is a need to develop special legislation on artificial intelligence in the Republic of Kazakhstan, including legal norms regulating the use of artificial intelligence in criminal proceedings and the activities of law enforcement agencies. The effective implementation of artificial intelligence in the investigation system is possible only if a balance is maintained between public security interests and the protection of fundamental human rights and freedoms.

Materials and Methods

The research materials included regulatory legal acts of the Republic of Kazakhstan, international documents, scientific publications, and analytical materials on the use of artificial intelligence in law

---

¹ Resolution of the Government of the Republic of Kazakhstan No. 827 of 12 December 2017 "On Approval of the State Programme "Digital Kazakhstan" (as amended on 1 October 2020) was repealed by Resolution of the Government of the Republic of Kazakhstan No. 311 of 17 May 2022. Available at: https://prg.kz/document/?doc_id=39315220&pos=5;111 (accessed: 14.04.2026).

enforcement agencies. The study applied methods of legal analysis, comparative legal method, system analysis, and methods of generalizing international experience in the use of artificial intelligence technologies in criminal investigations. In addition, the existing legal risks and prospects of introducing artificial intelligence into the criminal procedure system of the Republic of Kazakhstan were examined.

Results and discussion

One of the pros of AI- ability to analyse information of huge numbers in a short amount of time. This technology is able to do actions accurately similar to what people's thinking and analysing abilities could. Nowadays, while looking deeper into crimes they use the telephone calls, messages, bank operations, camera footage, and all the other digital information as a meaningful verdict. There is just no way that one could analyse the tons of evidence like these. So the AI can easily figure out the link between all the verdicts and approximately makes interrogation way easier.

It is believed that many digital traces are left in the course of criminal activities. It might include bank transactions, calls, geolocation data, social media activity and all the actions taken place by internet. AI systems recycle all this information automatically, suspect's circle of contacts and gives an opportunity to get the movements and actions of his. Not only does it help with finding suspected one, but also finds a similarity between crime actions and gives a

Scheme that's gonna be a lot more of a help.

Digital forensics has become one of the key areas of modern criminal investigations, as a significant portion of evidence is obtained from electronic information carriers, including video recordings, emails, messenger communications, banking transaction data, internet traffic records, computers, and smartphones. Artificial intelligence technologies significantly facilitate the collection, processing, and analysis of such digital evidence. AI-powered forensic tools are capable of recovering deleted files, examining electronic communications, identifying links between devices, and automatically detecting suspicious activities. Considering that modern electronic devices may contain thousands of files, photographs, messages, and other forms of digital information, the use of AI substantially accelerates investigative procedures and improves the effectiveness of evidence examination.

As a regard, the need of inputting new technologies in the digital forensics is rising. AI is also widely used in CCTV cameras. This types of cameras have been put in the cities and look after public places all day. However, it's impossible to review all the details on your own. In these cases computer sight technologies help to recognise a face, movements and suspicious behaviour of one.

In addition, artificial intelligence is widely used as an effective tool for ensuring public safety, identifying wanted persons, monitoring road traffic, and rapidly detecting emergency situations. However, the use of such technologies must comply with the principle of respect for citizens' privacy. Excessive digital surveillance may negatively affect democratic values and fundamental rights. Therefore, maintaining a balance between security and individual freedom remains essential [1].

In recent years, the number of offenses committed through the Internet has increased significantly. Judicial practice increasingly encounters cases involving online fraud, phishing, hacking attacks, and the theft of banking data. In the detection and investigation of such crimes, artificial intelligence systems automatically analyze suspicious activities within network infrastructures.

In the field of cybersecurity, artificial intelligence assists in identifying malicious software, monitoring suspicious transactions, and preventing online fraud. For example, in banking systems, AI technologies analyze customers' routine behavioral patterns and automatically detect unusual transactions, generating alerts about potential threats. Given the growing number of cybercrimes in Kazakhstan, the importance of these technologies continues to increase.

Alongside numerous advantages, the use of artificial intelligence in criminal investigations also gives rise to significant legal risks. First and foremost, the protection of personal data remains a critical issue. AI systems collect and process vast amounts of information. If such data are used unlawfully or disclosed to third parties, the rights and legitimate interests of citizens may be violated.

Another important concern relates to algorithmic errors. In certain situations, artificial intelligence may generate inaccurate results and incorrectly identify an individual as a suspect. Such errors can have serious implications for the protection of human rights. Furthermore, many AI systems operate according to the «black box» principle, meaning that the decision-making process of the algorithm is not fully transparent or understandable. This lack of transparency may raise concerns regarding the fairness, accountability, and legitimacy of criminal investigations.

Researchers studying the application of artificial intelligence note that it can be unpredictable (it may produce a result different from the expected one [2, p.1360], which may be readable but not explainable from the perspective of existing judicial practice), unreliable, and its actions may lack transparency for human understanding [3, p.1370]. In addition, it may be biased [4, p.2-3]. The decision-making process of artificial intelligence may be based on the number of sources it considers necessary, meaning that it independently selects important documents (for example, out of 100 documents on a topic, it may choose only 2 while ignoring all the others). This is because the decision-making model is based on a specific digital code, and some data cannot be compressed by artificial intelligence without loss [4, p.5].

One of the important issues related to the implementation of artificial intelligence in criminal investigations is the question of legal responsibility. In practice, situations may arise where an automated system makes an incorrect analytical conclusion, identifies the wrong individual, or generates inaccurate recommendations for investigators. In such cases, determining responsibility becomes extremely complicated. It remains unclear whether responsibility should be assigned to the software developer, the law enforcement officer using the system, or the state institution that implemented the technology.

Therefore, the development of legal norms regulating liability for damages caused by artificial intelligence systems is becoming increasingly necessary. Another important issue concerns the admissibility of digital evidence obtained through artificial intelligence technologies. Modern criminal proceedings require that evidence be collected, verified, and evaluated in accordance with procedural law.

However, AI systems often process information using complex algorithms that may not be fully understandable even to technical specialists. As a result, courts may face difficulties when determining whether such evidence is reliable and legally admissible. This creates the need for procedural standards regulating the collection and use of AI-generated evidence in criminal cases. Furthermore, artificial intelligence systems heavily depend on the quality of data used during their training process. If the data contains incomplete, outdated, or discriminatory information, the algorithm may produce biased outcomes.

This issue is particularly dangerous in the sphere of criminal justice because any discriminatory decision may violate the principle of equality before the law. For example, predictive policing systems may focus more attention on certain social groups or geographical areas based on historical crime statistics. Consequently, the use of such systems without proper supervision may contribute to social inequality and undermine public trust in law enforcement agencies.

In this regard, it is important to develop digital culture and legal literacy in society. Citizens need to know how their data is used and what potential risks may exist. In addition, law enforcement agencies must work with the public in an open and transparent manner. If citizens do not understand how artificial intelligence is used, this may lead to a decrease in trust in the state.

Today, many countries widely use artificial intelligence technologies in their law enforcement systems. In particular, the experience of the United States, China, and European countries attracts special attention [5].

The jurisdictions of the People's Republic of China (PRC) and the European Union (EU) strive for leadership in the field of artificial intelligence technologies; however, their approaches to the development and implementation of regulatory acts differ significantly. The EU places emphasis on strict regulation and the protection of human rights, which contributes to the formation of ethical standards in various fields, including defense, but also causes criticism due to possible restrictions on

innovative activity. A key element of this strategy became the Artificial Intelligence Act adopted in 2024, which establishes a legal framework for the safe use of AI and the protection of citizens' rights. In contrast, China applies a centralized approach aimed at stimulating innovation and ensuring rapid decision-making. Such an approach allows the country to remain at the forefront of AI legal regulation by implementing effective mechanisms such as the «Regulation on the Management of Algorithms» and the «Personal Information Protection Law». Nevertheless, there is a risk that the emphasis on the rapid implementation of technologies may lead to insufficient protection of citizens' rights [6].

Cyber security also remains one of the central challenges associated with the use of artificial intelligence in criminal investigations. AI systems operate through digital infrastructure and process significant amounts of sensitive information, including personal data, criminal records, and surveillance materials. If these systems are attacked by cybercriminals, confidential information may be stolen, altered, or manipulated. Such incidents may not only disrupt criminal investigations but also threaten national security. Therefore, the implementation of strong cyber security mechanisms and regular technical audits is essential for ensuring the safe operation of AI technologies in law enforcement bodies. Public control and transparency are also important conditions for the lawful use of artificial intelligence. Citizens should clearly understand the purposes for which AI systems are being introduced, how their personal information is processed, and what safeguards exist against abuse.

Transparent legal procedures may help prevent unlawful surveillance and strengthen confidence in state institutions. In democratic societies, the use of artificial intelligence in law enforcement should always remain subject to judicial oversight and independent monitoring mechanisms. Criminal activities committed through digital technologies frequently cross national borders, making it difficult for a single country to investigate such crimes independently. For this reason, states need to cooperate by exchanging information, harmonizing legal standards, and developing common approaches toward AI regulation. International organizations such as the United Nations, the Council of Europe, and the OECD are already actively discussing ethical and legal principles concerning artificial intelligence technologies [7].

International practice demonstrates that artificial intelligence technologies are increasingly integrated into criminal investigation and forensic activities. One of the most significant areas of application is the analysis of large volumes of structured and unstructured data. AI systems are capable of processing information obtained from various sources, identifying hidden correlations, and generating analytical insights that may support investigative decision-making. Such capabilities substantially reduce the time required for information processing and improve the efficiency of criminal investigations.

Another important area concerns the use of computer vision technologies. Modern facial recognition systems and image analysis algorithms assist law enforcement agencies in identifying suspects, analyzing surveillance footage, detecting relevant objects, and enhancing the quality of digital images obtained during investigative activities. These technologies contribute to more effective examination of visual evidence and facilitate the identification of persons involved in criminal offenses.

Artificial intelligence is also increasingly applied in predictive analytical systems. By processing historical crime data and statistical indicators, AI tools can identify geographical areas or circumstances associated with an elevated risk of criminal activity. Such analytical instruments may assist law enforcement agencies in the allocation of resources and the implementation of preventive measures. Similar approaches are reflected in Kazakhstan's ongoing digital transformation initiatives within the law enforcement sector [8].

The growing complexity of cybercrime has further expanded the role of artificial intelligence in criminal investigations. AI-based solutions are used to detect suspicious network activities, analyze blockchain transactions, identify potential cyber threats, and support investigations involving digital assets and cryptocurrency-related offenses [9].

In addition, digital forensic software equipped with AI capabilities assists specialists in recovering deleted information, processing encrypted data, and verifying the integrity and authenticity of digital evidence.

Despite the significant advantages of artificial intelligence technologies, their implementation requires appropriate legal safeguards. In many jurisdictions, the principle of human oversight remains fundamental. Under this approach, artificial intelligence serves as an auxiliary analytical instrument, while legally significant decisions continue to be made by authorized officials who bear procedural responsibility for their actions. Furthermore, the operation of AI systems is generally subject to legal requirements concerning personal data protection, transparency, accountability, and the prevention of discriminatory outcomes resulting from algorithmic decision-making. The scientific aspects of this process in jurisprudence are discussed in detail in materials on the use of artificial intelligence in criminology [10].

Artificial intelligence technologies may also contribute to improving the efficiency of forensic examinations. For example, AI systems are capable of comparing fingerprints, analyzing DNA materials, identifying forged documents, and reconstructing digital events with a high level of precision. Such technologies reduce the workload of experts and accelerate investigative procedures. However, despite these advantages, forensic experts must continue to independently verify the conclusions generated by automated systems in order to avoid technical mistakes and ensure procedural fairness. Another promising direction is the use of artificial intelligence for combating financial and economic crimes. AI systems are able to detect suspicious banking transactions, identify illegal financial schemes, and analyze large volumes of accounting data much faster than traditional methods. Considering the increasing complexity of financial crimes in the digital economy, such technologies may significantly strengthen the effectiveness of anti-corruption and anti-money laundering measures.

Given the transnational nature of cybercrime, international cooperation remains essential for the effective regulation of artificial intelligence and the investigation of digitally enabled offences. Digital technologies are not limited by national borders, and offences committed through the Internet may affect several jurisdictions simultaneously. Consequently, international organizations are paying increasing attention to issues related to AI governance, cybersecurity, personal data protection, and the safeguarding of fundamental human rights. The development of common international standards for the use of artificial intelligence may further strengthen cross-border cooperation and contribute to global digital security.

It is also important for Kazakhstan to study international experience. This is because taking global experience into account makes it possible to improve the country's legal system and adapt law enforcement activities to modern requirements.

With regard to the current legislation of the Republic of Kazakhstan, there is currently no special law regulating the use of artificial intelligence technologies in law enforcement activities. Nevertheless, legal relations in this sphere are indirectly regulated by several normative legal acts. In particular, the Constitution of the Republic of Kazakhstan guarantees the protection of human rights and freedoms, the inviolability of private life, and the protection of personal data. In addition, the Law of the Republic of Kazakhstan «On Personal Data and Their Protection» establishes the procedure for the collection, storage, and processing of personal information.

The norms of the Criminal Procedure Code define the procedures for collecting, examining, and evaluating evidence. However, the current legislation does not clearly define the legal status of information obtained through artificial intelligence systems, the conditions for using such information as evidence, or the procedures for verifying the reliability of algorithmic processing results. This creates a certain degree of legal uncertainty in law enforcement practice.

In our opinion, information generated by artificial intelligence should not be regarded as independent evidence but rather as an additional informational tool subject to evaluation by investigators and courts. This is because the operating principles of algorithms are not always

transparent, and the possibility of independently verifying the accuracy of their conclusions may be limited.

One of the main risks associated with the use of artificial intelligence systems is the possibility of algorithmic errors. Such errors may lead to incorrect identification of individuals, inaccurate predictions, or false conclusions. In the context of criminal proceedings, such mistakes may cause significant harm to the rights and legitimate interests of citizens.

Kazakhstan's legislation does not contain specific rules establishing liability for erroneous actions of artificial intelligence systems. Therefore, determining the subject of liability remains a complex issue. In our opinion, since artificial intelligence cannot be regarded as a full legal subject, responsibility for the results of its operation should be imposed on the state body or specific officials who introduced and used the system. In addition, high-risk algorithms should be subject to mandatory independent audits and continuous monitoring.

Although the introduction of artificial intelligence technologies into the activities of law enforcement agencies contributes to ensuring public security, the protection of citizens' constitutional rights must remain a priority. In particular, when using facial recognition systems and predictive analytics tools, special importance should be attached to observing the principle of the inviolability of private life.

In the author's opinion, it is necessary to establish special legal foundations for the use of artificial intelligence technologies in the activities of law enforcement agencies in the Republic of Kazakhstan. Such a regulatory system should be based on at least four fundamental principles: transparency of algorithms, mandatory human oversight, independent audit, and effective judicial protection of citizens' rights. In addition, it would be appropriate to adopt special legal norms clarifying the evidentiary status of information obtained with the assistance of artificial intelligence and establishing procedures for its use in court.

Thus, although artificial intelligence makes it possible to improve the efficiency of criminal investigations, its application must be accompanied by legal safeguards, state supervision, and reliable mechanisms for the protection of human rights. Only under such conditions will it be possible to ensure the safe and effective implementation of artificial intelligence technologies in the law enforcement system.

Conclusion

In summary, the findings of this research indicate that artificial intelligence is becoming an increasingly important component of modern criminal investigations. The ability of AI-based systems to process extensive datasets, identify patterns within digital information, detect relevant connections between events, and support the examination of electronic evidence creates new opportunities for improving investigative practices. These capabilities are particularly valuable in addressing cybercrime and other offenses involving large volumes of digital data.

Despite the gradual integration of artificial intelligence into law enforcement activities in Kazakhstan, the legal status of AI-generated results, the admissibility of digital evidence, and liability for algorithmic errors remain insufficiently regulated.

The analysis conducted in this study suggests that information obtained through artificial intelligence should not currently be treated as independent evidence in criminal proceedings. Rather, it should serve as an auxiliary source of analytical support whose results require verification through established procedural mechanisms.

Particular attention should also be paid to the risks associated with algorithmic inaccuracies. Errors in data processing, biased training datasets, or technical limitations of AI models may affect the reliability of investigative conclusions and, in certain circumstances, may lead to unjustified interference with individual rights. For this reason, the legal responsibilities of developers, system operators, and public officials involved in the deployment of such technologies should be clearly defined.

Based on the results obtained, it appears necessary to further develop the legal regulation of artificial intelligence within the criminal justice system of Kazakhstan. This includes establishing clear procedural rules for the use of AI technologies, defining standards for the assessment of digital evidence, introducing independent oversight and auditing mechanisms, and strengthening safeguards aimed at protecting fundamental rights and freedoms. Such measures would contribute to greater transparency, accountability, and public trust in the use of AI-assisted investigative tools.

Ultimately, the effectiveness of artificial intelligence in criminal investigations will depend not only on technological advancement but also on the existence of an appropriate legal and ethical framework. In our opinion, artificial intelligence should be regarded as a supporting instrument that enhances investigative capabilities rather than as a substitute for human judgment. Achieving an appropriate balance between technological innovation, procedural fairness, and the protection of human rights will be essential for the responsible integration of artificial intelligence into the criminal justice system.

Authors' Contributions

Apparova S.Z. conducted research on the legal aspects of the use of artificial intelligence in criminal proceedings, including the analysis of international experience, legal risks, digital evidence, and human rights protection issues.

Bizhanova A.R. developed the concept and structure of the study, participated in formulating the conclusions and recommendations, and contributed to the preparation and scientific editing of the article.

References:

- 1 *Daubassova Sh.S., Alaeva G.T., Dzhumabayeva K.A. AI and criminal surveillance in Kazakhstan // Eurasian Scientific Journal of Law. – 2024. – № 4(9). – P. 19–29.*
- 2 *Selbst A.D. Negligence and AI's Human Users // Boston University Law Review. – 2020. – Vol. 100. – P. 1315–1377.*
- 3 *Dufour J.M. Some Impossibility Theorems in Econometrics with Applications to Structural and Dynamic Models // Econometrica. – 1997. – Vol. 65. – № 6. – P. 1365–1387.*
- 4 *Yampolskiy R.V. Unexplainability and Incomprehensibility of Artificial Intelligence // Journal of Artificial Intelligence and Consciousness. – 2019. – Vol. 7. – № 2. – P. 1–15.*
- 5 *28 стран, включая США и Китай, подписали совместную декларацию об угрозах искусственного интеллекта. Чего опасаются больше всего? [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.currenttime.tv/a/ssha-kitay-deklaratsiyu-ugrozah-iskusstvennogo-intellekta/32667849.html> (дата обращения: 16.06.2026).*
- 6 *Khassanay A., Tifine P. Through the Lens of the Law: How China and the European Union Are Shaping the Future of Artificial Intelligence // Вестник КазНПУ имени Абая. Серия «Юриспруденция». – 2024. – № 4(78). – С. 43–53.*
- 7 *Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the Protection of Natural Persons with Regard to the Processing of Personal Data and on the Free Movement of Such Data, and Repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation) [Electronic resource]. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32016R0679> (accessed: 16.06.2026).*
- 8 *Казахстан представил международному сообществу аналитический обзор «Artificial Intelligence and Digital Transformation of Law Enforcement: The Experience of the Prosecutor General's Office of Kazakhstan» [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/prokuror/press/news/details/1205888?lang=ru> (дата обращения: 16.06.2026).*
- 9 *Даниленко Ю.А. Использование искусственного интеллекта в преступных целях: уголовно-правовая характеристика // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2023. – Т. 9 (75). – № 4. – С. 232–240.*

10 Лыков Э.Н. Использование искусственного интеллекта в криминалистике [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-iskusstvennogo-intellekta-v-kriminalistike> (дата обращения: 16.06.2026).

References:

- 1 Daubassova Sh.S., Alaeva G.T., Dzhumabayeva K.A. *AI and Criminal Surveillance in Kazakhstan. Eurasian Scientific Journal of Law*, 2024, No. 4(9), pp. 19-29.
- 2 Selbst A.D. *Negligence and AI's Human Users. Boston University Law Review*, 2020, Vol. 100, pp. 1315-1377.
- 3 Dufour J.M. *Some Impossibility Theorems in Econometrics with Applications to Structural and Dynamic Models. Econometrica*, 1997, Vol. 65, No. 6, pp. 1365-1387.
- 4 Yampolskiy R.V. *Unexplainability and Incomprehensibility of Artificial Intelligence. Journal of Artificial Intelligence and Consciousness*, 2019, Vol. 7, No. 2, pp. 1-15.
- 5 28 stran, vklyuchaya SShA i Kitai, podpisali sovmestnuyu deklaratsiyu ob ugrozakh iskusstvennogo intellekta. Chego opasayutsya bol'she vsego? Available at: <https://www.currenttime.tv/a/ssha-kitay-deklaratsiyu-ugrozah-iskusstvennogo-intellekta/32667849.html> (accessed 16 June 2026).
- 6 Khassanay A., Tifine P. *Through the Lens of the Law: How China and the European Union Are Shaping the Future of Artificial Intelligence. Bulletin of KazNPU named after Abai. Series «Jurisprudence»*, 2024, No. 4(78), pp. 43–53.
- 7 Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the Protection of Natural Persons with Regard to the Processing of Personal Data and on the Free Movement of Such Data, and Repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation). Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32016R0679> (accessed 16 June 2026).
- 8 Kazakhstan predstavil mezhdunarodnomu soobshchestvu analiticheskii obzor «Artificial Intelligence and Digital Transformation of Law Enforcement: The Experience of the Prosecutor General's Office of Kazakhstan». Available at: <https://www.gov.kz/memleket/entities/prokuror/press/news/details/1205888?lang=ru> (accessed 16 June 2026).
- 9 Danilenko Yu.A. *Ispol'zovanie iskusstvennogo intellekta v prestupnykh tselyakh: ugolovno-pravovaya kharakteristika. Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki*, 2023, Vol. 9 (75), No. 4, pp. 232–240.
- 10 Lykov E.N. *Ispol'zovanie iskusstvennogo intellekta v kriminalistike. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-iskusstvennogo-intellekta-v-kriminalistike* (accessed 16 June 2026).

К.Б.Молдағалиев^{1*} , А.К.Камбаров¹

¹НАО «Евразийский национальный университет имени Л.Н.Гумилева»
(e-mail: *mkb_010@mail.ru, kambarov_ak@enu.kz)

ЦИФРОВЫЕ СЛЕДЫ КАК ОБЪЕКТ СУДЕБНОЙ КОМПЬЮТЕРНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Аннотация

В статье исследуются цифровые следы как значимый объект судебной компьютерно-технической экспертизы при расследовании преступлений, совершаемых в киберпространстве. Рассматриваются научные подходы к пониманию сущности цифровых следов, их характерных признаков и классификации. Авторы уделяет внимание особенностям работы с цифровой информацией, которая может выступать доказательством в суде, включая этапы ее выявления, фиксации, хранения и последующего экспертного исследования.

Особый акцент сделан на проблемах, возникающих при анализе цифровых доказательств в условиях распространения облачных сервисов, применения криптографических средств защиты информации и технологий сокрытия сетевой активности пользователей. Отмечается, что расследование киберпреступлений требует не только технической подготовки специалистов, но и соблюдения процессуальных требований, обеспечивающих достоверность и целостность цифровых данных.

По результатам исследования сделан вывод о необходимости совершенствования методологических подходов в сфере цифровой криминалистики и разработки единых научно-практических стандартов исследования цифровых следов в экспертной деятельности.

Ключевые слова: цифровые следы, судебная компьютерно-техническая экспертиза, киберпреступления, электронные доказательства, цифровая криминалистика, цифровые данные.

К.Б. Молдағалиев¹, А.Қ. Қамбаров¹

¹КеАҚ «Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті»

ЦИФЛЫҚ ІЗДЕР СӨТ КОМПЬЮТЕРЛІК-ТЕХНИКАЛЫҚ САРАПТАМА НЫСАНЫ РЕТІНДЕ

Аңдатпа

Мақалада цифрлық іздер киберқылмыстарды тергеу барысында қолданылатын соттық компьютерлік-техникалық сараптаманың маңызды объектілерінің бірі ретінде қарастырылады. Цифрлық іздердің мәнін түсіндіруге қатысты ғылыми көзқарастар, олардың негізгі белгілері мен жіктелуі талданады. Авторлар қылмыстық іс жүргізуде дәлелдемелік маңызы бар цифрлық ақпаратты анықтау, тіркеу, сақтау және сараптамалық зерттеу ерекшеліктеріне ерекше назар аударады.

Сонымен қатар, бұлттық сервистердің кең таралуы, ақпаратты криптографиялық қорғау құралдарының қолданылуы және желідегі белсенділікті жасыру технологиялары жағдайында цифрлық дәлелдемелерді зерттеу барысында туындайтын мәселелер қарастырылады. Киберқылмыстарды тиімді тергеу мамандардың техникалық даярлығымен қатар, цифрлық деректердің тұтастығы мен сенімділігін қамтамасыз ететін процессуалдық талаптарды дұрыс сақтауға да байланысты екендігі атап өтіледі.

Зерттеу нәтижесінде цифрлық криминалистика саласындағы теориялық және әдіснамалық негіздерді жетілдіру, сондай-ақ сараптамалық тәжірибеде цифрлық іздерді зерттеудің бірыңғай ғылыми-практикалық тәсілдерін қалыптастыру қажеттілігі туралы қорытынды жасалады.

Түйін сөздер: цифрлық іздер, сот компьютерлік криминалистика, киберқылмыс, электрондық дәлелдемелер, цифрлық криминалистика, цифрлық деректер.

K.B.Moldagaliyev¹, A.K.Kambarov¹
¹JSC «L.N. Gumilyov Eurasian National University»

DIGITAL FOOTPRINTS AS AN OBJECT OF FORENSIC COMPUTER-TECHNICAL EXAMINATION

Abstract

The article examines digital traces as a significant object of forensic computer and technical examination in the investigation of crimes committed in cyberspace. Scientific approaches to understanding the essence of digital traces, their characteristic features, and classification are considered. The authors pay special attention to the specifics of working with digital information that may serve as evidence in criminal proceedings, including the stages of its identification, recording, storage, and subsequent forensic examination.

Particular emphasis is placed on the problems arising during the analysis of digital evidence in the context of the widespread use of cloud services, cryptographic methods of information protection, and technologies used to conceal users' network activity. It is noted that the investigation of cybercrimes requires not only technical training of specialists, but also compliance with procedural requirements that ensure the reliability and integrity of digital data.

Based on the results of the study, the authors conclude that there is a need to improve methodological approaches in the field of digital forensics and to develop unified scientific and practical standards for the examination of digital traces in expert practice.

Key words: digital footprints, forensic computer examination, cybercrime, electronic evidence, digital forensics, digital data.

Введение

Современное развитие информационного общества характеризуется тотальной цифровизацией всех сфер жизнедеятельности. Практически каждое действие пользователя в цифровой среде оставляет след, фиксируемый информационными системами. По оценкам современных исследований, более 90% преступлений имеют цифровой компонент, что радикально изменяет структуру доказательной базы уголовного процесса [1].

Киберпреступность в настоящее время является одной из наиболее быстро развивающихся форм преступной деятельности. Ее особенностями выступают высокая латентность, трансграничный характер, а также использование сложных технических и программных средств. В связи с этим особое значение приобретает судебная компьютерно-техническая экспертиза, которая выступает важным инструментом выявления, исследования и оценки цифровой информации, имеющей доказательственное значение.

Одним из ключевых объектов судебной компьютерно-технической экспертизы являются цифровые следы, возникающие в процессе функционирования информационных систем, сетевого взаимодействия пользователей и использования электронных устройств. В противоположность традиционных материальных следов преступления цифровые следы обладают специфическими свойствами: нематериальностью, высокой изменчивостью, возможностью удаленного хранения и быстрого уничтожения, а также зависимостью от программно-технической среды. Перечисленные особенности обуславливают необходимость создания научно обоснованных подходов к их обнаружению, фиксации, сохранению и исследованию.

Актуальность темы исследования определяется возрастанием роли цифровых доказательств в уголовном судопроизводстве и необходимостью совершенствования теоретических и методических основ судебной компьютерно-технической экспертизы. Практика расследования киберпреступлений свидетельствует о том, что эффективность раскрытия и доказывания противоправной деятельности во многом зависит от правильного выявления и интерпретации цифровых следов. Вместе с тем развитие технологий хранения и

передачи данных, использование облачных сервисов, средств шифрования и анонимизации существенно усложняют процесс экспертного исследования цифровой информации.

Несмотря на наличие научных работ, посвященных вопросам цифровой криминалистики и компьютерно-технической экспертизы, в современной юридической науке сохраняются дискуссионные вопросы, связанные с определением сущности цифровых следов, их классификацией, процессуальным статусом и методикой экспертного исследования. Недостаточная разработанность отдельных теоретических положений, а также отсутствие единых методических подходов предопределяют необходимость дальнейшего комплексного исследования данной проблематики.

Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие в процессе выявления, фиксации и исследования цифровых следов при расследовании киберпреступлений. Предмет исследования составляют теоретические положения, методические основы и практические аспекты использования цифровых следов в судебной компьютерно-технической экспертизе.

Целью статьи является исследование сущности цифровых следов как объекта судебной компьютерно-технической экспертизы, а также определение их значения в процессе расследования и раскрытия киберпреступлений. Для достижения поставленной цели предполагается решение следующих задач: анализ понятия и признаков цифровых следов; рассмотрение их классификации; выявление особенностей обнаружения и фиксации цифровой информации; исследование проблем экспертного исследования цифровых доказательств в современных условиях.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в возможности использования полученных выводов при совершенствовании методики судебной компьютерно-технической экспертизы, а также в правоприменительной деятельности органов расследования и судебно-экспертных учреждений.

Материалы и методы

В ходе исследования анализировались научные публикации отечественных и зарубежных авторов в области цифровой криминалистики и судебной компьютерно-технической экспертизы.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные и специальные методы научного познания, включая диалектический, системно-структурный, сравнительно-правовой, формально-юридический и логический методы.

Системно-структурный метод позволил определить место цифровых следов в системе объектов судебной компьютерно-технической экспертизы и выявить взаимосвязь между этапами их обнаружения, фиксации и исследования.

Сравнительно-правовой метод применялся для сопоставления отечественного и зарубежного подходов к исследованию цифровых доказательств.

Логический и аналитический методы использовались при формулировании научных выводов, классификации цифровых следов и определении особенностей их экспертного исследования.

Применение указанных методов обеспечило всестороннее и объективное исследование поставленной проблемы, а также соответствие полученных результатов целям и задачам научной работы.

Результаты и обсуждение

Новый вид преступлений обусловил возникновение «информационных следов», ранее нехарактерных для следственной практики и требующих специального криминалистического научного изучения. В.Б. Вехов рассматривает виртуальные следы как промежуточную категорию между материальными и идеальными следами [2].

Цифровые следы представляют совокупность данных, возникающих в процессе функционирования информационных систем и отражающих действия пользователя или программных процессов. Они могут быть явными (файлы, переписка, документы) и скрытыми (метаданные, журналы событий, кеш-данные [3]).

Е.Р. Россинская определяет цифровой след как «...криминалистически значимую компьютерную информацию о событиях или действиях, отраженную в материальной среде, в процессе ее возникновения, обработки, хранения и передачи» [4].

Цифровые следы представляют совокупность артефактов, оставляемых пользователем и устройствами в облачных и мобильных средах [1].

Пользовательская активность в цифровой среде формирует два аспекта цифрового следа: цифровую идентичность и онлайн-самосознание. Первый аспект связан с совокупностью цифровых данных, создаваемых пользователями и информационными системами, и соответствует пассивному цифровому следу. Второй аспект отражает проявление «Я» в социальных сетях и цифровом пространстве, характеризующееся саморефлексией, самовыражением и самоконтролем, и рассматривается как активный цифровой след [5].

Согласно научным подходам, цифровые следы рассматриваются как разновидность информационных следов, фиксирующих факт взаимодействия субъекта с цифровой средой [6].

Предлагается рассматривать цифровые следы как динамическую информационную систему, включающую:

- первичные следы, а именно действия пользователя;
- вторичные следы, которые автоматически генерируются системой;
- производные следы, включающие результаты обработки и взаимодействия данных.

Такой подход позволяет учитывать не только факт наличия данных, но и их происхождение и трансформацию.

Цифровые следы как объект судебной компьютерно-технической экспертизы обладают рядом специфических криминалистических особенностей, отличающих их от традиционных материальных следов преступления. К числу наиболее значимых особенностей цифровых следов относятся нематериальный характер, высокая изменчивость, зависимость от программно-технической среды, возможность удаленного хранения и копирования, а также сложности установления первоначального источника происхождения цифровой информации [7].

Одной из ключевых особенностей цифровых следов является их нематериальный характер. В отличие от традиционных криминалистических следов, имеющих физическую форму (отпечатки пальцев, следы обуви, биологические объекты), цифровые следы существуют исключительно в виде информационных данных, представленных в электронно-кодированной форме. Они не обладают самостоятельным материальным выражением и воспринимаются только посредством технических устройств и программного обеспечения.

Нематериальная природа цифровых следов предопределяет специфику их обнаружения и фиксации. Для работы с ними требуется использование специальных программно-технических средств, позволяющих визуализировать, копировать и анализировать цифровую информацию. При этом непосредственное восприятие следов человеком невозможно без соответствующей цифровой среды.

Кроме того, цифровые следы нередко существуют сразу в нескольких одинаковых копиях, полностью совпадающих между собой. Именно этим они существенно отличаются от традиционных материальных следов. В подобных ситуациях определить первоначальный источник информации и установить, какой носитель является оригинальным, бывает достаточно сложно.

Одной из характерных особенностей цифровых следов является их изменчивость и нестабильность. Сложность заключается в том, что изменения могут происходить даже без действий со стороны пользователя. Современные операционные системы автоматически создают временные файлы, обновляют системные журналы, изменяют метаданные и перезаписывают отдельные участки памяти устройства. По этой причине цифровая информация способна быстро утрачивать свое первоначальное состояние. С точки зрения

криминалистики это значительно осложняет обеспечение сохранности и достоверности электронных доказательств.

Особую проблему представляет быстрое устаревание технологий. На практике часть цифровых следов со временем становится недоступной из-за прекращения поддержки определенных программ, устройств, хостинга или форматов хранения данных. В связи с этим исследование цифровых следов требует от специалиста не только знаний в области права и криминалистики, но и хорошей технической подготовки в сфере информационных технологий.

В отличие от обычных материальных объектов цифровые данные могут быть практически мгновенно скопированы, перемещены либо удалены. При этом созданные копии зачастую полностью совпадают с оригиналом, что затрудняет установление первоисточника информации и последовательности ее распространения.

Дополнительные трудности возникают при использовании облачных сервисов, распределенных систем хранения данных и виртуальных серверов. В таких условиях физический носитель информации фактически может находиться вне доступа пользователя, а работа с данными осуществляется дистанционно через сеть Интернет.

Цифровые следы могут выступать объектами исследования при проведении различных видов судебных экспертиз, включая фототехническую, видеотехническую, портретную, фоноскопическую, бухгалтерскую и другие. Вместе с тем цифровая форма такой информации требует применения специальных методов компьютерно-технического исследования, позволяющих корректно извлекать, обрабатывать и анализировать необходимые данные.

В научной литературе цифровые следы обычно подразделяются на несколько основных категорий: следы, содержащиеся на локальных устройствах (компьютерах, ноутбуках, смартфонах), сетевые следы (IP-адреса, журналы подключений), данные облачных сервисов, коммуникационные следы (электронная почта, мессенджеры, социальные сети), метаданные файлов, а также сведения о финансовых операциях, включая транзакции с криптовалютой. Подобная классификация позволяет более системно подходить к исследованию объектов судебной компьютерно-технической экспертизы и подбирать соответствующие методы их анализа [8].

На основе анализа современной практики предлагается расширенная классификация (табл.1):

Таблица 1

Классификация цифровых следов

№	Вид цифровых следов	Основные элементы	Криминалистическое значение
1	Локальные цифровые следы	данные на устройствах; журналы системы; временные файлы и кэш	дают возможность зафиксировать действия юзера на определённом устройстве, воссоздать последовательность событий и факт применения программ
2	Сетевые следы	IP-адреса и соединения; сетевые логи; маршрутизация трафика	применяются для определения сетевой активности, источника подключения и пути передачи данных
3	Облачные следы	данные облачных сервисов; распределённые базы данных; синхронизированные копии	позволяют обнаружить удаленное хранение данных, копии и работу с облачными системами
4	Коммуникационные следы	социальные сети; мессенджеры; электронная почта	выступают основой для анализа взаимодействий, установления контактов между субъектами и обнаружения преступных связей

5	Финансово-цифровые следы	банковские транзакции и операции	применяются для мониторинга денежных потоков, фиксации финансовых операций и потенциального узаконивания поступлений
6	IoT-следы (интернет вещей)	информация с «умных» устройств; сенсорные реестры; сведения много дома и используемых гаджетов	применяются для воссоздания действий пользователя и регистрации автоматических событий в физической среде
7	AI-генерируемые следы	сценарии взаимодействия с ИИ-системами; обращения к нейросетям; автоматизированные решения алгоритмов	дают возможность установить факт применения ИИ-сервисов, запросов и алгоритмов

Примечание: составлено авторами.

Представленная классификация цифровых следов отражает современное состояние цифровой среды и показывает, насколько изменилось понимание компьютерно-технических следов в условиях развития цифровой криминалистики. Если ранее основное внимание уделялось только данным, находящимся на компьютере или в сети, то сегодня исследование охватывает значительно более широкий круг цифровых объектов и источников информации.

Прежде всего, базовыми по-прежнему остаются локальные и сетевые следы, поскольку именно они формируют основную доказательственную базу. Локальные следы позволяют установить действия пользователя на конкретном устройстве, а сетевые помогают восстановить взаимодействие в информационной среде, определить каналы связи и зафиксировать сетевую активность.

Вместе с тем все большую роль начинают играть облачные и коммуникационные следы. Это связано с тем, что значительная часть информации сегодня хранится не на физических носителях пользователя, а в облачных сервисах, мессенджерах и социальных сетях. В подобных условиях данные могут находиться сразу на нескольких удалённых серверах, что заметно усложняет их обнаружение, изъятие и последующее экспертное исследование.

Особое значение в современной практике приобретают мобильные, IoT- и AI-генерируемые следы. Мобильные устройства позволяют фиксировать действия пользователя практически в режиме реального времени. IoT-устройства, подключенные к сети, расширяют возможности криминалистического анализа за счет получения данных с физических объектов. В свою очередь, AI-следы отражают влияние алгоритмов и систем искусственного интеллекта на формирование цифровой активности пользователей.

В связи с этим становится очевидной необходимость пересмотра традиционных подходов к судебной компьютерно-технической экспертизе и перехода к более комплексным моделям исследования цифровой информации.

Судебная компьютерно-техническая экспертиза направлена на изучение цифровых данных для установления обстоятельств, имеющих значение по делу. При этом цифровые следы выступают одним из основных объектов такого исследования.

Несмотря на активное развитие цифровой криминалистики, исследование цифровых следов до сих пор сопровождается рядом серьезных проблем. Среди них можно выделить использование технологий шифрования и VPN-сервисов, удаленное хранение информации в облачных системах, высокую скорость изменения цифровых данных, отсутствие единых международных стандартов исследования, а также сложности, связанные с установлением личности реального пользователя. Указанные обстоятельства существенно усложняют проведение судебной компьютерно-технической экспертизы и подтверждают необходимость дальнейшего совершенствования ее методологической базы [9].

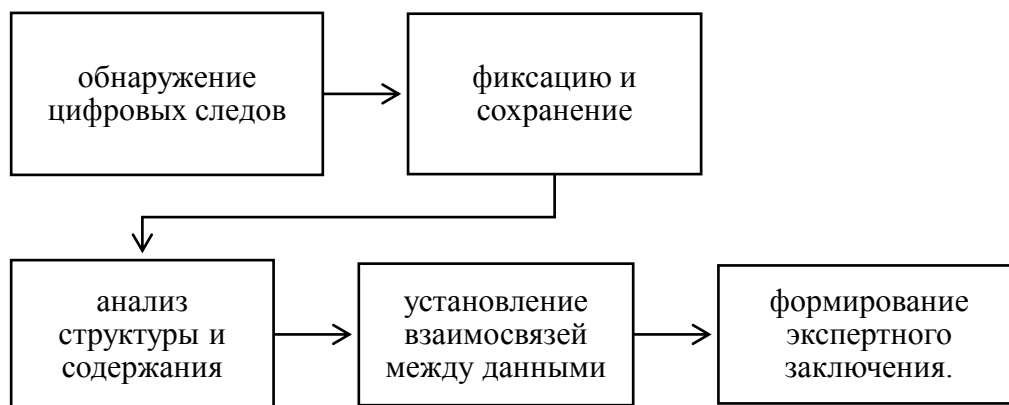

Рисунок 1. Последовательность судебной компьютерно-технической экспертизы в работе с цифровыми следами

В рамках судебной компьютерно-технической экспертизы деятельность эксперта связана с поиском, фиксацией, сохранением и дальнейшим исследованием цифровых следов, способных выступать доказательствами по делу [10]. Работа с такими данными имеет свою специфику, поскольку цифровая информация не обладает материальной формой, может быстро изменяться и напрямую зависит от технических характеристик устройства и используемого программного обеспечения.

По этой причине при обнаружении и фиксации цифровых следов специалисту необходимо учитывать особенности программно-технической среды, а также обеспечивать сохранность исходного состояния информации. На рисунке 1 представлен общий алгоритм работы с цифровыми следами.

Заключение

Таким образом, цифровые следы сегодня выступают одним из ключевых объектов судебной компьютерно-технической экспертизы при расследовании киберпреступлений, поскольку содержат значительный объем информации, способной иметь доказательственное значение.

Проведенный анализ научных подходов, особенностей классификации цифровых следов и специфики работы с электронными данными показывает, что их обнаружение, фиксация, сохранение и исследование требуют соблюдения специальных методик и обеспечения сохранности цифровой информации. Установлено, что использование современных технологий, включая облачные сервисы, средства шифрования и инструменты анонимизации, значительно усложняет процесс получения и анализа цифровых доказательств, создавая дополнительные практические и методологические сложности.

В связи с этим эффективность расследования киберпреступлений во многом зависит от уровня развития судебной компьютерно-технической экспертизы, а также от качества и правильности применяемых экспертных методик.

Вклад авторов

Молдагалиев К.Б. разработал концепцию исследования и подготовил теоретико-правовой анализ темы.

Камбаров А.К. проанализировал практические аспекты цифровых следов и участвовал в формулировании выводов.

Список использованной литературы:

1 Quick D., Choo K.-K.R. (2018). IoT Device Forensics and Data Reduction. // IEEE Access. Vol. 6, 47566-47574 pp. DOI: <https://doi.org/10.1109/ACCESS.2018.2867466>

2 Вехов В.Б. Преступления в сфере цифровой экономики: совершенствование расследования на основе положений электронной криминалистики // Пермский юридический альманах. Ежегодный научный журнал. 2019. №2. – С. 630-640. – URL: <http://almanack.psu.ru/wp-content/uploads/2019.pdf>

3 Nayerifard, T., Amintoosi, H., Bafghi, A. G., & Dehghantanha, A. (2023). *Machine Learning in Digital Forensics: A Systematic Literature Review*. arXiv.org. DOI: <https://doi.org/10.48550/arXiv.2306.04965>

4 Россинская Е.Р. Система теории цифровизации судебно-экспертной деятельности. Теория и практика судебной экспертизы. 2024. 19(3). – С. 20-32. DOI: <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2024-3-20-32>

5 Jamal, N., & Zain, J. M. (2022). *A review on nature, cybercrime and best practices of digital footprints*. 2022 International Conference on Cyber Resilience (ICCR). DOI: <https://doi.org/10.1109/iccr56254.2022.9995834>

6 Цифровой след как объект судебной экспертизы: материалы Международной научно-практической конференции. – Москва: ПГ-Пресс, 2020. – 272 с. ISBN 978-5-9988-0932-3

7 Apsimet, N., Alimkulov, Y., & Duisenbayeva, G. (2024). *The collection of digital traces in the investigation of online crimes*. // BULLETIN of L.N. Gumilyov Eurasian National University Law Series, 149(4), 170-185. <https://doi.org/10.32523/2616-6844-2024-149-4-170-185>

8 Klasén, L., Fock, N., & Forchheimer, R. (2024). *The invisible evidence: Digital forensics as key to solving crimes in the digital age* // Forensic Science International, 362, 112-133. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.forsciint.2024.112133>

9 Руденкова Ю.С., Хазиев Ш.Н., Усов А.И. Искусственный интеллект и судебная компьютерно-техническая экспертиза // Теория и практика судебной экспертизы. 2024. Т. 19. №2. – С. 76-87. DOI: <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2024-2-76-87>

10 Vladimirov D.M. (2024). *Detection and removal of digital traces of extremist crimes* // Forensics: yesterday, today, tomorrow. No. 3. 38-44 pp. URL: <https://kvsz.ru/en/nauka/article/90726/view?utm>

References:

1 Quick D., Choo K.-K.R. (2018). *IoT Device Forensics and Data Reduction*. // IEEE Access. Vol. 6, 47566-47574 pp. DOI: <https://doi.org/10.1109/ACCESS.2018.2867466>

2 Vehov V.B. (2019) *Prestuplenija v sfere cifrovoj jekonomiki: sovershenstvovanie rassledovaniya na osnove polozhenij jelektronnoj kriminalistiki (Crimes in the Digital Economy: Improving Investigations Based on the Principles of Electronic Forensics)* // Permskij juridicheskij al'manah. Ezhegodnyj nauchnyj zhurnal. №2. 630-640 pp. – URL: <http://almanack.psu.ru/wp-content/uploads/2019.pdf>

3 Nayerifard T., Amintoosi H., Bafghi A.G., & Dehghantanha A. (2023). *Machine Learning in Digital Forensics: A Systematic Literature Review* // arXiv.org. DOI: <https://doi.org/10.48550/arXiv.2306.04965>

4 Rossinskaja E.R. (2024) *The System of Forensic Activity Digitalization Theory* // Theory and Practice of Forensic Science. 19(3). 20-32 pp. DOI: <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2024-3-20-32>

5 Jamal, N., & Zain, J. M. (2022). *A review on nature, cybercrime and best practices of digital footprints*. 2022 International Conference on Cyber Resilience (ICCR). DOI: <https://doi.org/10.1109/iccr56254.2022.9995834>

6 Cifrovoj sled kak obekt sudebnoj jekspertizy: materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (Digital Trace as an Object of Forensic Examination: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference). – Moskva: RG-Press, 2020. 272 p. ISBN 978-5-9988-0932-3

7 Apsimet, N., Alimkulov, Y., & Duisenbayeva, G. (2024). *The collection of digital traces in the investigation of online crimes*. // BULLETIN of L.N. Gumilyov Eurasian National University Law Series, 149(4), 170-185. <https://doi.org/10.32523/2616-6844-2024-149-4-170-185>

8 Klasén, L., Fock, N., & Forchheimer, R. (2024). *The invisible evidence: Digital forensics as key to solving crimes in the digital age* // *Forensic Science International*, 362, 112-133. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.forsciint.2024.112133>

9 Rudenkova Ju.S., Haziev Sh.N., Usov A.I. (2024). *Iskusstvennyj intellekt i sudebnaja komp'yuterno-tehnicheskaja jekspertiza (Artificial Intelligence and Forensic Computer-Technical Examination)* // *Theory and Practice of Forensic Science. Vol. 19. №2. 76-87 pp.* DOI: <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2024-2-76-87>

10 Vladimirov D.M. (2024). *Detection and removal of digital traces of extremist crimes* // *Forensics: yesterday, today, tomorrow. No.3. 38-44 pp.* – URL: <https://kvsz.ru/en/nauka/article/90726/view?utm>

МРНТИ 10.79.01

УДК 343.1

<https://doi.org/10.51889/2959-6181.2026.84.2.010>

Б.Х. Толеубекова^{1*}

¹Казахский национальный педагогический университет имени Абая
(e-mail: *madina_khv@mail.ru)

ТРАНСФОРМАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ ПРИНЦИПОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В КОНТЕКСТЕ НОВОЙ КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Аннотация

Принятая в результате референдума 15 марта 2026 года новая Конституция Республики Казахстан изменила законодательные представления о системе и структуре судопроизводственных принципов. Признание принципов судопроизводства в качестве фундаментальных основ процессуальных отраслей в национальной системе права являлось и остается ключевым фактором в деле построения регулятивных механизмов отправления правосудия. Первичность принципов и их всеобъемлющее влияние на всю систему и структуру отраслевого права неоспоримо и является стандартизирующим критерием в правовых системах мира. Это означает, что изменения в конституционных подходах, относящиеся к системе правовых принципов, являются основанием для дальнейшего развития теоретико-методологических исследований по вопросам нового осмысления как самой системы принципов судопроизводства, так и сопровождающих их гарантий. В настоящих условиях сформировался социальный запрос на доказательное обоснование нового понимания сущности правовых принципов в целом, судопроизводственных – в частности. Новая Конституция вызвала к жизни новые потребности, обусловленные необходимостью приведения в соответствие с ней все отрасли права. Не исключается возможность разработки и принятия новых законов, включая Уголовно-процессуальный кодекс РК.

Ключевые слова: конституция, методология права, уголовный процесс, принципы судопроизводства, гарантии соблюдения принципов, конституционно-правовые основы судопроизводства.

Б.Х. Төлеубекова¹

¹Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ ЖАҢА КОНСТИТУЦИЯСЫ КОНТЕКСТІНДЕ ҚЫЛМЫСТЫҚ ПРОЦЕСТІК ҚАҒИДАЛАРДЫҢ ТРАНСФОРМАЦИЯЛЫҚ МОДЕЛІ

Аңдатпа

2026 жылғы 15 наурыздағы референдум нәтижесінде қабылданған Қазақстан Республикасының жаңа Конституциясы процессуалдық қағидалардың жүйесі мен құрылымына қатысты құқықтық түсінікті түбегейлі өзгертті. Сот ісін жүргізу қағидаларын ұлттық құқықтық жүйедегі процессуалдық тармақтардың негізгі іргетасы ретінде мойындау әділеттілікті камтамасыз етуді басқарудың реттеуші механизмдерін дамытуда маңызды фактор болып табылады және болашақта да солай қала береді. Принциптердің басымдылығы мен олардың салалық құқық жүйесі мен құрылымына кешенді әсері даусыз және бүкіл әлемдегі құқықтық жүйелерде стандарттау критерийі ретінде қызмет етеді. Бұл сот ісін жүргізу қағидаларының жүйесіне қатысты конституциялық тәсілдердегі өзгерістер сот ісін жүргізу қағидаларының жүйесі мен оларға сәйкес келетін кепілдіктердің жаңа түсінігін теориялық және әдіснамалық зерттеулерді одан әрі дамытудың негізін құрайды. Қазіргі жағдайда жалпы құқықтық қағидалардың мәнін, атап айтқанда қылмыстық процестік қағидалардың мәнін жаңаша түсінуді дәлелдемелік негізде негіздеуге әлеуметтік сұраныс пайда болды. Жаңа Конституция барлық құқық салаларын оған сәйкестендіру қажеттілігінен туындайтын жаңа талаптарды қойды. Қазақстан Республикасының Қылмыстық процестік кодексін қоса алғанда, жаңа заңдарды әзірлеу және қабылдау мүмкіндігін жоққа шығаруға болмайды.

Түйін сөздер: конституция, құқықтық методология, қылмыстық процесс, сот ісін жүргізу қағидалары, қағидаларды сақтау кепілдіктері, сот ісін жүргізудің конституциялық және құқықтық негіздері.

B.Kh. Toleubekova¹

¹ Abai Kazakh National Pedagogical University

A TRANSFORMATIONAL MODEL OF THE PRINCIPLES OF CRIMINAL PROCEDURE IN THE CONTEXT OF THE NEW CONSTITUTION OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Abstract

The new Constitution of the Republic of Kazakhstan, adopted following the referendum on 15 March 2026, has transformed the legal understanding of the system and structure of procedural principles. The recognition of the principles of judicial proceedings as the fundamental basis of procedural branches within the national legal system has been and remains a key factor in the development of regulatory mechanisms for the administration of justice. The primacy of principles and their comprehensive influence on the entire system and structure of sectoral law is indisputable and serves as a standardising criterion in legal systems worldwide. This means that changes in constitutional approaches relating to the system of legal principles form the basis for the further development of theoretical and methodological research into a new understanding of both the system of principles of judicial proceedings itself and the accompanying guarantees. Under the current circumstances, there is a growing social demand for an evidence-based justification of a new understanding of the essence of legal principles in general, and those of criminal procedure in particular. The new Constitution has given rise to new requirements, driven by the need to bring all branches of law into line with it. The possibility of drafting and adopting new laws, including the Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan, cannot be ruled out.

Key words: constitution, legal methodology, criminal procedure, principles of judicial proceedings, guarantees of compliance with principles, constitutional and legal foundations of judicial proceedings.

Введение

Принятие новой Конституции Республики Казахстан – знаковое событие не только для казахстанцев, но и для большого круга постсоветских республик. Казахстан – единственная суверенная республика, принимающая третью Конституцию: первая – 28 января 1993 года; вторая – 30 августа 1995 года; третья – 15 марта 2026 года. Необходимо отметить, что ни в одном государственном акте, включая Концепцию правовой политики Республики Казахстан до 2030 года, не предусматривались ни внесение изменений и дополнений в действующую Конституцию, ни тем более – разработка и принятие нового Основного закона страны. Наряду с этим, Глава государства Президент Республики Казахстан К.-Ж. К. Токаев о необходимости системных реформ говорит начиная с 2021 года [1]. Необходимость в новой Конституции обусловлена новыми политико-правовыми, социально-экономическими и историко-культурными приоритетами, а также событиями международного значения, сформировавшимися и произошедшими в последние 2-3 года. Независимо от политико-правовых, финансово-экономических прогнозов, направленности дальнейшего развития событий регионального и мирового характера, правовые традиции должны соблюдаться, ибо от уровня качественного состояния национальной системы права, его отраслей, институтов, категорий, классификаций, принципов права, гарантий их соблюдения зависит социально-правовое благополучие народа и государства в целом.

Исходя из этого, полагаем, что в настоящее время на уровне важнейшей государственно-правовой задачи выступает обеспечение соответствия всего массива законодательства Казахстана положениям вновь принятой Конституции. Как отмечает А.А.Савенков, в этом подходе заключается идея обеспечения конституционной законности [2, с.58]. Однако, данная задача носит широкомасштабный характер и может быть решена при совместных отраслевых исследованиях, требующих глубокой теоретической проработки и анализа предмета конституционного права [3, с.133] и его новелл, затрагивающих особенности их трансформации в отраслевом поле.

Одним из направлений в области уголовного судопроизводства является необходимость исследования и надлежащего толкования сущности, места и роли конституционных принципов отправления правосудия, которые закреплены в нормах новой Конституции. Современное конституционное содержание принципов судопроизводства является новым. В этом контексте требуется их правовая трансформация в систему как уголовно-процессуального права, так и в систему Уголовно-процессуального кодекса РК.

Актуальность поставленной задачи обладает первостепенной важностью и значимостью. При аксиоматичном утверждении о том, что нормы Конституции имеют прямое действие, специфика отраслевого права должна быть отражена в соответствующих источниках отраслевого права. Без своевременного приведения отраслевого законодательства в соответствие с Конституцией невозможно отправление правосудия, отвечающего мировым стандартам, целям и задачам права, запросам граждан.

В процессе исследования решены следующие задачи:

- теоретическое обоснование правомерности новой структуры комплекса принципов уголовного судопроизводства;
- предложения по усовершенствованию УПК РК.

Материалы и методы

В качестве основных материалов использованы тексты законодательных актов, включая нормы анализируемых конституций, принятых в разное время разными странами, международные документы, имеющие отношение к тематике исследования, положения нормативных постановлений Верховного Суда Республики Казахстан. Использован достаточный объем нарративного материала, содержащего исследовательские достижения теоретиков конституционного, уголовно-процессуального отраслей права, а также практикующих юристов.

В качестве методологии исследования воспринят традиционный подход, состоящий из совокупности наиболее результативных общих и частно-научных методов, отвечающих цели и задачам настоящей работы, а именно: сравнительно-правовой, логико-правовой, научный анализ и иные методы. Важное методологическое значение придается Концепции правовой политики Республики Казахстан до 2030 года, в частности тезису о том, что развитие права должно обеспечивать эффективную и упреждающую правовую охрану конституционных ценностей казахстанского общества¹.

Результаты и обсуждение

1. Теоретическое обоснование правомерности новой структуры комплекса принципов уголовного судопроизводства

Конституция Республики Казахстан 1995 года содержит ряд положений, которые во время ее разработки и принятия были восприняты не иначе, как следование международным правовым стандартам в области отправления правосудия и не потеряли своей актуальности до настоящего времени. Эти нормы сохранены в новой Конституции Казахстана 2026 года в неизменной либо максимально приближенной редакции. В числе таких норм усматриваются следующие:

Нормы Конституции РК 1995 года	Нормы Конституции 2026 года
Ст.13, п.2: Каждый имеет право на судебную защиту своих прав и свобод.	Ст.12, п.2: Каждый человек имеет право на судебную защиту своих прав и свобод.
Ст.14, п.1: Все равны перед законом и судом.	С.16, п.1: Все равны перед законом и судом.
Ст.25, п.1: Не допускается лишение жилища, иначе как по решению суда.	Ст.28, п.1: Лишение жилища и выселение из него не допускаются, иначе как по решению суда.
Ст.26, п.3: Никто не может быть лишен своего имущества, иначе как по решению суда.	Ст.29, п.3: Никто не может быть лишен своего имущества, иначе как по решению суда.

Примечание: составлено автором

Политико-правовая, культурно-историческая и социально-экономическая ценность приведенных положений доказана мировой практикой и не вызывает сомнений в своей актуальности на многие десятилетия и столетия вперед в рамках цивилизационных процессов, происходящих в мировом пространстве. В основу приведенных норм положены предписания международных актов:

- Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод (ЕКПЧ), совершенная в Риме 4 ноября 1950 года²;
- Всеобщая Декларация прав человека, утвержденная и провозглашенная Генеральной ассамблеей Организации Объединенных Наций 10 декабря 1948 года³;
- Международный пакт о гражданских и политических правах, совершенный в Нью-Йорке 16 декабря 1966 года⁴;

¹ Концепция правовой политики Республики Казахстан до 2030 года. Утверждена Указом Президента Республики Казахстан от 15 октября 2021 года № 674. // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2100000674> (дата обращения: 13.05.2026.).

² Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод (ЕКПЧ). Рим, 4 ноября 1950 года. // Антология мировой политической мысли. В пяти томах. Том V. Политические документы. – М.: Мысль, 1997. – С. 756-760.

³ Всеобщая Декларация прав человека. – Провозглашена Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года. // Антология мировой политической мысли. В пяти томах. Том V. Политические документы. – М.: Мысль, 1997. – С. 416-421.

⁴ Международный пакт о гражданских и политических правах. Совершен 16 декабря 1966 года в Нью-Йорке. // https://adilet.zan.kz>rus>docs/Z050000091_ (дата обращения: 13.05.2026).

- Парижская Хартия для Новой Европы – Итоговый документ Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, состоявшегося в Париже 21 ноября 1990 года⁵.

В названных и иных документах утверждаются принципы правосудия как неотъемлемые элементы национальных правовых систем. Так, Ж.Д. Бусурманов считал, что именно суды призваны играть определяющую роль в защите прав человека [4, с. 302-323], с чем трудно не согласиться. Аналогичной позиции придерживаются С. М. Жалыбин [5], А.А.Матюхин [6], А.Я. Азаров [7].

Необходимо отметить, что практически любую норму Конституции можно трансформировать в конституционный принцип на том основании, что они в своей совокупности являются фундаментом прав, свобод и законных интересов как граждан Казахстана, так и иностранцев и лиц без гражданства, находящихся на территории нашей страны.

Конституционное закрепление прав, свобод и законных интересов предполагает их защищенность от неправомерного манипулирования, искажения при осуществлении некорректного толкования и, что очень важно, единообразного понимания и применения в условиях отправления правосудия.

Наряду с этим, в Новой Конституции Республики Казахстан нашли закрепление достаточно востребованные современным казахстанским социумом представления о правосудии и судопроизводстве, которые заключаются в следующем.

Первое – это изложение в новой редакции наименования раздела Конституции, посвященного регулированию отношений, возникающих в области отправления правосудия:

Конституция РК 1995 года	Конституция РК 2026 года
Раздел VII. Суды и правосудие	Раздел VIII. Правосудие. Прокуратура. Правозащитные механизмы

Преимущества новой редакции наименования данного раздела нами усматривается в следующем:

- наименование приведено в соответствие с фактическим содержанием раздела;
- дополнение в виде упоминания правозащитных механизмов и соответствующее содержание в виде статья 85 (2026 г.) только обогатило институциональную структуру Основного Закона страны, сделало этот раздел полным и завершенным.

Включение в наименование раздела понятия «Прокуратура» выступает не только в качестве ориентирующего фактора, но и соответствует реальному содержанию норм, включенных в рассматриваемый раздел. Кроме того, такой подход разработчиков демонстрирует неуклонное следование парадигмам мировой правовой культуры, структурированию конституций. В частности, прокуратура указана в разделах о правосудии в конституциях большинства стран Европы, практически все суверенные республики постсоветского пространства придерживаются такой структуры. Это вполне объяснимо с точки зрения единства цели и задач органов правосудия и надзорных органов, обеспечивающих соблюдение законности всеми субъектами соответствующих правоотношений, включая судебные органы.

Второе – сохранение в неизменном виде либо внесение отдельных существенных корректировок в ряд фундаментальных положений именно в разделе, имеющем отношение к судопроизводству. Такими положениями являются:

⁵ Парижская Хартия для новой Европы. – Итоговый документ Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, состоявшегося в Париже 21 ноября 1990 года. //Сборник документов по международному праву. Том 1./Под общей редакцией К.К. Токаева. – Алматы: САК, 1998. – С. 41-53.

Конституция РК 1995 года	Конституция РК 2026 года
Ст.75, п. 1: Правосудие в Республике Казахстан осуществляется только судом.	Ст.76, п.1: Правосудие в Республике Казахстан осуществляется только судом.
Ст.75, п. 2: Судебная власть осуществляется посредством гражданского, уголовного и иных установленных законом форм судопроизводства. В случаях, предусмотренных законом, уголовное судопроизводство осуществляется с участием присяжных заседателей.	Ст.75, п. 2: Судебная власть осуществляется посредством гражданского, административного, уголовного и иных установленных законом форм судопроизводства. В случаях, предусмотренных законом, уголовное судопроизводство осуществляется с участием присяжных заседателей.

Третье – в новой Конституции сделано существенное дополнение: к ранее установленным формам судопроизводства (гражданского и уголовного) добавлена форма – «административное судопроизводство». В данном случае разработчики приняли во внимание тот факт, что в процессе долгих обсуждений Законом РК от 29 июня 2020 года № 350-VI был принят Административный процедурно-процессуальный кодекс Республики Казахстан.

Четвертое – особое внимание необходимо обратить к новому содержанию пункта 3 ст. 77 (1995 г.). В новой редакции (пункт 3 ст. 78) принципы отправления правосудия получили иную интерпретацию. В частности, новый подход разработчиков объективно ставит перед правоприменителями и теоретиками конституционного права новые задачи, решение которых потребует серьезных аналитико-теоретических исследований, в том числе на основе современной компаративистики. Соотношение принципов, которые обязательны для суда при отправлении правосудия, в разрезе действующей и вновь принятой Конституции выглядит следующим образом:

Конституция РК 1995 года: ст. 77, п. 3	Конституция РК 2026 года: ст. 78, п. 3
1)лицо считается невиновным в совершении преступления, пока его виновность не будет признана вступившим в законную силу приговором суда	<i>Ст. 19, п. 1: Человек считается невиновным в совершении уголовного правонарушения, пока его виновность не будет признана вступившим в законную силу приговором суда</i>
2) никто не может быть подвергнут повторно уголовной или административной ответственности за одно и то же правонарушение	<i>Ст.19, п. 3: Повторное привлечение человека к уголовной или административной ответственности за одно и то же правонарушение запрещено</i>
3) никому не может быть без его согласия изменена подсудность, предусмотренная для него законом	1) никому не может быть без его согласия изменена подсудность, предусмотренная для него законом
4) в суде каждый имеет право быть выслушанным	2) в суде каждый имеет право быть выслушанным
5) законы, устанавливающие или усиливающие ответственность, возлагающие новые обязанности на граждан или ухудшающие их положение, обратной силы не имеют. Если после совершения правонарушения ответственность за него законом отменена или смягчена, применяется новый закон	<i>Ст. 5, п. 5: Законы, возлагающие новые обязанности на граждан или ухудшающие их положение, обратной силы не имеют. Законы, устанавливающие или усиливающие ответственность, обратной силы не имеют. В случае отмены или смягчения новым законом ответственности за ранее совершенное правонарушение при меняется новый закон.</i>
6) обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность	3) обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность
7) никто не обязан давать показания против самого себя, супруга (супруги) и близких родственников, круг которых определяется законом. Священнослужители не обязаны	<i>Ст. 19, п.2: Никто не обязан давать показания против самого себя, супруга (супруги) и близких родственников, круг которых определяется законом.</i>

свидетельствовать против доверившихся им на исповеди	Священнослужители не обязаны свидетельствовать против доверившихся им на исповеди.
8) любые сомнения в виновности лица толкуются в пользу обвиняемого	4) любые сомнения в виновности лица толкуются в пользу обвиняемого
9) не имеют юридической силы доказательства, полученные незаконным способом. Никто не может быть осужден лишь на основе его собственного признания	5) не имеют юридической силы доказательства, полученные незаконным способом. Никто не может быть осужден лишь на основе его собственного признания
10) применение уголовного закона по аналогии не допускается.	6) применение уголовного закона по аналогии не допускается.

Примечание: курсивом показаны нормы, которые не вошли в новой Конституции в перечень принципов судопроизводства.

Таким образом, сохранены из десяти принципов шесть. Однако это не означает, что разработчики отказались от остальных четырех принципов. Методологические соображения были положены в основу решения о трансформации этих четырех принципов в иные правовые категории. В частности:

- принцип 1), который принято обозначать термином «презумпция невиновности», переведен в раздел II «Основные права, свободы и обязанности» - ст. 19, п. 1;
- принцип 7) об иммунитете переведен в раздел II «Основные права, свободы и обязанности» - ст.19, п. 2;
- принцип 2) о запрете на повторное осуждение переведен в раздел II «Основные прав, свободы и обязанности» - ст. 19, п. 3;
- принцип 5) об обратной силе закона переведен в раздел I «Основы конституционного строя» - ст. 5, п. 5.

Изменение категориальной принадлежности оценивается не просто как перемена мест слагаемых. За этими перемещениями стоят серьезные проблемы методологии, вопросы подбора к ним соответствующих гарантий, отраслевого осмысления и определения пределов интерпретации. Очевидно, что новое категориальное структурирование в рассмотренной части напрямую отразится на системах отраслевых принципов в гражданском процессуальном, административном процедурно-процессуальном, уголовно-процессуальном кодексах, конструировании соответствующих отраслевых гарантий.

В соответствии со ст. 10 УПК РК в качестве одного из принципов регламентируется «законность». В действующей Конституции РК законность не рассматривается как отдельный самостоятельный принцип, более того, термин «законность» не применен ни в одной ее норме. В Конституции РК используются производные термина «закон», исключая «законность». Это означает, что требования соблюдать закон, не нарушать его ни при каких обстоятельствах – это совокупное представление о законности, как неперенном условии правомерности применения норм права, отвечающих духу отраслевых принципов.

В целом понимание законности как ведущего правового принципа утратило свою актуальность. В свое время законность толковалась в контексте идеологии социализма. Так, энциклопедическое определение понятия «законность» базировалось на ее трактовке как «законности социалистической», являющейся не иначе, как «конституционным принципом» [8, с. 101]. В эпоху социализма иного толкования и не могло быть, о чем свидетельствуют многочисленные публикации известных правоведов, учебники, справочники и словари, в которых «законность» определяется как основной общеправовой принцип уголовного процесса [9, с. 51; 10, с. 171-172; 11, с. 120-121]. Примечательно, что такое представление о сущности понятия «законность» усматривается в отдельных трудах правоведов до настоящего времени.

Наши аргументы против сохранения за понятием «законность» категориальной принадлежности к ключевым правовым принципам состоят в следующем:

- новое юридическое понимание «законности» - это верховенство закона, являющееся одним из элементов демократии и правового государства [12, с. 199];
- традиционное философское понимание «принципа» - руководящая идея, значимая для воли каждого разумного существа [11, с. 363];
- лексическое толкование понятия «принцип» - начало, основа, руководящая идея [13, с. 824; 14, с. 538];
- принципы не ранжируются по степени своей значимости на более или менее сильные, они равнозначны. Как утверждал М. С. Строгович, законность – это совокупность всех принципов уголовного процесса [15, с. 175];
- одной из основных функций прокуратуры, согласно п. 1 ст. 84 вновь принятой Конституции РК (2026), является высший надзор за соблюдением законности⁶;
- устаревание во времени понимания «законности» как праматери всех иных принципов, основанного на противопоставлении принципов социалистических принципам иного толка [16, с. 25].

Таким образом, законность – это собирательное понятие, которое не может трактоваться в отрыве от общей установки соблюдения закона всеми субъектами уголовного судопроизводства. Гарантиями соблюдения законности могут выступать непосредственно судопроизводственные принципы. То, что в свое время М. С. Строгович назвал совокупностью всех принципов, есть не что иное, как правовой режим, в пределах которого должно осуществляться судопроизводство, основанное на системе конституционных и своих отраслевых принципов.

Исходя из формулы, заложенной в п. 1 ст. 84 вновь принятой Конституции РК, можно утверждать, что надзорная деятельность прокуратуры не строится на одном только принципе законности, она базируется на сохранении и обеспечении стабильности правового режима законности, предполагающего соблюдение всего комплекса конституционных принципов, включая основы отправления правосудия. Как утверждает В. В. Борисов, законность – это сущностное качество в характеристике нормативных правовых актов, деятельности правоохранительных и судебных органов [17, с. 553-555]. Целесообразность изменения юридической категориальной принадлежности понятия «законность» из системы принципов в систему социально-правовых режимов продиктована современным политико-правовым строем Казахстана, новыми конституционными целями и задачами, обусловленными стратегией построения истинно демократического и правового государства, сопричастности Казахстана к общемировым правовым тенденциям [18]. Конституционный строй Республики Казахстан претерпевает эпоху активной эволюции, что в целом уже прослеживается в отдельных странах постсоветского пространства и наблюдается в тенденции признания законности в качестве правового режима, в рамках которого должно осуществляться правоотношение в любой области жизни и деятельности современного социума [19, с.75; 20, с. 153-154].

2. Предложения по усовершенствованию норм УПК РК

Первое: при формулировании принципов уголовного судопроизводства не ограничиваться предписаниями о принципах в рамках статьи 78 Конституции 2026 года. Подходить к данному вопросу более широко с позиций целесообразности признания тех или иных конституционных норм в качестве принципов, отвечающих целям и задачам уголовного судопроизводства.

Второе: при формулировании комплекса принципов и гарантий их соблюдения руководствоваться международными стандартами, показанными в международных документах именно в качестве правовых принципов судопроизводства (отправления правосудия).

Третье: в норме (статье кодекса), посвященной законности, признать законность в качестве

⁶ Конституция Республики Казахстан. – Принята на республиканском референдуме 15 марта 2026 года. <https://www.gov.kz/memleket/entities/ksrk/press/news/details/1159830?lang=ru> (дата обращения: 14.05.2026).

режима права вообще и отраслевого режима – в частности, в рамках которого действуют уголовно-процессуальные принципы.

Заключение

1. Во вновь принятой Конституции Республики Казахстан обозначено нетрадиционное видение системы принципов отправления правосудия. Исключение из системы процессуальных принципов презумпции невиновности, об обратной силе уголовного закона, о запрете на повторное осуждение за одно и то же правонарушение, о свидетельском иммунитете не означает отказ государства от этих прав и свобод, имеющих принципиально важное значение. Они переведены в иные правовые категории. Но с учетом того, что соблюдение норм Конституции РК является обязанностью всех и каждого, можно утверждать, что указанные нормы в полной мере будут оказывать свое влияние на участников судопроизводства, а суды, как и прежде, будут ими руководствоваться при вынесении приговоров по уголовным делам.

2. Относительно отраслевых принципов необходимо помнить, что они не исчерпываются только теми принципами, которые в качестве таковых закреплены во вновь принятой Конституции. Данный подход был реализован в Конституции 1995 года и УПК РК 2014 года: если в ст. 77 Конституции 1995 года были указаны 10 судопроизводственных принципов, то в УПК РК закреплено 22 принципа (ст. ст. 10-31), и все они соответствуют Конституции. Алгоритм действий в этой части известен: следование букве и духу вновь принятой Конституции РК, исключение вольной интерпретации в процессе трансформации конституционных положений в категорию принципов уголовного судопроизводства.

3. Не менее сложным является вопрос о гарантиях соблюдения принципов судопроизводства. Гарантии являются своеобразным механизмом, при правильном применении которого автоматически исключается вероятность нарушения законности. Это означает, что механического сохранения всех без исключения традиционных для уголовного процесса гарантий недостаточно. Трансформация объективно коснется и процессуальных гарантий соблюдения отраслевых и конституционных принципов. Прежде всего, гарантии должны соответствовать вновь принятой Конституции РК.

4. Проблематичен вопрос о правомерности признания законности в качестве правового принципа. Законность нарушается всегда в паре с нарушением любого иного правового принципа. Нарушить в чистом виде только один какой-либо принцип или только сам принцип законности невозможно постольку, поскольку одновременно нарушается как минимум два принципа: любой из принципов судопроизводства плюс принцип законности. Отсюда, законность – не принцип, а правовой режим, в пределах которого усматриваются отраслевые принципы. Необходимо из системы судопроизводственных принципов законность перенести в категорию правовых режимов. И в таком понимании законность будет выступать как основное условие соблюдения отраслевых принципов. Более того, о возможности применения правовых (специальных) режимов в области функционирования судебной системы прямо указывается в п. 6 ст. 5 Конституции РК (2026).

5. Во вновь принятой Конституции РК наблюдается очень своеобразный нюанс, который носит как методологический, так и политико-правовой характер. Он состоит в следующем: в ст. 5, посвященной регламентации действующего права, указывается на соблюдение международных договорных обязательств нашей страны. Согласно п. 4 данной статьи, как и прежде, ратифицированные законы по вопросам прав, свобод и обязанностей граждан, подлежат обязательной публикации и являются условием их применения. При этом каких-либо предписаний о правовых приоритетах в Конституции не содержится. В действующей Конституции РК (1995) в п. 3 ст. 4 прямо указывается, что ратифицированные Казахстаном международные договоры имеют приоритет перед ее законами. Данная особенность вновь принятой Конституции нуждается в целевом анализе и исследовании на предмет определения ее сущности и правовой значимости. Для уголовного судопроизводства это имеет принципиальное значение в контексте действия уголовно-процессуального закона во времени

и пространстве, определения базовых процессуально-правовых источников в разрешении вопросов, связанных с процедурами экстрадиции лиц, виновных в совершении уголовно наказуемых деяний.

Список использованных источников

- 1 Токаев К.-Ж. К. Единство народа и системные реформы – прочная основа процветания страны: Послание Главы государства Президента Республики Казахстан народу Казахстана //Казахстанская правда. – 2021. 2 сентября. № 165 (29542).
- 2 Савенков А. А. Законность и ее интерпретация в современной политико-правовой мысли //Государство и право. 2024. № 12. С. 57-64. DOI: 10.31857/S1026945224120056.
- 3 Черепанов В. А. О научном осмыслении предмета конституционного права: к постановке вопроса//Государство и право. 2024. № 1. С.130-140.
- 4 Бусурманов Ж. Д. Евразийская концепция прав человека: новый взгляд на проблему. - Алматы, 2006. – 481 с.
- 5 Жалыбин С. М. Теоретические и методологические проблемы обеспечения прав человека при уголовном преследовании. /Автореф. дис. ... д.ю.н. – Алматы, 2003.- 312 с.
- 6 Матюхин А.А. Государство в сфере права: институциональный подход. – Алматы: ВШП «Адилет», 2000. – 596 с.
- 7 Азаров А.Я. Права человека.Новое знание. – М., 1995. – 225 с.
- 8 Юридический энциклопедический словарь. – М.: «Советская энциклопедия», 1984. – 415 с.
- 9 Словарь основных терминов по уголовному процессу / Под редакцией Боброва В.К. – М.: Издательство «Щит», 2001. – 160 с.
- 10 Общая теория государства и права. Академический курс в 2-х томах. Том Первый. Теория государства и права. /Под редакцией Марченко М. Н. – М.: Зерцало, 1998. – 416 с.
- 11 Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: Учебник. /Под редакцией Лутинской П. А. – М.: Юристъ, 1998. – 696 с.
- 12 Большой юридический словарь /Под редакцией А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. – М.: ИНФРА-М, 2002. – 704 с.
- 13 Философско-энциклопедический словарь. - М.: ИНФРА-М, 2004. – 576 с.
- 14 Большой словарь иностранных слов. /Составитель Москвин А. Ю. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. – 816 с.
- 15 Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. В двух томах. Том первый. Общая часть советского уголовного процесса. – М.: Издательство «Наука», 1968. – 516 с.
- 16 Кобликов А. С. Законность – конституционный принцип советского уголовного судопроизводства. – М., 1979.
- 17 Общая теория государства и права: Академический курс. В двух томах. Том второй. Теория права. / Под редакцией Марченко М. Н. – М.: Издательство «Зерцало», 1998. – 640 с.
- 18 Толеубекова Б. Х. Принцип законности. //Уголовно-процессуальное право Республики Казахстан: Академический курс. В двух книгах. Книга первая. Часть общая. – Алматы: ТОО Издательская компания «НАС», 2004. – С. 287-294.
- 19 Скуратов Ю. И., Селихов Н.В. Проблемы и перспективы эволюции конституционного строя Российской Федерации //Государство и право. 2025. № 1. С. 74-81. DOI: 10.31857/S10269452250110069
- 20 Коданева С. И. Конституционный кризис в Великобритании: историческая ретроспектива //Социальные и гуманитарные науки: Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2023. - № 1. С.153-162. DOI: 10.31249/iajpravo/2023.01.012

References

- 1 Tokayev K.-Zh. K. *National unity and systemic reforms – a solid foundation for the country’s prosperity: Address by the Head of State, the President of the Republic of Kazakhstan, to the people of Kazakhstan //Kazakhstan Pravda. – 02 September 2021. No. 165 (29542).*
- 2 Savenkov A. A. *Legality and its interpretation in contemporary political and legal thought //State and Law. 2024. No. 12. pp. 57–64. DOI: 10.31857/S1026945224120056.*
- 3 Cherepanov V. A. *On the scientific understanding of the subject of constitutional law: towards formulating the question//State and Law. 2024. No. 1. pp. 130–140.*
4. Busurmanov, Zh. D. *The Eurasian Concept of Human Rights: A New Perspective on the Issue. – Almaty, 2006. – 481 pp.*
- 5 Zhalybin S. M. *Theoretical and methodological issues in safeguarding human rights during criminal proceedings./Abstract of a thesis for the degree of Doctor of Law. – Almaty, 2003. – 312 pp.*
- 6 Matyukhin A. A. *The State in the Sphere of Law: An Institutional Approach. – Almaty: Adilet Higher School of Law, 2000. – 596 pp.*
- 7 Azarov A.Ya. *Human Rights. New Knowledge. – Moscow, 1995. – 225 pp.*
- 8 *Legal Encyclopaedic Dictionary. – Moscow: ‘Soviet Encyclopaedia’, 1984. – 415 pp.*
- 9 *Dictionary of Key Terms in Criminal Procedure / Edited by Bobrov V.K. – Moscow: ‘Shchit’ Publishing House, 2001. – 160 pp.*
- 10 *General Theory of State and Law. An Academic Course in 2 Volumes. Volume One. Theory of State and Law. / Edited by Marchenko M. N. – Moscow: Zertsalo, 1998. – 416 pp.*
- 11 *Criminal Procedure Law of the Russian Federation: Textbook. /Edited by Lupinskaya P. A. – Moscow: Yurist, 1998. – 696 pp.*
- 12 *Comprehensive Legal Dictionary /Edited by A. Ya. Sukharev, V. E. Krutskikh. – Moscow: INFRA-M, 2002. – 704 pp.*
- 13 *Philosophical and Encyclopaedic Dictionary. – Moscow: INFRA-M, 2004. – 576 pp.*
- 14 *Comprehensive Dictionary of Foreign Words. /Compiled by A. Yu. Moskvina. – Moscow: ZAO Tsentropoligraf, 2007. – 816 pp.*
- 15 Strogovich M. S. *Course on Soviet Criminal Procedure. In two volumes. Volume One. General Part of Soviet Criminal Procedure. – Moscow: Nauka Publishing House, 1968. – 516 pp.*
- 16 Koblikov A.S. *Legality – a constitutional principle of Soviet criminal procedure. – Moscow, 1979.*
- 17 *General Theory of State and Law: An Academic Course. In two volumes. Volume Two. Theory of Law. / Edited by Marchenko M. N. – Moscow: Zertsalo Publishing House, 1998. – 640 pp.*
- 18 Toleubekova B. Kh. *The Principle of Legality. //Criminal Procedure Law of the Republic of Kazakhstan: An Academic Course. In two books. Book One. General Part. – Almaty: HAS Publishing Company LLP, 2004. – pp. 287–294.*
- 19 Skuratov Yu. I., & Selikhov, N. V. *Problems and prospects for the evolution of the constitutional system of the Russian Federation //State and Law. 2025. No. 1. pp. 74–81. DOI: 10.31857/S10269452250110069*
- 20 Kodaneva S. I. *The constitutional crisis in the United Kingdom: a historical retrospective // Social and Human Sciences: Domestic and Foreign Literature: IAJ. Series 4: State and Law. – 2023. – No. 1. pp. 153–162. DOI: 10.31249/iajpravo/2023.01.012*

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТ

Алимбетова Алида Робертиновна - философия докторы (PhD), Алматы гуманитарлық экономикалық университетінің «Экономика, қызметтер және құқық» кафедрасының қауымдастырылған профессоры, Алматы қаласы, Қазақстан Республикасы, e-mail: alimbetova_alida@mail.ru

Аппарова Сабина – Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университетінің Тарих және құқық факультетінің 2-курс студенті, Алматы қаласы, Қазақстан Республикасы, e-mail: sabina.apparova@mail.ru

Әлен Ақнұр – Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университетінің Тарих және құқық факультетінің Сот-прокурорлық қызмет мамандығының 2-курс студенті, Алматы қаласы, Қазақстан Республикасы, e-mail: aknur.allen@mail.ru

Байсымакова Дана Сабитқызы – Абай атындағы ҚазҰПУ Тарих және құқық факультеті, «Құқықтану» кафедрасының аға оқытушысы, Алматы қаласы, Қазақстан Республикасы, e-mail: baisymakovadana@gmail.com

Бейсенова Аимхан Усупбайқызы - заң ғылымдарының кандидаты, доцент; Каспий қоғамдық университетінің Жария құқық ғылыми-зерттеу институты жетекші ғылыми қызметкері; Алматы қаласы, Қазақстан Республикасы, e-mail: aimgkhan@mail.ru

Белхожаева Динара Жомартқызы - философия докторы (PhD), құқықтану кафедрасының қауымдастырылған профессоры, Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті, Алматы қаласы, Қазақстан Республикасы, e-mail: dinar_15@list.ru

Бижанова Айгүл Рабханқызы – заң ғылымдарының докторы, қауымдастырылған профессор, Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университетінің Тарих және құқық факультетінің құқықтану кафедрасының қауымдастырылған профессоры, Алматы қаласы, Қазақстан Республикасы, e-mail: Aike_74@mail.ru

Гулимов Аманлик Базарбаевич - Бердах атындағы Қарақалтақ мемлекеттік университетінің заң ғылымдарының докторы, адам құқықтары, конституциялық құқық және мемлекеттік басқару кафедрасының профессоры, Нукус қаласы, Өзбекстан Республикасы, e-mail: Gamanlik75@mail.ru

Жанузақова Лейла Телманқызы – заң ғылымдарының докторы, профессор Қазақстан Республикасы Заңнама және құқықтық ақпарат институтының конституциялық, әкімшілік заңнама және мемлекеттік басқару бөлімінің бас ғылыми қызметкері, Каспий қоғамдық университетінің Жеке құқық ғылыми-зерттеу институтының бас ғылыми қызметкері, «Тұран» университетінің Құқық ғылыми-зерттеу институты директорының орынбасары, Алматы қаласы, Қазақстан Республикасы, e-mail: zhanleila@mail.ru

Қамбаров Азамат Қамбарұлы – философия докторы (PhD), Л.Н.Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің аға оқытушысы, Астана қ., Қазақстан Республикасы, e-mail: kambarov_ak@enu.kz

Молдағалиев Қазбек Бауыржанұлы – Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің «7М04209 – Сот сараптамасы» білім беру бағдарламасының 2-курс магистранты, Астана қ., Қазақстан Республикасы, e-mail: mkb_010@mail.ru

Мұрат Сәуле - заң ғылымдарының магистрі, Қазақ ұлттық медицина университеті профессорының ассистенті, Алматы қаласы, Қазақстан Республикасы, e-mail: ms147@mail.ru

Тайторина Бинұр Адамқызы - заң ғылымдарының докторы, Абай атындағы ҚазҰПУ Тарих және құқық факультетінің профессоры, Алматы қаласы, Қазақстан Республикасы, e-mail: binur.a@mail.ru

Толеубекова Бакытжан Хасеновна – заң ғылымдарының докторы, Құқықтану кафедрасының профессоры, Тарих және құқық факультеті, Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті, Алматы, Қазақстан Республикасы, e-mail: madina_khv@mail.ru

Умарова Карлыгаш Умаровна - заң ғылымдарының докторы, Бердах атындағы Қарақалтақ мемлекеттік университетінің азаматтық және кәсіпкерлік құқық кафедрасының профессоры. Нукус, Өзбекстан. e-mail: Karligash1255@mail.ru

Юлдошев Азизжон Ерғашугли - заң ғылымдарының докторы, Ташкент мемлекеттік заң университетінің профессоры, Ташкент қаласы, Өзбекстан Республикасы, e-mail: azizjonyuldoshev237@gmail.com

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ален Акнур – студентка 2 курса специальности «Судебно-прокурорская деятельность» факультета истории и права Казахского национального педагогического университета имени Абая, г. Алматы, Республика Казахстан, e-mail: aknur.allen@mail.ru

Алимбетова Алида Робертиновна – доктор философии (PhD), ассоциированный профессор «Экономика, услуги и право» Алматинского Гуманитарно-Экономического университета, г. Алматы, Республика Казахстан, e-mail: alimbetova_alida@mail.ru

Аппарова Сабина – студентка 2 курса факультета истории и права Казахского национального педагогического университета имени Абая, г. Алматы, Республика Казахстан, e-mail: sabina.apparova@mail.ru

Байсымакова Дана Сабитовна – старший преподаватель кафедры юриспруденции факультета истории и права НАО «Казахский национальный педагогический университет имени Абая», г. Алматы, Республика Казахстан, e-mail: baisymakovadana@gmail.com

Бейсенова Аимхан Усупбаевна - кандидат юридических наук, доцент; ведущий научный сотрудник Института публичного права Каспийского общественного университета, г. Алматы, Республика Казахстан, e-mail: aimkhan@mail.ru

Белхожаева Динара Жомартовна - доктор философии (PhD), ассоциированный профессор кафедры юриспруденции, НАО «Казахский национальный педагогический университет имени Абая», г. Алматы, Республика Казахстан, e-mail: dinar_15@list.ru

Бижанова Айгуль Рабхановна – доктор юридических наук, ассоциированный профессор, ассоциированный профессор кафедры юриспруденции факультета истории и права НАО «Казахский национальный педагогический университет имени Абая», г. Алматы, Республика Казахстан, e-mail: Aike_74@mail.ru

Гулимов Аманлик Базарбаевич - доктор юридических наук, профессор кафедры прав человека, конституционного права и государственного управления Каракалпакского государственного университета имени Бердаха, г.Нукус, Республика Узбекистан, e-mail: Gamanlik75@mail.ru

Жанузакова Лейла Тельмановна - доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела конституционного, административного законодательства и государственного управления Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан, главный научный сотрудник НИИ частного права Каспийского общественного университета, заместитель директора НИИ права университета «Туран», г.Алматы, Республика Казахста, e-mail: zhanleila@mail.ru

Қамбаров Азамат Қамбарұлы – доктор философии (PhD), старший преподаватель Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, Астана, Республика Казахстан. e-mail: kambarov ak@enu.kz

Молдағалиев Казбек Бауыржанович – магистрант 2 курса образовательной программы «7M04209 – Судебная экспертиза» Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, г.Астана, Республика Казахстан, e-mail: mkb_010@mail.ru

Мурат Сауле - м.ю.н., ассистент профессора Казахского национального медицинского университета, г.Алматы, Республика Казахстан, e-mail: ms147@mail.ru

Тайторина Бинур Адамовна - доктор юридических наук, профессор факультета истории и права НАО «Казахский национальный педагогический университет имени Абая», г. Алматы, Республика Казахстан, e-mail: binur.a@mail.ru

Толеубекова Бахытжан Хасеновна – доктор юридических наук, профессор кафедры юриспруденции факультета истории и права НАО «Казахский национальный педагогический университет имени Абая», г. Алматы, Республика Казахстан, e-mail: madina_khv@mail.ru

Умарова Карлыгаш Умаровна - доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Каракалпакского государственного университета имени Бердаха, г.Нукус, Республика Узбекистан, e-mail: Karligash1255@mail.ru

Юлдошев Азизжон Ергашович - доктор юридических наук, профессор Ташкентского государственного юридического университета, г.Ташкент, Республика Узбекистан, e-mail: azizjonjuldoshev237@gmail.com

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Alen Aknur – 2nd-year student in the “Judicial and Prosecutorial Activity” program, Faculty of History and Law, Abai Kazakh National Pedagogical University, Almaty, Republic of Kazakhstan, e-mail: aknur.allen@mail.ru

Alimbetova Alida Robertovna – Doctor of Philosophy (PhD), Associate Professor of the Department of Economics, Services and Law, Almaty University of Humanities and Economics, Almaty, Republic of Kazakhstan, e-mail: alimbetova_alida@mail.ru

Apparova Sabina – 2nd-year student of the Faculty of History and Law, Abai Kazakh National Pedagogical University, Almaty, Republic of Kazakhstan, e-mail: sabina.apparova@mail.ru

Baisymakova Dana Sabitovna – Senior lecturer Department of Jurisprudence of the Faculty of History and Law of Abai KazNPU, Almaty, Republic of Kazakhstan, e-mail: baisymakovadana@gmail.com

Beisenova Aimkhan Usupbaevna - Candidate of Law, Associate Professor; Leading Researcher at the Institute of Public Law, Caspian Public University; Almaty, Republic of Kazakhstan; e-mail: aimkhan@mail.ru

Belkhozhayeva Dinara - Doctor of Philosophy (PhD), Associate Professor of the Department of Jurisprudence, Abai University, Almaty, Republic of Kazakhstan, e-mail: dinar_15@list.ru

Bizhanova Aigul Rabkhanovna – doctor of Juridical Sciences, associate professor, associate professor of the Department of Jurisprudence, faculty of History and Law, Abai Kazakh National Pedagogical University, Almaty, Republic of Kazakhstan, e-mail: Aike_74@mail.ru

Gulimov Amanlik Bazarbaevich - Doctor of Juridical Sciences, Professor of the Department of Human Rights, Constitutional Law and Public Administration, Karakalpak State University named after Berdakh, Nukus, Uzbekistan, e-mail: Gamanlik75@mail.ru

Kambarov Azamat Kambaruly – Doctor of Philosophy (PhD), Senior Lecturer at L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Republic of Kazakhstan, e-mail: kambarov_ak@enu.kz

Moldagaliyev Kazbek Bauyrzhanovich – 2 year master’s student of the educational program “7M04209 – Forensic Examination” at L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Republic of Kazakhstan. e-mail: mkb_010@mail.ru

Murat Saule - Master of Law, Assistant Professor at the Kazakh National Medical University, Almaty, Kazakhstan, e-mail: ms147@mail.ru

Taitorina Binur Adamovna - Doctor of Juridical Sciences, Professor of the Faculty of History and Law of Abai KazNPU, Almaty, Kazakhstan, e-mail: binur.a@mail.ru

Toleubekova Bakhytzhana Khasenovna – Doctor of Juridical Sciences, Professor in the Department of Jurisprudence, Faculty of History and Law, Abai Kazakh National Pedagogical University, Almaty, Republic of Kazakhstan. E-mail: madina_khv@mail.ru

Umarova Karligash Umarovna - Doctor of Juridical Sciences, Professor of the Department of Civil and Business Law, Karakalpak State University named after Berdakh. Nukus, Uzbekistan. e-mail: Karligash1255@mail.ru

Yuldoshev Azizjon Ergash ugli - DSc in Law, professor of Tashkent State University of Law. e-mail: azizjonyuldoshev237@gmail.com

Zhanuzakova Leila Telmanovna – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Chief Researcher of the Department of Constitutional and Administrative Legislation and Public Administration at the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan; Chief Researcher at the Research Institute of Private Law of Caspian Public University; Deputy Director of the Research Institute of Law of Turan University; Almaty, Republic of Kazakhstan, e-mail: zhanleila@mail.ru

**АБАЙ АТЫНДАҒЫ ҚАЗҰПУ ХАБАРШЫСЫ
«ЮРИСПРУДЕНЦИЯ» СЕРИЯСЫ**

Құрметті авторлар!

Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университетінің Тарих және құқық факультеті «Хабаршы/Вестник», Юриспруденция Сериясына 2026 ж. №3 шығарылымына заң ғылымдары бойынша ғылыми мақалаларды қарастырып, жариялауға қабылдайды.

Редакциялық алқа 2025 жылғы №3(81) бастап жариялауға ұсынылған мақалаларға қойылатын талаптарға өзгерістер мен толықтырулар енгізді. Бұл жаңартылған талаптар «Ғылыми қызметтің нәтижелерін жариялау үшін ұсынылатын басылымдар тізбесіне қосу үшін ғылыми басылымдарға қойылатын талаптарды бекіту туралы» Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрінің 2016 жылғы 12 қаңтардағы №20 бұйрығына өзгерістер енгізу туралы «Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрінің 2024 жылғы 14 маусымдағы №295 бұйрығының» ережелерімен негізделген.

Журналдың тақырыптық бағыттары:

- Мемлекет пен құқықтың жалпы теориясы. Мемлекет және құқық тарихы.
- Конституциялық құқық. Әкімшілік құқық және процесс.
- Азаматтық құқық және процесс. Еңбек құқығы. Білім беру құқығы.
- Қылмыстық құқық және процесс. Криминология. Криминалистика.

Редакциялық алқа материалдардың мынадай түрлерін қарайды:

- ғылыми мақалалар;
- ғылыми форумдардың (халықаралық және республикалық конференциялар, дөңгелек үстелдер, ғылыми семинарлар) материалдары бойынша тақырыптық шолулар;
- ірі жарияланымдарға рецензиялар (монографиялар, оқулықтар, академиялық курстар);
- көрнекті отандық құқықтанушы ғалымдар мен практиктерге қатысты немесе олардың құқық теориясы мен тәжірибесінің өзекті мәселелері бойынша сұхбаттары;
- редакцияға хат және оларға жауаптар.

Журналда бұрын жарияланған мақалаларға сілтеме жасау қажет, Scopus және Web of Science базаларында индекстелген журналдарда жарияланған дереккөздерге сілтеме жасау құпталады. Бір автор үшін өзіне-өзі сілтеме жасауға бір мақалада екі реттен артық емес жол беріледі.

Бір автор мақаланы бірлесіп жазған жағдайларды қоспағанда, бір нөмірде бірнеше мақала жариялай алмайды. Төрт адамнан аспайтын бірлескен авторлыққа рұқсат етіледі. Редакциялық алқа бір автордың (авторлар тобының) бір атаумен журналдың келесі үш санынан аспайтын мақалалар сериясын жариялауға келісім беруге құқылы.

Жариялауға қабылданған мақалаларға DOI (The Digital Object Identifier – ғылыми жарияланымның міндетті Халықаралық цифрлық идентификаторы) беріледі. Әр мақала анықтамалық мәліметтермен бірге жүреді: «Дәйексөз үшін».

Мақала оқылып, мұқият өңделуі керек (журнал әдеби редакциялауды жүзеге асырмайды), әйтпесе мақала қабылданбайды. Автордың келісімінсіз шағын техникалық редакциялау мүмкін. Редакциялық алқа мақаланы рецензенттердің ескертулері бойынша пысықтауға қайтаруға құқылы. Мерзімдері анық бұзылған ескертулер жойылған кезде редакциялық алқа жариялау мерзімдерін неғұрлым кеш мерзімге ауыстыруға құқылы.

Студенттердің, магистранттардың мақалалары ұсынылған жұмыстың мазмұны мен сапасына дербес жауапты болатын ғылыми жетекші туралы деректер көрсетілген жағдайда қабылданады.

Ұсынылған мақала бұрын өзге басылымда жарияланбауы тиіс. Атаулары, FХТАР және ЭОК зерттеудің бағыты мен мазмұнына, сондай-ақ Журналдың құрылымында таңдалған бағытқа сәйкес келуі тиіс. Жарияланатын мақаланың тақырыбы өзекті, мазмұны жаңашылдығымен ерекшеленуі, дәлелді авторлық қорытындыларды қамтуы тиіс, пайдаланылған

әдебиеттер соңғы 5-7 жылда жарияланған дереккөздердің кемінде 50%-нан тұруы тиіс. Тарихи-құқықтық экскурсы бар жарияланымдар бұған жатпайды.

Ғылыми мақаланың құрылымы:

- атауы;
- аңдатпа;
- түйін сөздер;
- кіріспе;
- материалдар мен әдістер;
- нәтижелері және талқылау;
- қорытынды;
- қаржыландыру туралы ақпарат (бар болса);
- әдебиеттер тізімі.

Мақаланың атауы анық және қысқа болуы керек, оқырманды мазмұнға мүмкіндігінше дәл бағыттауы керек. Оқырман іздеуі мен таңдауына кедергі келтіретін белгілі бір бағдарларсыз аморфты атаулар алынып тасталады (мысалы, «... туралы заңнаманың кейбір мәселелері», «... мәселелері туралы сұраққа», «... туралы жеке жазбалар» және т.б.).

Аңдатпа мынадай құрылымға сәйкес келуі тиіс: жарияланымның түрін көрсету (мақала, шолу, ескерту, рецензия, редакцияға хат және оған жауап); зерттеудің мәні; зерттеудің пайдаланылған әдістері; неғұрлым маңызды нәтижелер мен олардың мәні.

Түйін сөздер: 5-7 сөз немесе сөз тіркестері - мәтінді іздеуді жеңілдету және жарияланымның пәндік саласын анықтау мақсатында таңдалады,

Кіріспе зерттеудің өзектілігін, мақсаты мен міндеттерін, таңдалған әдіснаманы, сондай-ақ өзінің зерттеуі мен шешімін талап ететін проблеманың қалыптасуына әкелген алғышарттарды қысқаша баяндауға арналған. Кіріспеде қалыптасқан проблемалық жағдайдың табиғатын түсіндіретін қысқаша тарихи-құқықтық экскурсияға жол беріледі. Кіріспенің көлемі екі беттен аспауы тиіс.

Материалдар мен әдістер пайдаланылған деректер көздерін (мақсатты зерттеулер нәтиже-лері бойынша ғылыми есептер, ресми статистика көздері, әлеуметтік сауалнама деректері, мұрағаттық материалдар, бағдарламалар, жобалар, тұжырымдамалар, нормативтік және баяндау көздері, ҚР Конституциялық Сотының (Кеңесінің) және ҚР Жоғарғы Сотының нормативтік қаулылары, қолжазба ескерткіштері және т.б.) көрсетуі тиіс. Зерттеу әдістері әдіснамаға сәйкес келуі, оларды таңдау мақсаты мен зерттелетін және шешілетін проблемаларға сәйкестік дәрежесі көрсетілуі қажет.

Нәтижелер мен талқылау (қажет болған жағдайда нәтижелер дербес құрылымдық құрамдас ретінде талқылаудан бөлек ұсынылуы мүмкін) зерттеу барысын баяндауға, дәлелдеу базасын құруға, ұсынылатын болжамдарды негіздеуге және дәлелдеуге, проблеманың мәніне әртүрлі көз-қарастардың дау себептерін түсіндіруге, осы мәселе бойынша өз ұстанымын қорғауға арналған.

Қорытындыда ғылыми проблеманы шешудің мәні мен ұсынылып отырған шешімді тәжірибеде қолдану мүмкіндігінің саласы дәйекті және қысқаша баяндалуы тиіс.

Қаржыландыру туралы ақпарат. Егер жарияланымды дайындау кезінде мемлекеттік грант, шетелдік немесе отандық әріптестік, қоғамдық қор және т.б. негізінде қаржылық қолдау көрсетілген жағдайда қаржыландыру туралы ақпарат орналастырылады.

Әдебиеттер тізімі тек баяндау сипатындағы қайнар көздерден тұрады. Нормативтік-құқықтық актілерге (заңдарға, халықаралық шарттарға, конвенцияларға, пактілерге, мемлекеттік бағдарламаларға, ведомстволық актілерге, мемлекеттік тұжырымдамаларға, үкіметтік қаулыларға, Бас Прокурордың актілеріне, Қазақстан Республикасы Конституциялық Сотының (Кеңесінің) және Жоғарғы Сотының нормативтік қаулыларына, мұрағаттарға) сілтемелер парақшада келтіріледі және әдебиеттердің жалпы тізіміне енгізілмейді.

Барлық мақалалар журнал сайты арқылы қабылданады. Сайтта тіркелу арқылы мақаланы жариялауға өтінімді жүктей аласыз:

<https://bulletin-jurisprudence-kaznpu.kz/index.php/home>

Тапсырыс нысаны:

№	Автор туралы мәлімет	
1	Аты-жөні (толық) + фото: 70x95	
2	ИИН (төлем жасау үшін)	
3	Ғылыми дәрежесі	
4	Ғылыми атағы	
5	Жұмыс орны	
6	Қызметі	
7	Индексі көрсетілген поштаның мекен-жайы (журнал жіберу үшін)	
8	Электрондық пошта адресі, байланыс телефондары	

Мақалаларды жариялауға қабылдау үшін ұсыну тәртібі:

Бірінші қадам: мақаланың мәтіні Журналдың сайтындағы жеке кабинетке жүктеледі.

Екінші қадам: мақала мәтіні толық көлемде PDF пішімінде плагиаттың бар-жоғын тексеру үшін жүктеледі.

Үшінші қадам: рецензиялау үшін мақала аты-жөні көрсетілмей және MS Word пішіміндегі аффилиациясыз жүктеледі.

Төртінші қадам: мақала мақұлданғаннан және оны жариялауға қабылдағаннан кейін корреспонденттік авторға төлем жасау үшін хабарлама және банк шотының деректемелері жіберілетін болады.

Мақалаларды ресімдеуге қойылатын талаптар

- жоғарғы сол жақ бұрышында бас әріптермен - ЭОЖ, ХҒТАР (Халықаралық ғылыми-техникалық ақпарат рубрикаторы);

- автордың ТАӘ жолы, ғылыми дәрежесі, ғылыми атағы, жұмыс орны арқылы - 6 символдық шегініспен сол жақ шетімен түзету;

- ортада мақала атауы арқылы БАС ӘРІПТЕРМЕН (жартылай қалың қаріппен - үш тілде: мақала тілінде, орыс, ағылшын);

- бір жолдан кейін аңдатпа (көлемі - 120 сөзден кем емес және 300 сөзден артық емес);

- бір жолдан кейін түйін сөздер (5-7 сөзден немесе сөз тіркестерінен артық емес);

- аңдатпа және түйінді сөздер - үш тілде: мақала тілінде, орыс және ағылшын тілдерінде;

- бір жолдан кейін - мәтін;

- әдебиеттер тізімі (тек баяндау дереккөздер үшін) - қаріп-курсив.

- Мақаланың көлемі - аңдатпаны, түйін сөздерді және әдебиеттер тізімін есептемегенде 12 бет-тен аспайды (ең аз көлемі - 5 бет). Ерекше жағдайларда көлем 15-17 бетке дейін ұлғайтылуы мүмкін.

- Мәтін Word 97-2003 редакторында теріледі.

- Times New Roman қарпі.

- Кегль - 14.

- Жоларалық интервал - 1,0.

- Поля: 20x20x20x20 (мм).

- Әдебиетке сілтемелер: дәйексөз ретімен төрт бұрышты жақшада: [1, 57 б.] - «1» - дәйексөз көзінің реттік нөмірі, «57-бет» - бетті және оның нөмірін көрсету.

- Нормативтік құқықтық актілерге және баяндау дереккөздерге жатпайтын өзге де дереккөздерге сілтемелер символдар жүйесі арқылы реттік нөмірін белгілей отырып, кіші жолақта (кегл - 10) беріледі (мысалы: мәтінде – «Мемлекеттік бағдарлама туралы» ҚР Үкіметінің қаулысы «... № ...¹»; «Мемлекеттік бағдарлама туралы» ¹... - Қазақстан Республикасы Үкіметінің № ...//https:// ...).

Әдебиеттің қосымша қосымша тізімдері роман әліпбиінде ресімделеді (References); сайтта орыс тілін латын әліпбиіне транслитерациялау бағдарламасын пайдалану ұсынылады <http://translit.ru>.

Көлемі 10 беттен аспайтын жарияланым құны - 5 000,00 теңге (пошта шығыстарын есептемегенде).

Мақаланы ресімдеу үлгісі

ХҒТАР 10.79.01
ӘОЖ 343.1

Т.Б. Хведелидзе¹ , Э.П. Кенжибекова^{1*}

¹Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті
(e-mail: khvedelidze_tima@mail.ru, *danaestai@mail.ru)

ҚЫЛМЫСТЫҚ ІСТЕР БОЙЫНША СОТ САРАПТАМАСЫ ОБЪЕКТІЛЕРІ РЕТІНДЕ ЦИФРЛЫҚ ТЕХНОЛОГИЯЛАРДЫ ЗАҢСЫЗ МАНИПУЛЯЦИЯЛАУ

Аңдатпа

Қазақстанда цифрлық технологияларды енгізудің бірден бір дәлелі болып 2017-2022 жылдар аралығына бағытталған 2017 жыл 12 желтоқсанындағы «Цифрлы Қазақстан» Мемлекеттік бағдарламасын жүзеге асыру табылады... (120 сөзден кем емес және 300 сөзден артық емес)

Түйін сөздер: (5-7 сөз немесе сөз тіркестері) қылмыстық істер бойынша дәлелдеу, ақпараттық-байланыс технологиялар, сот сараптамасы, арнайы ғылыми білімдер, киберқауіпсіздік, мәліметтер базасына рұқсатсыз қол жеткізу.

Т.Б. Хведелидзе¹, Э.П. Кенжибекова¹

¹Казахский национальный педагогический университет имени Абая
(e-mail: khvedelidze_tima@mail.ru, danaestai@mail.ru)

НЕПРАВОМЕРНЫЕ МАНИПУЛЯЦИИ ЦИФРОВЫМИ ТЕХНОЛОГИЯМИ КАК ОБЪЕКТЫ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Аннотация

Внедрение в Казахстане цифровых технологий является одним из результатов реализации Государственной программы «Цифровой Казахстан» от 12 декабря 2017 года, рассчитанной на период 2017-2022 гг.... (не менее 120 и не более 300 слов)

Ключевые слова: (5-7 слов или словосочетаний) доказывание по уголовным делам, информационно-коммуникационные технологии, судебная экспертиза, специальные научные знания, кибербезопасность, несанкционированный доступ к базам данных.

T.B. Khvedelidze¹, E.P. Kenzhebekova¹

¹Abai Kazakh National Pedagogical University
(e-mail: khvedelidze_tima@mail.ru, danaestai@mail.ru)

UNLAWFUL MANIPULATION OF DIGITAL TECHNOLOGIES AS OBJECTS OF FORENSIC EXPERTISE IN CRIMINAL CASES

Abstract

The introduction of digital technologies in Kazakhstan is one of the results of the implementation of the State Programme 'Digital Kazakhstan' dated 12 December 2017, designed for the period 2017-2022... (not less than 120 and not more than 300 words)

Key words: (5-7 words or collocations) evidence in criminal cases, information and communication technologies, forensic expertise, special scientific knowledge, cyber security, unauthorised access to databases.

Kipicne

Цифрлық трансформацияның, ақпараттық-коммуникациялық технологиялар саласын дамытудың 2023-2029 жылдарға арналған тұжырымдамасы Қазақстан Республикасының 2025 жылға дейінгі Ұлттық даму жоспарында көзделген құжат болды....

Материалдар мен әдістер

Авторлар ресми статистиканың деректерін, қаралып отырған проблемаға тікелей қатысы бар нормативтік құқықтық актілердің, үкіметтік құжаттардың мәтіндерін пайдаланды. Зерттеудің негізгі әдіснамасы ретінде дамуда, серпінде ғылыми және қолданбалы проблеманы қарастыруға мүмкіндік беретін диалектикалық тәсіл таңдалды. Аталған әдіснама шегінде құқықтық зерттеулер саласында дәстүрлі әдістер қолданылды: логикалық-құқықтық талдау, салыстырмалы құқықтану, баянды деректерді сыни талдау.

Нәтижелер және талқылау

Қазақстан цифрлық технологияларды құру, қоғамдық қатынастардың орасан зор спектрін компьютерлендіру ісінде жоғары нәтижелерге қол жеткізді. Бұл туралы елдің осы бағыттағы жетістіктерін сипаттайтын ресми құжаттар көрсетеді. Айталық, 2022 жылғы жағдай бойынша Қазақстанда АКТ саласында 10 989 IT-компания жұмыс істеген [1].

Қорытынды

1. Әлеуметтік практикаға жаппай енгізу жағдайында ақпараттық-коммуникациялық технологияларға заңсыз қол жеткізу қаупінің дәрежесі тұрақты өсу үрдісіне ие....

Пайдаланылған әдебиеттер тізімі:

1 Борчашвили И. Ш. Комментарий к Уголовному кодексу Республики Казахстан / Под общей редакцией А.К.Дәулбаева. В двух томах. Особенная часть (том 2). – Алматы: Жеті Жарғы, 2015. – 1120 с.

2 Toľubekova B., Khvedelidze T. Signs of Emergens of new Corruption Zones Risks Associated with Manipulation of Digital Technologies in Higher Education Institutions // Znanstvena Misel, Slovenia, Ljubljana, Vol. 2, N 63, 2022. Pp. 37-40.

3 Руденкова Ю.С., Хазиев Ш.Н., Усов А.И. Искусственный интеллект и судебная компьютерно-техническая экспертиза [Электрон. ресурс]. – 2024. – URL: <https://ekspertiza-reshenie.ru/articles/iskusstvennyy-intellekt-i-sudebnaya-kompyuterno-tehnicheskaya-ekspertiza/> (дата обращения: 16.11.2024.).

References:

1 Borchashvili I. Sh. Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Respubliki Kazahstan / Pod obshhej redakciej A.K.Daulbaeva. V dvuh tomah. Osobennaja chast' (tom 2). – Almaty: Zheti Zharzy, 2015. – 1120 s.

2 Toľubekova B., Khvedelidze T. Signs of Emergens of new Corruption Zones Risks Associated with Manipulation of Digital Technologies in Higher Education Institutions // Znanstvena Misel, Slovenia, Ljubljana, Vol. 2, N 63, 2022. Pp. 37-40.

3 Rudenkova Ju.S., Haziev Sh.N., Usov A.I. Iskusstvennyj intellekt i sudebnaja komp'juterno-tehnicheskaja jekspertiza [Jelektron. resurs]. – 2024. – URL: <https://ekspertiza-reshenie.ru/articles/iskusstvennyy-intellekt-i-sudebnaya-kompyuterno-tehnicheskaya-ekspertiza/> (data obrashhenija: 16.11.2024.).

**ВЕСТНИК КазНПУ ИМ. АБАЯ
СЕРИЯ «ЮРИСПРУДЕНЦИЯ»**

Уважаемые авторы!

Факультет истории и права НАО «Казахский национальный педагогический университет имени Абая» принимает к рассмотрению и опубликованию научные статьи по юридическим наукам в №3, 2026 года издания «Хабаршы / Вестник», Серия «Юриспруденция».

Начиная с №3 (81) 2025 г. редакционная коллегия внесла изменения и дополнения в требования, предъявляемые к статьям, представленным для опубликования. Эти обновленные требования обусловлены положениями приказа Министра науки и высшего образования Республики Казахстан от 14 июня 2024 года №295 «О внесении изменений в приказ Министра образования и науки Республики Казахстан от 12 января 2016 года №20 «Об утверждении требований к научным изданиям для включения их в перечень изданий, рекомендуемых для публикации результатов научной деятельности».

Тематические направления журнала:

- Общая теория государства и права;
- Конституционное право. Административное право и процесс;
- Гражданское право и процесс. Трудовое право. Образовательное право;
- Уголовное право и процесс. Криминология. Криминалистика.

Редакционная коллегия рассматривает следующие виды материалов:

- научные статьи;
- тематические обзоры по материалам научных форумов (международных и республиканских конференций, круглых столов, научных семинаров);
- рецензии на крупные публикации (монографии, учебники, академические курсы);
- персоналии в отношении выдающихся отечественных ученых-правоведов и практиков или их интервью по актуальным вопросам теории и практики права;
- письма в редакцию и ответы на них.

Поощряется цитирование статей, ранее опубликованных в Журнале, приветствуется цитирование источников, опубликованных в журналах, индексируемых в базах Scopus и Web of Science. Самоцитирование для одного автора допускается не более двух раз в одной статье.

Один автор не может публиковать более одной статьи в одном номере, за исключением случаев представления статьи в соавторстве. Разрешается соавторство не более четырех человек. Редакция вправе дать согласие на опубликование серии статей одного автора (группы авторов) под одним названием не более, чем в трех следующих друг за другом номерах Журнала.

Статьям, принятым к опубликованию, присваивается DOI (The Digital Object Identifier – обязательный международный цифровой идентификатор научной публикации). Каждая статья сопровождается справочными данными: «Для цитирования».

Статья должна быть вычитана и тщательно отредактирована (журнал не осуществляет литературного редактирования), в противном случае статья подлежит отклонению. Возможно небольшое техническое редактирование без согласования с автором. Редакция вправе вернуть статью на доработку по замечаниям рецензентов. При устранении замечаний с явным нарушением сроков редакция вправе перенести сроки опубликования на более поздние.

Статьи студентов, магистрантов принимаются при условии указания данных о научном руководителе, который несет персональную ответственность за содержание и качество представленной работы.

Представленная статья не должна быть ранее опубликована в ином издании. Название, МРНТИ и УДК должны соответствовать направлению и содержанию исследования, а также избранному направлению в структуре Журнала. Тематика публикуемой статьи должна быть актуальной, содержание отличаться новизной, включать аргументированные авторские выводы, использованная литература должна состоять не менее чем на 50% из источников,

опубликованных за последние 5-7 лет. Исключение составляют публикации, содержащие историко-правовой экскурс.

Структура научной статьи включает:

- название;
- аннотацию;
- ключевые слова;
- введение;
- материалы и методы;
- результаты и обсуждение;
- заключение;
- информацию о финансировании (при наличии);
- список литературы.

Название публикации должно быть четким и лаконичным, максимально точно ориентирующим читателя на содержание. Исключаются аморфные названия без определенных ориентиров, препятствующих читательскому поиску и выбору (например, «Некоторые вопросы законодательства о ...», «К вопросу о проблемах ...», «Отдельные заметки по поводу ...» и т.п.).

Аннотация должна соответствовать следующей структуре: указание на тип публикации (статья, обзор, заметка, рецензия, письмо в редакцию и ответ на него); суть исследования; использованные методы исследования; наиболее важные результаты и их значение.

Ключевые слова: 5 - 7 слов или словосочетаний - подбираются с целью облегчения поиска текста и определения предметной области публикации,

Введение предназначено для краткого изложения актуальности, цели и задач исследования, избранной методологии, а также предпосылок, которые повлекли формирование проблемы, требующей своего исследования и разрешения. Во введении допускается краткий историко-правовой экскурс, объясняющий природу создавшейся проблемной ситуации. Объем введения не должен превышать двух страниц.

Материалы и методы должны отражать источники использованных данных (научные отчеты по результатам целевых исследований, официальные источники статистики, данные социальных опросов, архивные материалы, программы, проекты, концепции, нормативные и нарративные источники, нормативные постановления Конституционного Суда (Совета) РК и Верховного Суда РК, рукописные памятники и т. п.). Методы исследования должны соответствовать методологии, перечислены с указанием цели их выбора и степени соответствия исследуемым и решаемым проблемам.

Результаты и обсуждение (при необходимости результаты могут быть представлены отдельно от обсуждения как самостоятельные структурные составляющие) предназначены для изложения хода исследования, выстраивания аргументационной базы, обоснования и доказывания выдвигаемых гипотез, объяснения причин спорности разных точек зрения на сущность проблемы, отстаивание собственной позиции по данному вопросу.

Заключение должно содержать последовательное и краткое изложение сущности решения научной проблемы и области возможного практического применения предлагаемого решения.

Информация о финансировании размещается в том случае, если при подготовке публикации была оказана финансовая поддержка на основании государственного гранта, зарубежного или отечественного партнерства, общественного фонда и т.д.

Список литературы состоит только из источников нарративного характера. Ссылки на нормативно-правовые акты (законы, международные договоры, конвенции, пакты, государственные программы, ведомственные акты, государственные концепции, правительственные постановления, акты Генерального Прокурора, нормативные постановления Конституционного Суда (Совета) и Верховного Суда РК, архивы) приводятся постранично в подстрочнике и в общий список литературы не включаются.

Все статьи принимаются через сайт журнала. Вы можете загрузить заявку на публикацию статьи через регистрацию на сайте:

<https://bulletin-jurisprudence-kaznpu.kz/index.php/home>

Форма заявки:

№	Сведения об авторе	
1	Ф.И.О. полностью + фото: 70x95	
2	ИИН (для оформления счета на оплату)	
3	Ученая степень	
4	Ученое звание	
5	Место работы	
6	Занимаемая должность	
7	Почтовый адрес с указанием индекса (для пересылки журнала)	
8	Адрес электронной почты, контактный телефон	

Порядок представления статей для приема к публикации

Шаг первый: текст статьи загружается в личном кабинете на сайте Журнала.

Шаг второй: текст статьи в полном объеме в формате PDF загружается для проверки на наличие заимствований.

Шаг третий: для рецензирования статья загружается без указания ФИО и аффилиации в формате MS Word.

Шаг четвертый: после одобрения статьи и ее приема к публикации корреспондирующему автору будут высланы уведомление и реквизиты банковского счета для оплаты.

Требования к оформлению статей

- в левом верхнем углу прописными буквами – МРНТИ, УДК (Международный рубрикатор научно-технической информации);

- через строку ФИО автора, место работы – выравнивание по левому краю с отступом в 6 символов;

- через строку название статьи по центру ПРОПИСНЫМИ БУКВАМИ (полужирным шрифтом – на трех языках: языке статьи, русском, английском);

- через строку аннотация (объем – не менее 120 и не более 300 слов);

- через строку ключевые слова (не более 5-7 слов или словосочетаний);

- аннотация и ключевые слова – на трех языках: языке статьи, русском и английском;

- через строку - текст;

- через строку список литературы (только для нарративных источников) – шрифт-курсив.

- Объем статьи – не более 12 страниц без учета аннотации, ключевых слов и списка литературы (минимальный объем – 5 страниц). В исключительных случаях объем может быть увеличен до 15-17 страниц.

- Текст набирается в редакторе Word 97-2003.

- Шрифт Times New Roman.

- Кегль – 14.

- Межстрочный интервал – 1,0.

- Поля: 20x20x20x20 (мм).

- Ссылки на литературу: последовательно в порядке цитирования в квадратных скобках: [1, с. 57] – «1» - порядковый номер источника цитирования, «с. 57» - указание на страницу и ее номер.

- Ссылки на нормативные правовые акты и иные источники, не относящиеся к нарративным источникам, даются в подстрочнике (кегель – 10) с обозначением порядкового номера через систему символов (например: в тексте – «постановление Правительства РК «О государственной программе ...» от ... № ...¹»; в подстрочнике – «¹ О государственной программе... - утверждено постановлением Правительства РК от ... № ...//[https:// ...](https://...)).

Пристатейные списки литературы оформляются в романском алфавите (References); рекомендуется использование программы транслитерации русского языка в латиницу на сайте <http://translit.ru>.

Стоимость публикации объемом не более 10 страниц – 5 000,00 тенге (без учета почтовых расходов).

Образец оформления статьи

МРНТИ 10.79.01

УДК 343.1

Т.Б. Хведелидзе ¹ , Э.П. Кенжибекова ^{1*}

¹Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті
(e-mail: khvedelidze_tima@mail.ru, *danaestai@mail.ru)

ҚЫЛМЫСТЫҚ ІСТЕР БОЙЫНША СОТ САРАПТАМАСЫ ОБЪЕКТІЛЕРІ РЕТІНДЕ ЦИФРЛЫҚ ТЕХНОЛОГИЯЛАРДЫ ЗАҢСЫЗ МАНИПУЛЯЦИЯЛАУ

Аңдатпа

Қазақстанда цифрлық технологияларды енгізудің бірден бір дәлелі болып 2017-2022 жылдар аралығына бағытталған 2017 жыл 12 желтоқсанындағы «Цифрлы Қазақстан» Мемлекеттік бағ-дарламасын жүзеге асыру табылады... (көлемі - 120 сөзден кем емес және 300 сөзден артық емес)

Түйін сөздер: (5-7 сөз немесе сөз тіркестері) қылмыстық істер бойынша дәлелдеу, ақпараттық-байланыс технологиялар, сот сараптамасы, арнайы ғылыми білімдер, киберқауіп-сіздік, мәліметтер базасына рұқсатсыз қол жеткізу.

Т.Б. Хведелидзе ¹, Э.П.Кенжибекова ¹

¹Казахский национальный педагогический университет имени Абая
(e-mail: khvedelidze_tima@mail.ru, *danaestai@mail.ru)

НЕПРАВОМЕРНЫЕ МАНИПУЛЯЦИИ ЦИФРОВЫМИ ТЕХНОЛОГИЯМИ КАК ОБЪЕКТЫ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Аннотация

Внедрение в Казахстане цифровых технологий является одним из результатов реализации Государственной программы «Цифровой Казахстан» от 12 декабря 2017 года, рассчитанной на период 2017-2022 гг.... (не менее 120 и не более 300 слов)

Ключевые слова: (5-7 слов или словосочетаний) доказывание по уголовным делам, информационно-коммуникационные технологии, судебная экспертиза, специальные научные знания, кибербезопасность, несанкционированный доступ к базам данных.

T.B. Khvedelidze¹, E.P. Kenzhebekova¹
¹Abai Kazakh National Pedagogical University
(e-mail: khvedelidze_tima@mail.ru, *danaestai@mail.ru)

UNLAWFUL MANIPULATION OF DIGITAL TECHNOLOGIES AS OBJECTS OF FORENSIC EXPERTISE IN CRIMINAL CASES

Abstract

The introduction of digital technologies in Kazakhstan is one of the results of the implementation of the State Programme 'Digital Kazakhstan' dated 12 December 2017, designed for the period 2017-2022... (not less than 120 and not more than 300 words)

Key words: (5-7 words or collocations) evidence in criminal cases, information and communication technologies, forensic expertise, special scientific knowledge, cyber security, unauthorised access to databases.

Введение

Принятая Концепция цифровой трансформации, развития отрасли информационно-коммуникационных технологий и кибербезопасности на 2023-2029 годы была документом, предусмотренным Национальным планом развития Республики Казахстан до 2025 года . . . . .

Материалы и методы

Авторами использованы данные официальной статистики, тексты нормативных правовых актов, правительственных документов, имеющих непосредственное отношение к рассматриваемой проблеме. В качестве основной методологии исследования избран диалектический подход, который позволяет рассматривать научную и прикладную проблему в динамике, в развитии. В пределах названной методологии применены традиционные методы в области правовых исследований: логико-правовой анализ, сравнительное правоведение, критический анализ нарративных источников.

Результаты и обсуждение

Казахстан достиг высоких результатов в деле создания цифровых технологий, компьютеризации огромного спектра общественных отношений. Об этом говорят официальные документы, описывающие достижения страны в этом направлении. Так, утверждается, что по состоянию на 2022 год в Казахстане в области ИКТ функционировало 10 989 IT-компаний [1].

Заключение

1. В условиях повсеместного внедрения в социальную практику цифровых технологий степень угроз неправомерного доступа к информационно-коммуникационным технологиям обладает устойчивой тенденцией роста. . . . .

Список использованной литературы:

1 Борчаивили И. Ш. Комментарий к Уголовному кодексу Республики Казахстан / Под общей редакцией А.К.Даулбаева. В двух томах. Особенная часть (том 2). – Алматы: Жеті Жарғы, 2015. – 1120 с.

2 Toleubekova B., Khvedelidze T. Signs of Emergens of new Corruption Zones Risks Associated with Manipulation of Digital Technologies in Higher Education Institutions // Znanstvena Misel, Slovenia, Ljubljana, Vol. 2, N 63, 2022. Pp. 37-40.

3 Руденкова Ю.С., Хазиев Ш.Н., Усов А.И. Искусственный интеллект и судебная компьютерно-техническая экспертиза [Электрон. ресурс]. – 2024. – URL: <https://ekspertiza-reshenie.ru/articles/iskusstvennyy-intellekt-i-sudebnaya-kompyuterno-tehnicheskaya-ekspertiza/> (дата обращения: 16.11.2024.).

References:

1 Borchashvili I. Sh. *Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Respubliki Kazahstan / Pod obshhej redakciej A.K.Daulbaeva. V dvuh tomah. Osobennaja chast' (tom 2).* – Almaty: Zheti Zharzy, 2015. – 1120 s.

2 Toleubekova B., Khvedelidze T. *Signs of Emergens of new Corruption Zones Risks Associated with Manipulation of Digital Technologies in Higher Education Institutions // Znanstvena Misel, Slovenia, Ljubljana, Vol. 2, N 63, 2022. Pp. 37-40.*

3 Rudenkova Ju.S., Haziev Sh.N., Usov A.I. *Iskusstvennyj intellekt i sudebnaja komp'juterno-tehnicheskaja jekspertiza [Jelektron. resurs].* – 2024. – URL: <https://ekspertiza-reshenie.ru/articles/iskusstvennyy-intellekt-i-sudebnaya-kompyuterno-tehnicheskaya-ekspertiza/> (data obrashhenija: 16.11.2024.).